This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ,

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, АРХЕОЛОГІИ, СЛОВЕСНОСТИ

И

СРАВНИТЕЛЬНЫХЪ КОСТЮМОВЪ.

Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ Отечество; *желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да правила Мудраго* Самодержавія *и* Святой Вѣры *болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія . . . по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!*

Карамзинъ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1829.

P Slav 613.10
Slav 90.48

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
11 DEC 1924

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра сей книги.

Москва, 2 Мая, 1829.

Цензоръ Владиміръ Измайловъ.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ XVII, XVIII, XIX и XX.

I. ИСТОРІЯ.

СКАЗАНІЕ О ПОБОИЩѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ДИМИТРІЯ ІОАННОВИЧА ДОНСКАГО.

Сіе епико-историческое описаніе побѣды Великаго Князя Димитрія надъ Мамаемъ находится неполное въ разныхъ сборникахъ и лѣтописяхъ; полное, здѣсь помѣщаемое, отыскано Профессоромъ Московскаго Университета Ѳ. Ѳ. Тимковскимъ, моимъ незабвеннымъ наставникомъ, и подарено, въ спискѣ, Обществу Исторіи и Древн. Росс. Гмъ Профессоромъ Н. Н. Сандуновымъ. Гг. К. Ѳ. Калайдовичъ и П. М. Строевъ первые извѣстили о семъ драгоцѣнномъ памятникѣ письменности Руской, о коемъ упоминаетъ и Карамзинъ въ V т. Исторіи Государства Росс., въ прим. 65, обозначая два описанія битвы Великаго Князя Димитрія Московскаго съ Татарами — одно дѣйствительно историческое и современное, находящееся въ *Ростовской* и въ иныхъ достовѣрныхъ лѣтописяхъ, а другое, напечатанное въ Кіевскомъ Сунопсисѣ и Никонов-

ской лѣтописи баснословное и сочиненное, по предположенію Исторіографа, въ исходѣ XV вѣка Іереемъ Рязанскимъ Софроніемъ.

Издаваемая теперь мною рукопись, помѣщенная въ Сборникѣ Тимковскаго, писанномъ уставомъ въ началѣ XVII вѣка, въ 4, во многомъ основана на изустныхъ преданіяхъ и сходна съ Росш. лѣтописью. Что сія *умильная* повѣсть, какія встрѣчаются въ лѣтописяхъ нашихъ, есть современная, то доказываютъ слѣдующія въ ней слова: *сеже слышахомъ отъ вѣрнаго самовидца.* Неизвѣстному сочинителю оной была извѣстна Игорева пѣснь: сіе подтверждается сходствомъ изображеній, оборотовъ и даже словъ. Такое сходство замѣчено и Г-мъ Калайдовичемъ въ XI части Трудовъ Общества Любителей Рос. Слов. — Достоинствомъ своимъ сія повѣсть ниже Игоревой пѣсни, хотя въ ней есть мѣста истинно піитическія и обстоятельства для Исторіи важныя; но разсказъ не рѣдко перерываешся позднѣйшими вставками, текстами изъ Св. Писанія, рѣчами и молитвами дѣйствующихъ лицъ, искажаешся анахронизмами, по видимому, не всегда принадлежащими самому сочинителю (*).

Въ разныхъ спискахъ дѣланы были или сокращенія или дополненія; такъ на пр. въ Ермолаевскомъ и моемъ есть мѣстныя подробности, относящіяся къ Троицкой Лаврѣ:

(*) У меня есть вѣрный списокъ *Слова* ѡ *житьи и* ѡ *преставленіи В. К. Димитрія Ивановича Царя Рзскаго*, XVI в. изъ Лѣтописи Голицынской.

изъ чего заключить можно, что оный тамъ писанъ. Кромѣ варіантовъ, заимствованныхъ мною изъ двухъ списковъ: Ермолаева, сходнаго съ Синодальнымъ (*) N° 365, и Сборника (**) мнѣ принадлежащаго, для объясненія, поправленія и соображенія я указывалъ на параллельныя мѣста въ нашихъ лѣтописцахъ и другихъ письменныхъ памятникахъ. Значеніе нѣкоторыхъ словъ для насъ потеряно.

Опытнѣйшимъ нашимъ Археологамъ и Филологамъ предоставляется дополнить недостатки сего изданія, коимъ исполняя препорученіе Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, я желалъ оказать услугу любителямъ и знатокамъ древней нашей Словесности посредствомъ Журнала, посвященнаго Отечественной Исторіи и Словесности.

Содержаніе сего сочиненія слѣдующее: Вступленіе. Приготовленіе къ битвѣ В. К. Димитрія. Выступъ и смотръ войска. Раскаяніе Ольга и Ольгерда. Переходъ черезъ Донъ. Распоряженіе войска и приведеніе онаго въ боевой порядокъ. Описаніе примѣтъ предъ битвою. Описаніе самой битвы. Заключеніе.

И. С.

(*) Доставленъ мнѣ въ собственноручномъ спискѣ Гм. Спасскимъ Совѣтникомъ В. Г. Анастасевичемъ. Въ библ. Графа Ѳ. А. Толстаго есть нѣсколько списковъ сей повѣсти.

(**) XVII вѣка. Въ немъ нѣтъ вступленія, а начинается съ словъ: *Скудость же бысть ума во главѣ его* — и оканчивается: *и прінде на градъ Москву и сяде на своемъ княженіи и царствуетъ в немъ.*

СКАЗАНІЕ О ПОБОИЩѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ДИМИТРІЯ ІОАННОВИЧА ДОНСКАГО.

Сія повѣдай, оуранъ (1), како случися на Дону православнымъ христіяномъ з безбожными Агаряны, како возвыси Господь родъ христіянскій, а поганыхъ оуничижи и посрами ихъ суро́в'ство, якоже иногда Гедеономъ Мадіама низложи, и православнымъ Моисеомъ Фараона. И нынѣ подобаетъ вѣдати намъ величія Божія, како шворитъ Господь волю боящимся его, и како пособи Господь Богъ православному, великому Князю Димитрію Ивановичю Владимерьскому надъ безбожными Агаряны (2). Лѣта же того попущеніемъ Божіимъ от наученія діаволя воздвигся царь от восточныя страны имянемъ Мамай (3), Еллинъ сы родомъ, вѣрою идоложрецъ, иконоборецъ злый, христіянскіи ненавистникъ и укоритель, и вниде въ сердце его діяволъ под'стрекашель, иже всегда пакости дѣя христіяномъ, и наусти его разорити православную вѣру всему христіянству, да не сла-

(1) Не есть ли ешо обращеніе къ *Уранiи*, одной изъ девяти Музъ, дщерей Юпитера и Мнемозины, или къ *Урану*, отцу Сатурна, который принимается, вмѣсто неба (οὐρανὸς)? ср. *Кедрина*. 102. 83. — *Никон. Л.* IV. 254, 255, 279. *Ерм.* Хочемъ, братія, начати повѣсти новыя побѣды, и пр.

(2) *Ерм.* Татары.

(3) *Русск. врем.* l. 2. 80. *Еллинами* въ Св. Писаніи и въ Кормчей кн. называются язычники, иногда здѣсь тоже что̀ *поганые* и *Татары*.

вится в нихъ имя Господне в людѣхъ цѣхъ. Господь что хощетъ, то и створитъ. Тойже безбожныі царь Мамай нача завидѣти первому Батыеви (1), и второму безбожному Батыю (2), и нача испы́товаши старыхъ Еллинъ (3): како Батый пленилъ Киевъ, и Володимеръ, и всю Русь Словенскую (4), и како уби Князя Юрія Димитріевича, и мнози православныя Князи изби, и мнози манастыри плени и осквернѝ вселенскую пречистую церковь, разграби злато; и бысть ослѣпленъ очима. Тогоже неразумѣша нечестивыи, яко Господу годѣ, шако да и будетъ, якоже во иныи дни Иерусалимъ плѣненъ бысть (5), и потомъ мерскимъ царемъ Навход'носоромъ Вавилонскимъ за ихъ согрѣшеніе. Но не до конца прогнѣвается Господь, ни во́вѣки враждуетъ. Слышавъ же безбожныі царь Мамай (6), и нача діяволомъ палимъ быти непрестанно, рапуя на христіянство, нача глаголати ко своимъ оупатомъ (7) и Княземъ и оуланомъ (8): яко нехощу азъ шако створити, како Батый (9); азъ Кня-

(1) *Никон. Л.* VI. 111.
(2) *Ерм.* и новому законопреступнику Юліану возревновавъ.
(3) *Никон. Л.* VII. 29, 327, 334, 335.
(4) *Ерм.* землю Рускую.
(5) *Ерм.* Тишусомъ Римскимъ. *Никон. Л.* IV. 351.
(6) *Ерм.* отъ своихъ Агарянъ.
(7) *Ерм.* Евпатомъ. *Ник. Л.* VI. 179. Янкупатомъ. Греч. ὕπατος, чиноначальникъ.
(8) *Ерм.* воеводамъ. *Царств. кн.* 52. — Rer. Moscov. scriptores. p. 76.
(9) *Ерм.* егдаже бо дойдемъ руси, убію и пр.

зи ихъ из'ждену; а которые государи красные, тѣхъ хощу видѣти (1) тихо и безмятежно (2). Но рука Божія высока. По малехъ же днехъ, по глаголехъ его, царь Мамай перевезеся великую рѣку (3) Волгу со всѣми силами своими и многи орды совокупи съ собою и глаголя имъ: „Яко обогатѣете рускимъ златомъ, и пойдѣ на Русь сердитуя (4) яко левъ, пыхая яко неутолимая ехидна; дои́деже до устъ рѣки Воронóжа и распусти облаву̀ свою, заповѣда оулусомъ (5) своимъ, „яко да ни единъ у васъ пашетъ хлѣба: будите готови на Рускую землю на хлѣбы!" Слышав же то Олгъ Резанскіи, яко царь Мамай близъ кочюетъ, а и́детъ на Русь ратію, стоитъ на Воронóже; а и́детъ на Великаго Князя Димитрія Ивановича (6). Бысть же оу Олга Князя Резанскаго скудость оума во главѣ, и сатана оухищреніе вложи въ сердце его; нача посылати послы къ Мамаю царю со многою честію и дарьми; ярлыкъ же свой писа к нему сице: „Восточному (7) царю Мамаю твой посажéнный присяжникъ (8)

---

(1) *Ерм.* и ту сядемъ вѣдати, тихо и безмятежно поживемъ, невѣдый того, яко. . . .
(2) *Никон. Лѣт.* V. 267. VII. 29. *Царств. кн.* 15, 32.
(3) *Ерм.* Оку и Волгу.
(4) *Ерм.* ревый, яко левъ дыхая.
(5) *Ерм.* улусникомъ; въ *Снг.* оуланомъ. — Oblava. Г. Линде производитъ ето слово отъ *ловъ*.
(6) *Продолж. древ. Вивліоѳики.* IV. 177, 192.
(7) *Ерм.* приб: вольному.
(8) *Ерм.* твой посажникъ.

Олгъ Резанскій, слышахъ тя господина моего милостива, хощеши ити на Русь на своего посажéника и служебника, на Князя Димитрея Московскаго, огрозишися ему хощеши; нынѣ же, господине, пріиди (1) время есть, злата и богатества наполнися земля его. И тако бо вѣмъ, всевѣтный (2) царю, яко крошокъ есть человѣкъ Дмитреи; егда же оуслышитъ имя (3) яросни твоея: то ошбежитъ отъ тебе в дальныи ошóкъ, гдѣ есть мѣсто пусто и неключимо (4); злато же и богатество (5) все будетъ во твоихъ рукахъ. Мѣне же раба твоего, царю, держава твоя пощадитъ; азъ бо ти Русь велми оуспрашаю и Князя Димитрея (6). Но и не то одно, царю, егда о своей обидѣ и твоимъ имянемъ погрожу ему; а онъ о томъ не радитъ, еще де градъ мой Коломну взялъ за себя, да о томъ о всемъ молю тя, царю, не презри моленія моего." Ярлыкъ списавъ, посла же не пославъ, но посла посолство къ великому и велерѣчивому и к велѣоумному Олгирду Литовскому (7), смысливъше худымъ своимъ оумомъ, и писа грамоту сице: „Вели-

(1) *Ерм.* приспѣ.
(2) *Ник. Лѣт.* IV. 133. и *Снг.* всесвѣтлый.
(3) *Ерм.* и.
(4) *Ерм.* въ дальныя свои страны Кн. Вел. Димитрій, любо въ Новгородъ великій, любо на Двину.
(5) *Ерм.* приб.: Московскаго.
(6) *Ерм.* приб.: Ивановича, и еще Царю молю тя оба есмы твои рабы и я велику обиду приях, отъ тогожъ Димитрія Вел. Кн.
(7) *Ник. Л.* Ягайлу Олгердовичу.

кóму Князю Олгирду Лишовскóму Олгъ Резанскíи, пишу радованшися. Вѣдаю бо, яко издавна мыслилъ еси на Московскаго Князя Димитрея изъгонити его, а Москвою (1) владѣти: нынѣ же приспѣ время намъ; яко великíи царь Мамай идетъ на него и хощетъ пленити землю его. Нынѣ же приложимся (2) и мы к нему, да шебѣ дастъ Москву и їныя присяжныя грады, а мнѣ Коломну (3) и которые близъ Муромъ и Володимеръ. Ты же и азъ пошлéмъ послы к нему и дáры, елико имамъ какíе, и пиши книги к нему, елико самъ вѣси паче мене. Азъ же писахъ, но не послахъ, хощу со единаго с тобою и жду твоего послáсаря.“ Пріидеже посолъ и вдастъ грамошу Олгирду ѿшъ Волга (4). Олгирдъ же прочетъ грамошу, и радъ бысть и похваливъ друга своего Олга великою похвалою. Посла посолъ свой ко царю и дáры безчислѣныи, и книгу писавъ к нему сице: „Великому восточному царю Мамаю Князь Волгирдъ Лишовскíи многу милость. Слышавъ, господине, хощеши оу́лусь свой казнити (5) и Московскаго Князя Димитрíя, да того ради молю тя, царю, яко обиду (6) сотвори Олгу Резанскому, а мнѣ тако же пакости дѣя. Но молимъ тя оба, да при дѣржаве царстѣ-

(1) *Ерм.* Московскою землею.
(2) *Ерм.* приложимся.
(3) *Ерм.* Колюмно, и Володимеръ и Муромль, иже ошъ моея власти.
(4) *Ерм.* вм. Олга.
(5) *Ерм.* своего служебника М. К. Д. и пр.
(6) *Ерм.* пакость.

вія твоего (1) видишъ твое смотреніе нашу грубость ошъ Московскаго Князя Димитрея. Все же глаголютъ лестію на великаго Князя Димитря, и ркучи в себѣ: егда оуслышитъ имя твое царево и нашу присягу к тебѣ (2): то отбежитъ въ великии Новъград, или на Двину, а мы сядемъ на Москвѣ и на Коломнѣ. Егда царь не пріидетъ (3) и мы ему бо́лшая сихъ сряще (4). Царь же возвратишися, и мы и (5) Княженіе Московское раздѣлимъ инѡквѝннѣ (6), иной къ Резане. Но и вѣдаемъ, яко царь имаетъ ярлыкъ даши намъ и родомъ нашимъ." Но сами ся невѣдаютъ, что глаголютъ, яко несмыслени и млади оумомъ, аки не вѣдуще Божія силы и владычня смотренія. Богъ даетъ власть ему же хощетъ. По истиннѣ бо рече (7): аще кто деръжится добродѣтели, то не можетъ безо многихъ враговъ быти. Князь же Димитрей Ивановичь образъ смиренномудрія нося и смиренія во высокихъ ищетъ, еще же не чюже бывшихъ сихъ, иже совещаша на него, ближніи его. О таковыхъ бо рече Пророкъ: не помысли ближнему своему зла, тобя не постигнетъ. Той же паки рече:

(1) *Ерм.* приб.: на отоки твои.
(2) Правильнѣе, чѣмъ у *Ерм.* к нему.
(3) *Ерм.* егдаже придетъ.
(4) *Ник. Л. IV.* 250.
(5) Не *имый ли*?
(6) Въ *Ерм. сп.* етаго нѣтъ; Г. Анастасевичь думаетъ, что должно читать: *ино къ Двинѣ?* Въ *Снг. сп.*: *ово к Вилне.*
(7) *Ерм.* Аще кто ко Богу вѣру держитъ зъ добрыми дѣлы и во правду въ сердцѣ имѣяй, не можетъ быши безъ многихъ врагъ.

изрыи яму, самъ въпадешся в ню (1). Придоша же (2) книги по сорченному словеси отъ Олгирда Литовскаго, и отъ Олга Резанскаго къ безбожьному царю Мамаю и дары многочестныи вдаша ему и книги писаны. Безбожныи же возрѣвъ писанія (3) и рече: „облестьми сіе писаніе (4).“ И нача думати со алпаоушы своими; они же разумѣша, яко прилѣжно писаніе ихъ. И рече царь: „Азъ чаяхъ, яко во едино совокуплени будутъ на мя; нынѣ же разумѣю, яко разность между ихъ велика есть. Имамъ оубо на Русь быти.“ Пословъ же шѣхъ честновахъ, отпусти ихъ, а писаніе писа Олгирду Литовскому и Олгу Резанскому: „Елико писасте ко мнѣ, познахъ, а на дарѣхъ вашихъ хвалю вамъ. Колико хощете Рускія вотчины, тѣм васъ одарю; токмо присягу ко мнѣ имѣйте; нынѣ же срѣтите мя съ своими силами, гдѣ оуспѣете, да одолѣете своего недруга, а мнѣ ваша пособь недобрѣ надобна. Аще бо хотѣлъ, то и своею силою древніи Иерусалимъ пленилъ быхъ. Но чти вашея хощу, а моимъ именемъ и вашею рукою распущенъ (5) будешъ

(1) *Ерм.* Не сотвори сусѣду своему, ни ближнему своему зла, ни рый, ни подкопывай подъ другомъ своимъ ямы, самъ бо горше въ ню ввержень будеши. *Псал.* VII. 16. Сей шексшъ превращенъ въ народную пословицу.

(2) *Ерм.* послове отъ Олгерда и Рязанскаго.

(3) *Ерм.* Царь Мамай воспріа дары съ любовію и написанныхъ книгъ разслухавъ и пословъ чествовавъ, отпустивъ и писаніе отписавъ Олгерду Литовскому и Олгу Рязанскому.

(4) Rer. Moscov. scriptores. 76. — *Ник. Л.* IV. 86.

(5) *Ерм.* и *Снг.* распужень отъ глаг. распудити.

Князь Димитрей Московскіи, да огрозится имя ваше во странахъ вашихъ. А мнѣ бо достойтъ побѣдити царя себѣ подобна и довлѣетъ ми царска честь. Сице Князем своимъ рцыте (1)." Послы же возвратишася к нимъ, и повѣдаша, яко царь здравитъ, вел'ми хвалитъ. Они же возрадовашася о суетнѣмъ привѣте скуднымъ своимъ оумомъ, что оубо сихъ нареку. Аще бы врази были себѣ: то особную бранъ сотворили, нынѣ сія глаголы что есть едина вѣра и едино крещеніе, а поганому приложилися и вкупѣ з безбожнымъ хотятъ гонити православную вѣру. О таковыхъ рече Патерикъ: по истиннѣ бо отсрѣкошася (2) своея масліны и присадишася к дикой маслинѣ. И тако сіи безбожныи отвергошася вѣры христіянскія, прилѣпишася к без'божному. Олгъ же нача паче поспѣшивати и слати послы к Мамаю царю, и рече: „подвизаися скоро." О таковыхъ бо рече Писаніе: о неразъсуженія пути беззаконныхъ не спѣютъ, но збираютъ себѣ досады и по́носъ; правыхъ же путіе спѣютъ. Нынѣ сего Олга нарече втораго Святополка.

Слышавъ же то Князь Димитреї Ивановичь, яко грядетъ на него безбожныи царь Мамай, и неоуклонимая рать (3) на Христову вѣру, поревновавъ неиз'глаголанному Батыеви. Князь же Великіи Ди-

(1) *Ерм.* яко иду къ нимъ со миромъ, только срящутъ мя съ вои своими.

(2) *Ерм.* отсѣкошася своея масличины.

(3) *Ерм.* неуклонно яряся.

митрей Ивановичь опечалився вел'ми отъ безбожнаго нахожденіи, и ставъ предъ иконою (1), иже стоящъ в'возглавіи ему и' падъ на колѣно, поклонився, плача молишися предъ образомъ и рече: „Аще, Господи, смѣю молюпися смиренныи рабъ твой, простри оуныніе мое, на тя оуповаю, Боже мой, разверзи, Господи, печаль мою! Ты бо еси свидѣтель намъ, Владыко! Не сотвори намъ, якоже отцемъ нашимъ, якоже наведе на градъ нашъ злаго Башыя (2) и еще тошъ страхъ и трепетъ в насъ великъ есть. Нынѣ же, Господи, не до конца прогнѣваися на ны; вѣмъ бо, яко мене ради грѣшнаго хощеши истребити землю Рускую. Азъ бо согрѣшихъ предъ тобою паче всѣхъ человѣкъ. Сотвори, Господи, ради слезъ моихъ милость свою и оукрѣпи сердце мое ко свирѣпому, якоже Езекѣй возвысився и рече: на Господа оуповах и не изнемогу (3).“ И посла по браша своего по Князя Владимера Анъдрѣевича; онъ же бѣ во своей державѣ Боровскѣ (4) и посла по вся воеводы, и по мѣстныя Князи (5). Князь же Владимеръ Анъдрѣевичь приѣхавъ борзо во градъ Москву и мнози (6) Князи и

(1) *Ерм.* святою иконою Господня образа.

(2) *Ерм.* иже наведе на ны и на вся грады ихъ злого Башыя.

(3) *Ник. Л.* IV, 86.

(4) *Ерм.* во своей бо бяше ему обители въ Боровицкѣ, и по всей землѣ разславъ гонцѣ.

(5) Въ *Ерм.* приб.: повелѣ имъ скоро быти къ себѣ на Москву.

(6) *Ерм.* вси.

воеводы съехашася. Князьже Великий Димитрей Ивановичь поимъ брата своего Князя Владимера, иде ко Преосвященному Митрополиту Кипрѣяну (1) и рече: „Вѣси ли, отче, господине, настоящую бѣду на насъ, яко царь Мамай идетъ на насъ в неоукротимѣ образѣ и яросши (2).“ Пресвѣщенныи же Митрополитъ Кипреянъ рече Великому Князю Димитрею: „Повѣжды ми, господине, чимъ еси неизправился к нему?“ Князь же Великій Димитреи Ивановичь рече: „Исправилъ бо ся, отче, всѣмъ до велика к нему, по оуставу (3) отецъ своихъ; но еще и боле того воздахъ ему.“ Преосвященныи же Митрополитъ рече Великому Князю: „Видиши ли, господине, попущеніемъ Божіимъ, нашихъ ради грѣховъ, идетъ пленити в Рускую землю. Но вамъ подобаетъ Рускимъ Княземъ тѣхъ оутолиши ради крестьянскаго роду четверицею сугубою, дабы не разрушилъ христовы вѣры. Аще ли не смиришся: то Господь гордымъ противится, писано есть, а смиреннымъ благодать даетъ. Господь Богъ смиритъ его (4), якоже иногда случися великому Василію в Кесаріи. Идыи на него злыи преступникъ ис Персъ, хотя разорити

(1) Вел. Кн. Димитрій по Троицкому, Ростовскому и другимъ лѣтописцамъ, кромѣ Никоновскаго, за Кипріаномъ послалъ во время нашествія Тохтамыша, а Кипріанъ пріѣхалъ въ Москву 1381 года.
(2) *Ерм.* неуклоннымъ образомъ яростъ нося.
(3) *Ерм.* преданію.
(4) *Никон. Л.* IV. 235.

градъ его; онже помолися Богу со всѣми Хрістіяны, и собраша злата много, дабы отступника оушолити. Онъ же болѣ воз'ярився, и Господь посла на него вóйна своего Меркурія: онъ же оуби гонителя мечемъ невидимо (1). Нынѣ же возми, господине, злата, колико имаеши, и пошьли к нему, исправися емоу.“ Еще Князь Великіи Димитрей Ивановичь слышавъ отъ Архіепископа (2), иде з брáтомъ своимъ въ казну свою и въземъ злата много, нача избираши юныхъ отъ двора своего, и їзбра юношу доволна смысломъ имянемъ Захарію Тóшкова (3) и давъ ему два толмача, оумѣющу языку Еллинскому и злата много отпусти с нимъ ко Царю. Захарія же дóйде земли Резанскіе, и слышавъ то, яко Олгъ Резанскіи и Олгирдъ Литовскіи приложилися (4) к Мамаю Царю, и посла к Великому Князю тайно посла, Князь же Великіи слышавъ то з брáтомъ своимъ, начаша сердцемъ двизатися, оба яростни и горестни наполнився, сташа нача молитися: „Господи Боже мой, на тя надѣюся в правду (5), ты бо еси волю твориши любящимъ тя; аще ми врагъ пакостни дѣя, то подобаетъ ми противу его итти, яко искони есть врагъ христіянству. Но с нимъ други мои и ближніи мои тако на мя оумы-

(1) *Архангл. Л.* 45.
(2) *Никон. Л. IV.* 70, 193; VII. 118.
(3) *Ерм.* Тушинина.
(4) *Ерм.* приложистася.
(5) *Ерм.* правду любящаго.

слыша. Суди, Господи, по правдѣ между ихъ и мною, азъ бо ни единаго зла сотворихъ имъ, развѣ чщи и даровъ отъ нихъ пріяхъ, имъ и воздахъ. Но суди, Господи, по правдѣ моей, да нескончается злоба грѣшныхъ (1)." Поимъ же браша своего Князя Владимера и иде вдругіе къ Преосвященному Митрополиту Кипреяну, повѣдай ему, какъ (2) приложилися и совокупилися съ Мамаемъ. И рече Преосвященный Митрополитъ Кипреянъ: „То и самъ паки, Князь, же вѣси, кою обиду сотворилъ еси имъ?" Князь же Великіи прослезився, рече: „Азъ есми, господине, грѣшный человѣкъ предъ Богомъ, а к нимъ ни единою чершою не преступихъ по отецъ своихъ оуставу, но и самъ, отче, вѣси, яко доволенъ есми отчиною (3) своею. Но к нимъ кою обиду сотворилъ, не вѣмъ; чшо ради оумножимася спужающей ми (4)?" Преосвященный же Митрополитъ рече к Великому Князю: „Просвѣти, господине, очи свои веселіемъ. Ты самъ, господине, разумѣеши законъ Божіи. Кто творяй правдѣ, неподвижится на него человѣцы, яко праведенъ Господь и правду возлюби: нынѣ обыдоша, аки пси мнози (5); пустошныхъ суетно

(1) *Несторъ*, изд. Р. Ѳ. Тимковскаго, стр. 101. — *Никон. Л.* VII. 329. *Псл.* 7. 9.
(2) *Ерм.* яко Олгердъ Литовскій Князь и Олегъ Резанскій совокупистася на ны.
(3) *Никон. Л.* IV. 95.
(4) *Псал.* 3. 2.
(5) *Псал.* 16. 11.

и тщетно поучаются. Ты же именемъ Господнимъ ирошивися имъ, и Господь правдивъ будетъ ти помощникъ; аще ли ни, то отъ всевидящего ока его гдѣ можеши укрытися и отъ крѣпкія руки его?" Князь же Великій Димитрей Ивановичь з братомъ своимъ с Княземъ Владимеромъ и со всѣми Рускими Князи и Воеводы (1), яко оуставиши стражу шверду, и послаша на сторожу крѣпкій юноша Родиона Ржевскаго, Якова Оусатаго (2) Аньдрѣева сына, Василія Тупика, и повелѣ имъ ехати (3) близъ орды и до быстрыя Сосны, повѣлѣ имъ языка (4) добывати, дабы истинно слышали царева хотѣнія. Граматы же разославъ Князь Великій по всѣмъ градомъ, да будете готови на брань и збирителеси на Коломну бишися з безбожными Агаряны. Вси бо на мя собрашася сопостати, но помощію Божіею и молитвами святыя Богородица, изыдемъ имъ во срѣтеніе. Сторожи же в поле замедлиша, онъ же другія сторожи посла и повелѣ имъ вскорѣ возвратишися, а посла Клименъша Полянинова (5), да Ивана

(1) *Ерм.* приб.: здумаша.
(2) *Ерм.* Волосатого.
(3) *Ерм.* на тихомъ Сосьѣ стеречи со великимъ усердіемъ.
(4) *Ducange* Gloss. mediae Graec. γλῶσσα (*Anna Comn.* XIII. p. 324) выражаетъ простонародное Франц.: prendre langue des ennemis. Вѣроятно, Французскіе крестовые воины передали Грекамъ свое выраженіе.
(5) *Ерм.* Поляника.

Сья́слова (1), да Григорія Судока́ (2) и иныхъ много с нимъ и (3). Они же срѣтоша Василія Ту́пика, еще близ Оки рѣки везуще языкъ къ Великому Князю. Языкъ же повѣда Великому Князю, яко не ложно идетъ Царь на Русь, совокупився со многими ордами и еще с нимъ совокупилися Олгъ Резанскіи и Олгирдъ Литовскіи. Не спѣшитъ бо Царь того дѣля, яко осѣни (4) ждетъ, хощетъ быти на руския хлѣбы; Князь же Великіи Димитрей Ивановичь слышавъ неизложное таковое востаніе безбожныхъ и нача оутѣшатися о Бозѣ, оукрепляя брата своего Князя Владимера (5) и всѣ Рускіе Князи, ркучи имъ тако: „Братія моя, Рустіи Князи и Воеводы и Бояря, гнѣздо есмя Князя Владимера Киевскаго, иже изведе насъ отъ страсти (6) Еллинскія; ему же откры Господь православную вѣру, якоже оному Стратилату (7) и паки онъ же заповѣда намъ ту вѣру крѣпце держати и побораши по ней; но азъ, братіе, за вѣру христіянскую готовъ есмь оумереши." И рече Князь Владимеръ Андрѣевичь и вси Рускіе Князи: „Воистинну, господине, законную заповедь крѣпко совершаеши, и святому Евангелію послѣдуеши. Писано бо есть,

(1) *Ерм.* Свесланика.
(2) *Ерм.* Судоконныхъ.
(3) *Ерм.* приб.: и заповѣда имъ вскорѣ возвратитися.
(4) *Ерм.* требуетъ.
(5) *Ерм.* приб.: Кіевскаго.
(6) *Ерм.* и *Снг.* смерти.
(7) *Ерм.* и *Снг.* Плакидѣ.

аще кто постражетъ за имя мое, азъ оупокою его. Мы же, господине, готовимся оумрети и главы своя сложити за святыя церкви и за Христову вѣру и за твою обиду Великаго Князя.“ Князь же Великій Димитрей Ивановичь слышавъ от брата своего (1) и от всѣхъ Рускихъ Князей, яко дерзаютъ и побораютъ по православной вѣрѣ Христовѣ. Князь же Великій рече всѣмъ Князямъ и Воеводамъ быти на Оуспеніе святѣй Богородицы на Коломну, яко да преберемъ полки и дамъ коемуждо полку воеводу (2). В тоже время приспѣли Князи Бѣлозерскіи (3) подобни суть воиномъ крѣпкимъ вельми доспѣшни и кони воински наряжены под ними; пріиде Князь Феодоръ Семеновичь Бѣлозерскіи (4), Князь Семенъ Михайловичь, Князь Андрѣй Кемскóй (5), Князь Глѣбъ Каргалóмской (6). И пріидоша Князи Ярославскіи со всѣми силами: Князь Андрей Ярославской, Князь Романъ Пронорской. Князь Левъ Сéрповскіи (7), Князь Димитрей Ростовскіи и иные мнозіе Князи.

Оуже бо, брашіе, не стукъ стучитъ и не громъ гремитъ въ славнѣ градѣ Мос-

(1) *Ерм.* Володимера Андрѣевича.
(2) Въ *Ерм.* прибавл.: и мнози люди успѣша на Москву к В. К. Димитрію Ивановичу, едиными усты глаголаху: дайже намъ теченіе совершити имене твоего ради.
(3) *Продолж. Нестора*, стр. 189.
(4) *Никон. Л.* IV. 42.
(5) *Ерм.* Скимскій.
(6) *Ерм.* Каргапольскій и Цинодокій.
(7) *Ерм.* Кубскій. *Снг.* Курпъскій.

квѣ, стучитъ рать (1) Великаго Князя Димитрея Ивановича. — Онъ же ему рече (2): „Елико ти довлѣетъ твоему Государству, что ти будетъ пригоже; и рече ему Князь Великіи: „Дай ми, отче, два етера мниха воеводы отъ полку своего: то и ты с нами пособствуя.“ И рече ему преподобныи старецъ: „О киихъ, господине?“ Рече же ему Князь Великіи о двою братехъ Обронскихъ

(1) *Ерм.* а гримятъ Рускіи Цареве злачеными доспѣхи.

(2) Въ *Ерм.* и *Сиг.* дополняется слѣдующимъ очевидный недостатокъ *Тимков. сп.*: Князь же Великій Дим. Иван. поемъ съ собою Володимира Андреевича и вси Князѣ Рускіи преславніи и иде ко Живоначальной Троицѣ ко отцю своему Сергію Преподобному и благословеніе получи отъ всей обители святыя, и моли Преподобный Сергій его, дабы слышалъ К. В. литоургію святую. Приспѣ же день воскресенія на память Св. Флора и Лаѵра. По отпустѣ же святой литургіи, моли его святый со всею братіею, дабы вкусилъ хлѣба святого. Великому Князю нужно есть, яко придоша къ нему вѣстницы, яко сближаютъ поганыи, и моли святого Сергія, дабы ему ослабилъ. И рече ему Преподобный старецъ: „Се ти замедленіе сугубо поспѣшливо будетъ. Не уже бо ти, господине, еще вѣнецъ сея побѣды носити и минувшихъ лѣтѣхъ, а инымъ симъ мнозѣмъ плетутся вѣнцы.“ Князь Великій вкуси хлѣба ихъ. Онъ же въ то время повелѣ воду освящати съ мощьми святыхъ мученикъ Флора и Лаѵра. Князь Великій скоро отъ трапезы воставъ; Преподобный же окропи его священною водою и все христоволюбивое войско его и дастъ Великому Князю крестъ Христовъ знаменіе на челѣ.

(3) *Ерм.* нарекій Бога. Господь Богъ да будетъ ти помощникъ и заступникъ, и рече ему тайно: имати побѣдити супостатъ твоихъ и елико довлѣетъ твоему господству и рече ему К. В. Димитрій и пр.

боярехъ Тресвѣтъ и братъ его Ослябя (1); Преподобныи же повелѣ имъ в' борзе готовитися. Они же, яко вѣдоми суть ратницы, послушаніе скоро сотворита (2); преподобныи же Сергіи дастъ же имъ от тлѣнныхъ оружіе в'мѣсто (3) нетлѣнныхъ, и много твердь доспѣхъ крестъ Хрістовъ нашитъ на схимѣ. И повелѣ имъ вмѣсто доспѣха возлагати на себя, и дастъ ихъ в руцѣ Великому Князю, и рече ему: „Се ти оружницы, а твои излюбленицы (4).“ И рече имъ: „Миръ вамъ, братія моя, постражите, яко доблиі войни Хрістови.“ И всему православному хрістіянству (5) дастъ Христово знаменіе, и дастъ имъ миръ и благословеніе. Князь же Великіи Димитрей Ивановичь обвеселися сердцемъ, неповѣда ни комуждо, еже рече ему старецъ, и пойде ко граду своему Москвѣ, аки нѣкое многоцѣньное (6) сокровище обрѣте, радуется о благословеніе старче. Прииде же во градъ Москву, поим брата своего Князя Владимера, и иде ко Преосвященному Митрополиту Кипреяну и повѣда единому Митрополиту, еже рече ему святый старецъ, и како дастъ ему благословеніе. Преосвященъный же Митрополитъ рече ему: „Никому же,

(1) *Ерм.* Пресвѣта и Ослабля. См. *Ник. Л.* IV. 235. *Древн. Вивл.* XX. 211.
(2) *Ерм.* приб.: и не отвергошася повелѣнія его.
(3) *Царст. кн.* 246.
(4) *Ерм.* изволници. *Татищ. Ист. Росс.* II. 336.
(5) *Ерм.* войску.
(6) *Ерм.* некрадомое.

Господине, неповѣдай сего!“ Князь же Великій иде в ложницу свою, яко же вечеру сущу; приспѣвшу же дни четвертку, мѣсяца Августа въ кѣ день, на память святыхъ мучениkъ Агаѳоникa и Лупа (1), восхотѣ уже изыти, Князь же Димитрей противу безбожныхъ Печенегъ, и поимъ браша своего Князя Владимера, и иде в церковь Святѣй Богородицы, спавъ предъ образомъ Господнимъ и согнув руцѣ свои к персемъ, и рече во умиленіи сердца, слезы отъ очію его, яко источники проливающеся, глаголя: „Молюшися, Боже пречюдный, Владыко страшный, и крѣпокъ во истинну еси Царь славы, помилуй насъ грѣшныхъ и к тебѣ прибегаемъ единому, егда оунываемъ отъ скорбей нашихъ, Спасителю нашему, тебѣ бо лѣпо есть миловати и спасти насъ подъ твоею рукою есмь. Вѣмъ, Господи, яко моя согрѣшенія сотроша ми главу мою, но и тебѣ, Господи, оставляющему насъ намъ тебя взыскающимъ: и иная многая ему глаголюще и молящеся, пріимъ Псаломъ лд и рече: „Суди, Господи, обидящая мя и возбрани борющимся со мною (2), пріими оружіе и щитъ, востани в помощь мнѣ, да посрамятся и посрамятся являюще рабомъ твоимъ злая; дай же ми, Господи, помощь на противныя, да и тѣ познаютъ славу имени тво-

(1) Въ *Ерм.* Августа 19, память Св. Пимена отшедника.

(2) *Никон. Л.* VII. 336.

его (1).“ И паки идетъ предъ образъ чюдотворныя иконы Пречистыя Богородицы, юже Лука Евангелистъ писалъ при животѣ своемъ (2), и нача оумилно вѣщати ко пречестному ея образу, и рече: „О чюдотворныя Госпоже Царице, всего живота человѣческаго кормительнице, тобою познахомъ истиннаго Бога нашего, рождьшагося отъ тебе, не дай же, Госпоже, въ разореніе града нашего поганому царю Мамаю, ниже осквернити святую твою церковь (3), моли Сына своего и Бога нашего Владыку, Творца и Создателя нашего, и дастъ намъ Господь руку свою, смиритъ сердце врагомъ нашимъ и не будетъ рука ихъ высока, и свою помощь посли, Госпоже, съ нами нетлѣнную свою ризу, да в ню одѣемся и неистрашливи будемъ къ ранамъ, и молитвою, еже къ Сыну своему помолися за ны: яко твои есть раби. Ты бо, Госпоже, Богомъ рождена еси, родителя отъ твоя единаго Авраама, но вънуцы с нами. Вѣмъ бо, Госпоже, яко хощеши намъ дати помощь на прогнивныя враги; онѣ бо не исповѣдаютъ тебе, Владычице, но азъ на твою помощь надѣюся и подвизаюся прогниву безбожныхъ симъ (4), да будетъ оумиленъ (5) тобою Сынъ твой и Богъ

(1) *Ник. Л.* IV. 23. 249.

(2) *Никон.* VII. 129, 338, 343. Но въ Москву сія икона принесена изъ Владиміра 1395 г. при нападеніи Тамерлана.

(3) *Ерм.* приб: и вѣры христіанскія.

(4) *Снг. и Ерм.* Печенѣгъ. Въ *Тимк. симъ*, вѣроятно описка, вмѣсто *сихъ*.

(5) *Ерм.* умоленъ.

нашъ." И ідѣ ко гробу блаженнаго чудотворца новаго Петра (1) и любезно рече: „О преподобны отче, чюдотворныи святителю (2), и по смерти поживъ еси чюдеса твориши непрестанно: нынѣ бо ти приспѣ время молитися за ны ко общему владыцѣ всѣхъ: день бо злыя вещи належить ми, поганіи бо идутъ на мя на приснаго раба твоего и крѣпко ополчишася, на градъ твой Москву напрасно вооружаются, тебе бо Господь прояви послѣднему роду нашему, в'жегъ тя свѣтло яко свѣщу на свѣщнице, и тебѣ подобаетъ молитися о насъ, да не придетъ на ны рука грѣшнича (3): ты бо правых нашъ еси водитель и страже, яко твоя есмя паствина." Скончав же молитву и поклонися Митрополиту: онъ же благослови его и отпусти, и дастъ ему хвалу знаменіе на челе, пославъ же освященныя соборы с крылосы (4) во градныя врата во Фроловскіе врата (5), Константинскія, Алексѣевскія врата (6), Николскіе врата с честными кресты и с чудотворными иконами, да всякъ же воин благословенъ будетъ. Князь же Великіи Ди-

---

(1) *Царск. кн.* 83.
(2) *Никон.* VI. 220, 221, 217.
(3) *Ерм.* да не пріидетъ на насъ рана смертная и рука грѣшнича да не погубитъ насъ.
(4) *Никон.* IV. 135. *Древ. Росс. Вивл.* XIII. 221. *Дворц. Зап.* I. 54.
(5) Нынѣ Спаскія. Константино-Еленскія закладены.
(6) И въ планѣ Москвы, Мичурина, 1739 г. не означены, такъ какъ и въ *Ерм. сп.*

мипрей пойде а брашомъ своимъ въ церковь небеснаго воеводы Архистратига Михаила, и много моливъся святому образу его и приступихъ ко гробомъ православныхъ Князей прародителей своихъ, ркущи: „Воистинну есте хранителіе (вѣры) православныя поборницы, аще имаете дерзновенія к Богу молитися о нашемъ оунѣніи: яко велико востаніе приключися намъ нынѣ, оубо подвизаитеся с нами.“ Сія рекъ, изыде из церькви.

Княгиня же великая Овдотія и Княгини Князя Владимера і' иныхъ православныхъ Князей Княгини с воевоцкими женами ту стоячи, проводу дѣютъ (1), а в слезахъ захлипаяся ко сердечномоу, ниедина неможетъ словеси рещи. Княгини же Великая Евдокѣя отдастъ конечное цѣлованіе Государю своему Великому Князю Димитрею Ивановичю, а въ слезахъ не можетъ слова промолвити. Князьже Великіи Димитрей мало оудержася от слезъ, не прослези бо ся народа ради, а сердцемъ (2) скровно плача, пѣшаше свою Великую Княгиню и рече: „Но аще Господь по насъ, то кто можетъ на насъ зло помыслити?“ и пропчая. Княгини и боярони и воевоцкіе жены своимъ Княземъ и Бояромъ отдаша конечьное целованіе и возвратишася съ честію.

Князь же Великіи Димитрей Ивановичь восступи во злашокованное стремя (3) и сѣде

(1) *Никон.* V. 205.

(2) *Ерм.* слезяше.

(3) *Игор. пѣснь*, стр. 29. изд. М. 1800: „вступита Господина въ злата стремень.“

на своего любовнаго коня. Вси же Князи и Воеводы на свои кони сѣдоша; а солнце со всхода свѣтитъ в путь его и вѣтрецъ тихъ и теплъ по нихъ вѣетъ: оуже бо тогда яко соколи от златыхъ колодецъ рвахуся (1), выяхали Князи Белоозерскіи ис каменна (2) града Москвы своимъ полкомъ оурядъ ни бо полцы ихъ видѣти (3), яко достоитъ имъ избивати стада лебедина: бѣ бо храброе воинство ихъ. Князь Великіи Димитрей Ивановичь рече брату своему Князю Владимеру Андрѣевичю и инымъ Княземъ и Воеводамъ: (4) „Братія моя милая, не пощадимъ живота своего за вѣру Христіанскую и за святыя церкви, за землю Рускую.“ И говоритъ Князь Владимеръ Анъдрѣевичь: „Господне Князь Димитреі Ивановичь, воеводы оу насъ велми крѣпцы, а Рускіе оудалцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзыя кони (5), а доспѣхи имѣютъ велми тверды, злаченные коланпыри и булашныя байданы, и колчары (6), фряжскія, кордыляпцкіе сулицы Немецкіе (7), щиты черле-

(1) *Игор. пѣс.* стр. 24.
(2) *Ерм.* краснаго.
(3) *Ерм.* урядно бо ся видѣти войско ихъ.
(4) Етой рѣчи нѣтъ въ *Ерм.* спискѣ.
(5) *Древн. Руск. Стих.* — *Древн. Вивл.* XX. 161, 211.
(6) *Ducange*: calcia, calciarum, hastae deauratae. *Байданы* не отъ ср. Латин. bandum и ср. Греч. *βάνδον*, значекъ. *Ducange et Ihre Gloss.* Неужели *колантырь* отъ calantica, головный уборъ, какъ полагалъ Г. Тимковкій? Въ *Слов. Акад.* — родъ лашъ.
(7) *Никон.* IV. 52. *Игор. п.* стр. 33. Златыи шеломы, сулицы Ляцкіи. *Ник. Л.* V. 121.

ныя, копья злаченыя, сабли булатныя, а доро́га имъ велми свѣдома, березѣ имъ по Оцѣ изготовлены, хотятъ головы своя сложити за вѣру Христіянскую и за твою обиду Государя Великаго Князя.“ Князь же Великій Димитрей Ивановичь отпусти брата своего Князя Владимера Андрѣевича на Брашево дорогою (1), а Белозерскія Князи отпусти Болвайскою дорогою, рекше Деревскою (2), а самъ пойде на Коцелъ (3). Спереди ему солнце сіяетъ и добрѣ грѣетъ, а по немъ крошкій вѣтрецъ вѣетъ. Не пошли бо того дѣля единою дорогою, яко не вмѣстишися имъ. Княгини же Великая Евдокѣя съ своею снохою и иными Княгинями и с воевотскими женами възыде на злашоверхіі свой теремъ в набережный и сядѣ (4) подъ южными окны и рече (5): „Оуже бо конечно зрю на тебя Великаго Князя!“ А в слезахъ не можетъ словесн рещи; слезы бо от очію льются аки рѣчныя быстрины (6). Воздохнувъ печал'но и шибъ руцѣ свои к персемъ, и рече: „Господи Боже великіи, призри на мя смиренную, сподоби мя еще Государя своего видѣти славнаго во человецѣхъ (7) Великаго Князя Димитрея Ивановича. Дай же, Господи, ему

---

(1) *Никон. Л.* V. 218.
(2) Не Верейскою ли?
(3) *Никон. Л.* IV. 193. VII. 340. VIII. 75.
(4) *Ерм.* уродицѣ подъ кошель.
(5) Сравни въ *Игор. пѣснн*, стр. 38. плачь Ярославны.
(6) *Никон. Л.* V. 210.
(7) *Ерм.* въ полцѣхъ. *Никон.* VII. 117.

помощь отъ крѣпкія руки твоея, да побѣдиши противныя своя! Не сотвори, Господи, яко же за мало лѣтъ брань была на рецѣ на Калкѣ Христіяномъ съ Татары (1) отъ злаго Батыя. Отъ Калинскаго побоища до Мамаевы рати р҃ѯ лѣтъ (2). Отъ таковыя же беды нынѣ, Господи, спаси и помилуй! Не дай же, Господи, нынѣ погибнути осташемуся христіянству; отъ тое бо рати Руская земля оуныла, ни на когоже бо надежи неимамъ, токмо на тебя всевидящего Бога. Азъ же оунылая имѣю двѣ отрасли Князя Василія, да Юрья (3), но еще и нѣ мали сушъ. Егда похизнитъ (4) ихъ вѣтръ с оуга или з запада: то не могу терпѣти, ни на чтоже опираяся, ихъ или зной проразитъ (5), такоже имъ погибнути; а противу сему что сотворятъ? Возврати имъ, Господи, отца ихъ по здорову: то и земля ихъ по здорову будетъ, и онѣ во вѣки царствуютъ."

Князь же Великій Димитрей Ивановичь поятъ с собою отъ Сурожанъ, рекше отъ гостей яко, і҃ мужей повѣданія ради дальнихъ земель, да аще что случитъ Господь Богъ, тѣже имаютъ вѣдати в далнихъ земляхъ, яко гостебницы (6) сущи, пер-

(1) *Ерм.* со Еллины.
(2) Вѣрно вставка переписчика или владѣтеля рукописи: ее нѣтъ ни въ *Ерм.* ни въ *Снг.* спискѣ.
(3) *Никон.* IV. 32. IV. 65, 82.
(4) *Ерм.* поразитъ. Польск: chyzy, скорый, быстрый.
(5) *Іоны* Пр. 4. *Никон.* V. 95, 217, 278. VI. 57, 70.
(6) *Ерм.* исходници, суще Василія Капицю, Сидора Афирьева, Козму Ховру, Константина Семена

ваго гостя Василія Капи́ца, втораго Сидора Алферьева, г҃ Констянтина Бо́лкова, д҃ Козму Ковéрю, е҃ Семена Кортоно́са, ѕ҃ Михайла Самáрева, з҃ Тимофея Весякóва, и҃ Димитрея Черно́па, ѳ҃ Ивана Ши́ха, і҃ Деменшія Сарáева.

Тогдаже возвѣяша силни вѣтри по бервицѣ широцѣ (1), воздвигошеся велицы Князи, а по нихъ рускіи сынове оуспѣшно грядутъ, аки мѣдвяны чаши (2) пити и стеблевинны ясти. Но не мѣдвяны чаши пити, ни стеблевинны ясти грядутъ: жощятъ оукупити (3) чти и славнаго имяни (4) во вѣки земли Руской, Великому Князю Димитрею Ивановичю похвалу и многимъ Государемъ. Дивно и грозно бо в то время слышаши, а громко въ варганы бьютъ (5), шихо с поволокою рашные трубы трубятъ, многогласно и что конѣ ржутъ. Звѣнитъ слава по всей Руской земли, велико вичье бьютъ въ великомъ Новѣградѣ стоятъ мужи Новъгородцы оу святыя Софѣй премудросци Божія (6), а ркучи мему собою па-

(ова), Михаила Сараева, Тимофея Весихова, Дмитрія Чорного, Деменшія Солорова, Иванишиха.

(1) *Ерм.* по велицей, широцей дорозѣ. *Цар. Лѣт.* 265. Воровской.

(2) *Ерм.* медовныя чашѣ пити и стеблія виннаго ясти. *Игор. п.* стр. 18.

(3) *Ерм.* собѣ чести добывати. *Продолж. др. Виваіов.* IV. 211.

(4) *Древн. Вивл.* V. 247.

(5) *Никон. Лѣт.* V. 234. VII. 12. *Царск. кн.* 60. *Никон.* III. 189.

(6) *Никон.* IV. 43.

ковое слово: „Оуже намъ, брашіе, на помощь непоспѣши к Великому Князю Димитрею; оуже бо яко орли слѣталися со всей Руской земли, съехалися дивныя оудалцы, храбрыхъ своихъ пытати (1).“ Не стукъ стучитъ, не громъ грѣмитъ, по зорѣ стучатъ и гремятъ рускіе оудалцы. Князь Володимеръ Андрѣевичь возится рѣку на Красномъ перевозѣ в Боровскѣ. Князь же Великіи Димитрей Иванѣвичь пріидѣ на Коломну (2), на память святаго Отца Моисѣя Мурина, в среду, Августа к'н день. И ту быша мнози воеводы и рашницы срѣтоша его на рѣчкѣ на Чевеке (3). Епископъ же Еоуфимей (4) срѣще его во врашехъ градныхъ съ честными кресты и с чюдотворными иконами и со всѣми крылосы, оградивъ его крестомъ, и молитву сошвори: спаси Боже люди своя и благослови достояніе свое, всю до конца.

Во ушріи же день Князь Великіи повелѣ всѣмъ воеводамъ выехати на поле Дѣвиче і всѣмъ людемъ снимашися в чекъ (5) Августа к'е день на память Оусѣкновенія главы Иванна Крестителя по заоушрени. И начаша мнози класи трубъ рашныхъ гласити и варганы шепушъ (6) и сшязи ревушъ на-

(1) Въ *Ерм.* всей етой рѣчи нѣтъ ошъ словъ: *чести и славнаго имени.* См. выше стр. 20 стр. 25.

(2) Въ *Ерм.* въ субботу на Колумну.

(3) *Ерм.* на Сѣверскіи. Сѣверка впадаетъ въ р. Москву повыше Коломны.

(4) Въ *Ник. Л.* Герасимъ. *Никон. Л.* IV. 197, 202, 284.

(5) *Никон. Л.* VI. 121. в шокъ. 142, 145, 162 — 178. 159 — 165, 166, 7. *Никон. Л.* VII. 39. 54.

(6) *Ерм.* бити. *Linde Слов.* терать, ошъ Греч. τύπτω, бью, ударяю.

волочени (1) въ саду Памфиловѣ; сыновеже русіи наступаютъ поля Коломенскаго, яко немощно бѣ никому же презрѣти ихъ (2). Князь же Великій выехавъ съ братомъ своимъ и видѣвъ множество людей, возрадовася радостію и обвеселися сердцемъ, оурядивъ коемуждо полку воеводу, а себѣ пріимъ Князи Белозерскія (3), храбри бо суть в рашное время; а брату своему Князю Владимеру дастъ Ярославскіе Князи; с правую же руку себѣ оурядивъ брата своего Князя Владимера Андрѣевича, а с лѣвую руку себѣ оуряди Князя Глѣба Дручевскаго (4); передовой же полкъ Димитрей Всеволожь, да Володимеръ братъ его. Коломенскаго же полку воевода Микула Васильевичь, Володимерскаго же полку воевода Князь Романъ Прозоровской. Юрьевскаго же полку воевода Тимофѣй Волуевичь. Костромскаго полку воевода Иваннъ Родионовичь Квашня (5). Переаславской воевода Андрѣй Сирикизовъ (6). Оу Князя Владимера воевода Данило Белеутъ (7), да Констянтинъ Конановичь, Мещерской воевода Князь Феодоръ Елецкой, Муромъскіи же Князь Юрье и Князь Андреі. Князь же Великій Димитрей Ивановичь оурядивъ полки и по-

(1) *Ерм.* у садъ Памфилова.
(2) *Ерм.* яко невѣстно бѣ презрѣти очима раши В. Князя.
(3) *Никон. Л. VI.* 79.
(4) *Ерм.* Бронскаго. *Снг.* Брянскаго.
(5) *Ерм.* Кувашня.
(6) *Ерм.* и *Снг.* Серкизовичь.
(7) *Ерм.* Волевушъ.

велѣ за Оку рѣку возитися (1). Заповѣдавъ же всякому человѣку, и рече: „Кто же ни пойдетъ по земли Резанской и по оулусомъ, да никто же непришкнется ни ко единому власу, в земле ихъ.“ Самъ же вземъ благословеніе отъ Епископа (2) Коломенскаго и перевѣзеся Оку рѣку и посла трехъ сторожей избранныхъ витязей (3) и рече имъ: „Нелны своима очима видѣшися с Ташарскими полками.“ А посла Семена Мелика́, да Игнатія Крѣня́, Фому Тѣнина, Петра Юрскаго, Карпа Але́ксина, Петрушу (4) Чю́рикова і' иныхъ многихъ с ними (5), а посла и рече Князь Великіи брату своему Князю Владимеру: „Поспѣшимъ братіе, противу безбожныхъ сихъ (6), неоупулимъ лица своего отъ поганыхъ; аще смерть случится намъ, тамо дома живучи единакому оумрети же: отъ смерти бо, браше, не избыти.“ Всякъ же идый пушемъ, призывая и Бога на помощь, и сродники своя Рускія Князи Бориса и Глѣба.

Слышавъ же то Князь Олгъ Резанскіи, что Князь Димитрей Ивановичь собра многи раши, и иде во срѣтеніе безбожному Царю Мамаю, а сердцемъ неоупално и швердою своею

(1) *Ерм.* перевозится.
(2) *Ерм.* Архіепископа.
(3) *Снг.* яко да купно видится со стражми Ташарскими.
(4) *Ерм.* Петрюнцо Чирикова.
(5) *Ерм.* приб.: вѣдомцовъ.
(6) *Ерм.* Печенѣгъ и ушолимъ лица своя отъ безстудія ихъ.

вѣрою крѣпько хощетъ с погаными видѣтися (1), имѣя оупованіе на Бога вседержителя. Князь Олгъ Резанскіи и нача (2) преходити отъ мѣста на мѣсто и глаголати со всѣмі бояры: „Началному дѣлу неудобь быти разумну, аще бо мощно послати ко многоразум'ному Олгирду шаковаго вѣсника, како (3) мыслити намъ; оуже бо заступили (4) пути наша; но азъ оубо по правиломъ чаяхъ, яко же не подобаетъ великому царю Рускому противу безбожному (5) царю ити. Нынѣ убо что се здумалъ. Ошкуду себѣ помощи чаяти имаетъ, яко противу трехъ насъ вооружился.“ И рекоша ему бояре его: „Мы слышахомъ, Княже, за сѣ (6) днеі до сего дни и не смѣли тебѣ повѣдати. Сказываютъ, есть въ вотчинѣ его калугеръ (7) именемъ Сергіи, но свять и прозорливъ велми: тотъ дѣ его благословилъ и вооружилъ противу намъ, да еще де, и отъ своихъ калугиръ далъ ему пособьника (8).“ Слышавъ же то Князь Олгъ

---

(1) *Никон. Л.* IV. 279. VIII. 71. 171.

(2) *Ерм.* приб.: блюстися и съ мѣста на мѣсто преходити со единомысленными своими.

(3) *Ерм.* имѣтъ мыслити.

(4) *Ерм.* застали.

(5) *Ерм.* восточнаго. *Никон. Л.* IV. 185, 6, 7. V. 129, 155, 276. VI. 154, 195. *Карамз.* Ист. Р. Г. IV. 373.

(6) *Ерм.* са осмъ дній.

(7) *Calogeri*, *καλογήροι*, собств.: добрые старцы, по изъясн. Дюканжа, монахи, почтенные по своей маститой старости.

(8) *Ерм.* пособники тыи.

Резанскій (1), оуспрашися сердцемъ и распадеся мыслію, нача молитися Бога и сердишоваши на бояра своя: „Почто ми есте преже сего дни не сказали, дабы шедъ оумолилъ нечестиваго царя, ничшоже бо зла сошворилъ Руской землѣ; но изгубихъ оумъ свой и не азъ единъ оскудѣхъ оумомъ, боле мене есшь Волгирдъ и шошъ ся продумалъ (2); мене же боле его Богъ взыщешъ. Онъ бо имѣешъ законъ гугниваго Пешра (3), азъ же разумѣхъ испинныя вѣры законъ, но чшо ради зло сошворихъ, шого бо ради рече: Аще рабъ не соблюдешъ заповѣди Господина своего, шо бѣенъ будешъ. Нынѣ же оубо азъ чшо сошворихъ и которому худому оуму вдахъ себе, нынѣ оубо чшо здумаеше ми? Приложилъ бы ся къ Великому Князю и побаралъ бы по немъ: шо ошнюду не примешъ мя, вѣдаешъ бо мою измѣну. Аще приложуся царю: шо поисшиннѣ древнiй гонишелъ буду на православную вѣру Христову, яко же иногда Свяшополка земля жива пожреш мя. Аще ли Господь по нихъ: шо кшо можешъ зло думаши на нихъ? Но и еще молишва онаго прозорливаго мниха къ Богу. Или ни единому помощи не сошворю: шо впреди (4) како могу опъ обоихъ прожиши? Нынѣ же кому Господь поможешъ, к шому присягу́ имѣю.“ Олгирдъ же по сор-

(1) Въ *Ерм.* приб.: опъ бояръ своихъ.
(2) *Древн. Рукс. стих.* тоз.
(3) Разум.: Римско-Каполическій.
(4) *Ерм.* вопрокъ.

ченному словеси и уроку (1) совокупи Литвы много и Варяги иже многіи (2) и пойде на помощь къ Мамаю царю, пріидѣ же в Одокъ (3) и слышавъ (4), яко Олгъ оубоявся итти. Олгирдъже пребысть в Одоевѣ, не подвижеся нигдѣ же и нача размышляти суетныя своя помыслы и видѣвъ совокупленіе свое разно, нача рватися и сердитовати, и нача имати паны своя: елико недостоитъ человѣку своего оума и мудрости, то всуе требовати чюжаго оума мудрости. „Николиже Литва хулима от Рѣзани. Нынѣ же изведе мя отъ ума Олгъ Резанскіи, а самъ преже мене погибѣ. Нынѣ оубо пребуду здѣ, дондеже оуслышоу побѣду Князя Димитрея Московскаго.“ В тоже время слышавъ Князь Андрѣй Половецкіи (5) и Князь Димитрей Ярославскіи (6) Олгирдовичи, что велико належаніе Князю Димитрею Московскому належитъ от безбожнаго Царя Мамая, и рече Князь Андрѣй Олгирдовичь: „Идемъ и мы з братомъ своимъ къ Великому Князю Димитрею на помощь.“ И писавъ грамоту (7) к брату своему Князю Дми-

---

(1) *Слов. Linde:* wyrok — изреченіе, опредѣленіе.
(2) *Ерм.* и Жмоиты. *Никон. Л.* VI. 139: Жемоди.
(3) Не *видокъ* ли, т. е. очевидѣцъ? *Ерм.* къ Одуеву. Въ Одоевъ.
(4) *Ерм.* яко Князь Великій совокупи съ собою многую свою Русь и Словены, идеже кождо.
(5) *Ерм.* Полоцкій. *Никон. Л.* IV. 80, 255. О смерти сихъ Князей см. *Никон. Л.* IV. 283.
(6) *Ерм.* Бронскій.
(7) *Ерм.* буквицу малу.

шрею: „Вѣси ли, браше мой милый, ошколѣ отецъ нашъ отверзе отъ себе, но паче Отецъ нашъ небесный присвои насъ к себѣ и дастъ нам Господь законъ свой ходити по немъ, отрѣщи насъ пустошныя суеты, и что воздадимъ ему противу таковаго дарованія. Скончаемъ, браше, подвигъ добро-подвижнику Христову. Но пойдемъ, браше, на помощь къ Великому Князю Московскому: велика бо ему браше туга належитъ отъ поганыхъ Тацаръ (1); но еще и отецъ нашъ побараетъ по нихъ. А Олгъ Резанскіи приводитъ ихъ на Русь; намъ же подобаетъ пророчество совершити: браніе, пособницы бывайте въ бѣдахъ; мы же, браніе, що помыслимъ, что намъ отцу противитися. Евангелистъ Лука рече отъ усты Спасителя нашего: предани будутъ дѣти родителми своими на смерть, и браніею своею и оумертвятъ, имяни моего ради; претерпѣвыи до конца, той спасенъ будетъ. Но излѣземъ, браніе, отъ плавающаго шерніа сего и подавляющаго (2) насъ и присадимъся истинному винограду плодовитому и христіянскому, дѣлному рукою Христовою. Нынѣ оубо подвизаемся, браціе (3)." Прочетъ же Князь Димитрей грамоту (4) и нача плакатися отъ радости

(1) *Ерм.* Измаильтянъ.
(2) *Ерм.* давляючаго.
(3) *Ерм.* и *Снг.* приб.: не земнаго ради живоша, но и небесныя почести желающе, юже Господь даетъ творящими волю его.
(4) *Ерм.* писаніе брата своего старѣйшаго.

сердца своего и рече: „Господи и Владыко живошу моему, дай же, Господи, рабомъ своимъ хотѣніе (1) совершити всемъ почестнѣмъ подвига добраго, еже открылъ еси брату моему, своему Князю Андрѣю (2): днес, Господине, готовъ есми по твоему наказанію и колко есть воинства моего, готови вкупе со мною. Божіимъ промысломъ совокуплени быша иные люди брани дѣля належащія отъ Дунайскихъ Варягъ (3). Нынѣ же слышахъ, брашіе, пріидохъ бо ко мнѣ медокормцы съ сѣвера и скажутъ оуже великого Князя Димитрея Ивановича (4). На Дону, яко шу оуже день пребысть, и шу хощетъ ждати сыроядецъ злыхъ и подобаетъ ши ишти к сѣверу (5) и совокупимся шу под коимъ пушемъ отца своего оупакимся, да не возбранится намъ трудно.“

По малѣхъ же днехъ, снидошася к желанію два браша со всѣми силами своими (6) и силу свою видѣвше, возрадовашеся, яко же Иосиѳъ с Веньяминомъ. Видѣвше оу себе множество людеі и единосердечно оуряженіе, яко нарочитые суть рашницы, приспѣша же на Донъ вборзе и наѣхаша Ве-

---

(1) *Снг.* и сим подвига пушемъ сего добраго же открылъ брату моему.

(2) *Ерм.* приб.: и рече до посла: радованися по велику брату моему, по велику рци.

(3) *Ерм.* Тапаръ.

(4) *Арханг. Л.* стр. 193.

(5) Поправлено: *Сѣвелу. Никон. Л.* IV. 280. VII. 35. VIII. 56, 61. *Царств. кн.* 98.

(6) *Ерм.* къ северу.

ликого Князя оу Дону на брезѣ (1) стоя-ща: и шу совокупишася велицые Князи. Князь же Великій Димитрей съ братомъ своимъ (2) велми возрадовашеся великой силѣ Божіи, яко неоудобь быши мочно таковому восстанію, яко дѣши оставиша отца и поругашеся емоу, яко же иногда волсви Ироду; Князь же Великіи Дмитрей многими дарми почтивъ ихъ, идяху в путь свой, радующеся и веселящеся о свяшѣмъ дусѣ, зем'наго же ничшо же помышляюще, но всего отвергошася, чающе себѣ иного времяни (3). Рече бо имъ Князь Димитрей Ивановичь: „Брашія милая, коея ради потребы пріидоша ко мнѣ (4); во истинну есше ревнители отца нашего Авраама, яко тайны Лотовы въскорѣ испыша (5) и подобни есше доблесшвенному Великому Князю Ярославу, яко той есшь ошмсши обиду въскорѣ брашу своему.“ Тѣже ошославъ Князь Великіи ко Преосвященному Мишрополишу, и рече: „Олгирдовичи пріидоша ко мнѣ на́ пособь со многими силами, отца своего оставиша поруганна.“ Скороже вѣ-

(1) *Ерм.* обою страну Дону полцы расположены на мѣсцѣ нареченномъ Березуй. Тоже и въ *Снг.* спискѣ.

(2) *Ерм.* приб.: Володимеромъ ижъ совокупишася съ ними Олгирдовичи, Князь же Андрѣй Полоцкій и Князь Дмитрій Бронскій.

(3) *Ерм.* приб.: глаголюще собѣ безсмертнаго иного премѣненія.

(4) *Ерм.* приб.: азъ убо разумѣю, яко не мене ради пріидосте сѣмо, но Господь посла васъ въ путь свой.

(5) *Ерм.* шайно воскоръ Лотови поможешъ.

стникъ пріехалъ ко Преосвященному Митрополиту Кипріяну (1). Архіепископъ ставъ пред образомъ Господнимъ и прослезився отъ радости, нача молитву творити: „Господи владыко человѣколюбче, яко сопротивники наши вѣтри на тицину пред'лагаеши.“ И пославъ во вся соборы церковныя и во обители святыя, повелѣ молитвы творити день и нощь; борзѣе всѣхъ посла во обитель игумена Сергія, яко Ангели мо́литвъ ихъ послушаютъ. Княгини же Великая Евдокѣя слышавъше толико Божіе милосердіе (2) и много молитвы (3) сотвориша оубогимъ; сама же непрестанно ходяще к церкви день и нощь. Но се паки оставимъ (4). Князь же Великіи бывъ на мѣстѣ, реченномъ Берёзѣ (5), приспѣвшу же дни четверткѣ на память святаго Пророка Захарія, Сентября въ к' день на память сродникъ своего оубіеніе Князя Глѣба Владимировича, пріехаша два отъ сторожей Петръ Горскіи (6), да Карпъ Оле́ксинъ и приведоша языкъ наро́читъ, яко отъ вельможъ (7) тѣхъ царевыхъ; той же языкъ повѣда Великому Князю, яко оуже Царь на Кузминѣ гаше (8), но ожидаетъ Олга

(1) *Древн. Вивл.* XVI. 232. *Царск. кн.* 208, 222.
(2) *Никон. Л.* VII. 116, 17. *Царст. кн.* 220.
(3) *Ерм.* милостынѣ.
(4) *Ерм.* приб.: на первое возъидемъ.
(5) *Ерм.* приб.: яко за 23 поприщу до Дону.
(6) *Ерм.* Гошскій.
(7) *Ерм.* сановныхъ.
(8) *Щекат.* Геогр. Сл. Кузмина рашь. *Никон. Л.* V. I Пашкова гашь.

Резанскаго и Олгирда Литовскаго, твоего же собранія и срѣщенія Царь не знаетъ; а (1) при дни имаетъ быти на Дону. Князь же Великіи вопроси о силѣ его. Онъ же рече: „Нѣсть мощно никому же исчести силы его.“ Князь же Великіи нача думати з братомъ своимъ и с новонаречённою братіею съ Литовскими Князи: здѣ ли намъ пребыти, или Донъ перевѣземся? И рѣкоша ему Олгирдовичи: „Аще хощеши крѣпкаго бою, то повели сего дни рѣку возитися, да не будетъ ти ни единого мыслящего назадъ; всякъ бѣщся безо лести; а велицѣй силѣ его рѣчемъ нѣсть вѣровати, яко не в силѣ Богъ, но въ правдѣ (2). Ярославъ перевезеся рѣку, Святополка победи и правдѣ (3) твоей Александръ Князь перевезеся реку, Короля победи, и ты нарекъ Бога, такоже твори. Аще побіемъ поганыхъ, то всѣ живи будемъ. Аще ли онѣ насъ побіютъ, то всѣ же общую смерть пріиземъ отъ простыхъ людей и до Князей. Мы оубо, господине, видимъ, яко множество изъбранныхъ витязь въ войскѣ твоемъ.“

Князь же Великіи поѣлѣ вою своему Донъ возитися: спорожи же мнози оускариваютъ (4), яко ближутся Татаровѣ. Мнози же Руские оудалцы возрадовалися, зря своего желаннаго подвига, его же на

(1) *Ерм.* приб.: на преднаписанныя ему книги Олговы по трехъ днехъ маетъ быти на Дону.
(2) *Никон. Л.* III. стр. 10.
(3) *Ерм.* вѣрнѣе: прадѣдъ твой.
(4) *Ерм.* прискоряютъ.

Русе вжелѣша. За многіе же дни пріидоша на шо мѣсто мнози волцы, по вся нощи воютъ непрестанно: гроза бо велика есть слышати, храбрымъ полкомъ сердца оупѣржаетъ, и мнози ворони собрашася, необычно неоумолкающе граютъ, галицы же своею рѣчью говорятъ и мнози орли от оустъ Дону приспѣша, лисицы на кости брещутъ (1), ждучи дни грознаго, Богомъ изво́леннаго, в оньже имать пастѝся множества трупа человѣческаго и кровипролитія, аки морскимъ водамъ (2); от шаковаго страха и отъ великія грозы дерева приклоняются и трава постилается, и много обоихъ оунываетъ, видяще предъ очима смерть; поганіи же начаша студом' омрачатися о погибели живота своего, православрніи же человѣцы паче процвѣтоша, чающе оного совершеньнаго обѣтованія и прекрасныхъ вѣнецъ отъ Христа Бога Вседержителя, о нихъ же повѣда преподобный старецъ (3). Вѣстницы же оускоряютъ, яко ближатъ поганіи; оуже бо напрасно прибѣже ѕ̃ сторожей въ ѕ̃ часъ дни в суботу, прибеже Семенъ Меликъ з дружиною своею и за нимъ гнашеся мнози от Ташаръ и шо напрасно и безстудно гонишася, нолны (4)

---

(1) *Игор. пѣснь* стр. 9. орли клешкомъ на кости звѣри зовутъ, лисици и пр. Въ *Ерм.* глядячи на златыя доспѣхи; а въ *Игор. п.* на чрьвленныя щиты — брешутъ и далѣе.

(2) Въ *Ерм.* приб.: изъ мѣста выліяшися отъ, и пр.

(3) С. Сергій. см. выше.

(4) *Ерм.* онни. *Снг. нолни* — не значитъ ли *едва*?

о полцы Великаго Князя (1). Видѣвше же полцы, возвратишася скоро ко царю, и повѣдаша ему: Руския Князи ополчишася при Дону многое множество людей, сколко же видѣша, а царю в'четверо болѣ шого повѣдаша. Онъ же нечестивыи разженъ бысть діяволомъ, напрасно крикнув и рече: „Коль велика сила моя, аще сего не одолѣю, то како могу возвратишися во свояси.“ И повелѣ напрасно вооружатися. Семенъ же Мелик повѣдаетъ Великому Князю: „Яко оуже царь бредетъ на Гусѝнѣ броду (2); оуже бо одна нощь между ихъ полки, и наши, да подобаетъ тебѣ Великому Князю вооружатися сего дни: оутре бо рано оускоряшъ на насъ Ташарове.“

Князь же Великіи Димитрей Ивановичь з брашомъ своимъ Княземъ Владимеромъ Андрѣевичемъ, с новонареченною брашіею с Литовскими Князи нача отъ шестаго часа полцы оуряживаши. Есть же нѣкто воевода пріиде с Литовскими Князи именемъ Дмитрей Бобро́въ (3), родомъ Волынецъ; и шотъ бѣ наро́читыи воевода и полководецъ велми, по достоянію полцы оурядивъ, елико гдѣ кому подобаетъ по достоянію быти. Князь же Великіи поимъ браша своего Князя Владимера и Литовские Князи и воеводы и вся мѣстныя Князи, выеха на вы-

(1) *Ерм.* ударишася.

(2) *Никон. Л.* VII. 64: Козловъ бродъ. *Арханг. Лѣт.* 152: Княжинъ бродъ. *Татищ.* И. Р. III. 255.

(3) *Снг.* Бобровъ. *Ерм.* „Боброкъ родомъ сый изъ землѣ Волынское.“

сокое мѣсто и видѣ образъ святыи же Исусъ воображенъ хрестьянскихъ знаменіихъ (1), аки солнце свѣтящеся и стязи ревутъ наволоченіи простирающеся, аки облацы тихо трепещущи (2), хоругви аки живи пашутся, а доспеси Рускія (3), аки воды во вся вѣтри колыблются, шеломы на главахъ ихъ златомъ оукращены (4), аки оутренняя заря во время вѣдряна солнца свѣтящеся, ловцы же (5) шеломовъ ихъ, аки пламя огнено пащется (6). Мыслено (7) бо есть видѣти, оужасно зрѣти таковыхъ Рускихъ Князей, і ихъ оудалныхъ дѣтей боярскихъ собранія и оучреженія (8). Оудивишася же Литовскіе Князи, ркучи: „Ни есть быти достойну при насъ, ни преже насъ, ни по насъ таковому воинству (9): много бо множество есть, якоже Гедеоновыхъ соузницъ, но и боле того есть: Господь Богъ силою своею вооруже ихъ.“ Князь же Великиі Димитрей Ивановичь, видѣвъ

(1) *Никон. Л.* VII. 151. *Др. Вивл.* V. 164, 174.
(2) *Ерм.* трепещити хотятъ промолвити.
(3) *Virg.* Aen. IX. 50, 163.
(4) *Никон.* II. 30 и *Др. Вивл.* I. 67.
(5) *Ерм.* яловчикижь, отъ λόφος, гребень на шлемѣ. *Др. Вивл.* XIV. 134. Въ *Снг.* яловцѣжь.
(6) *Homer.* Il. XXII. 135, 317 и *Никон. Л.* IV. 170, 79.
(7) *Ерм.* жалостно.
(8) *Ерм.* приб.: вси бо единъ за единого хотятъ умрети и вси единъ гласъ начаша глаголати: Господи Боже, съ высоты призри на ны, и даруй православному Князю нашему, яко Константину, побѣду и положи подъ нозѣ ему враги, яко же иногда Аммалика кроткому Давиду.
(9) *Ерм.* приб.: подобни суть Македонскому войску.

полки своя достойно оуряжены, обвеселися сердцемъ, и сшедъ с коня, паде на колѣно (1) прямо великому полку и черному знамению, на немже бѣ воображенъ образъ Владыки нашего Іисуса Христа, и нача из глубины сердца зваши велегласно: „О Владыко Господи Вседержителю, виждь смотреливымъ окомъ на люди своя, иже твоею рукою сотворени суть (2) и вънуши, Господи, гласъ молитвы моея, обрати, Господи, лице свое на нечестивыхъ сѣ простію, иже злая творятъ рабомъ твоимъ (3)." І ина емоу много глаголющу и молящеся.

Скончавъ же молитву и сѣде на конь, нача ѣздити по полкомъ со Князи и с воеводами и коемуждо полку рече: „Братія моя милая, Руския (4) сынове, от мала и до велика, оуже бо нощь приспѣ, а день приближися грозныи, всю же нощь бдите и молитеся, мужайтеся и крѣпитеся. Силенъ бо во брани Господь и пребудите на мѣстехъ своихъ, немятущеся. Оупре бо нѣ поспеши (5)

---

(1) *Ерм.* приб.: на правѣ зѣленѣ.

(2) *Ерм.* иже твоею кровію искупленны суть работы Аристора (?).

(3) *Ерм.* приб.: Молю бо ся образу твоему святому и пречистой Св. твоей Матери и твердому необоримому твоему любленнику, иже отъ насъ къ шоб (молитъ?) Рускому Святителю Петру, на его же молитвы надѣющеся, смѣю призывати имя его святое. Войска же Рускія по молитвѣ всѣдше на конѣ свои и начаша вси молитву твориши, и по полкомъ ѣздиши со Князьми своими и воеводами.

(4) *Ерм.* Христіанстіи.

(5) *Ерм.* не удобь мощно тако уставити.

нако оурядишися (1). Миръ вамъ да будешъ, брашія моя: оупре бо оускоряюшъ на насъ Ташаровѣ, а мы вси готови будемъ прошиву ихъ.“ Браша же своего Князя Владимера Андрѣевича отпусти в' верхъ по Дону (2) и с нимъ отпусти извѣстнаго воеводу Димитрея Боброва Волынскаго. Оужа есшь бышь (3) прошиву свѣтоноснаго дни праздникъ Рожества святей Богородицы; осѣни же погда одолжившеся днемъ лѣтнымъ (4). И бысть же теплота и тихость в нощи той и мрацы (5) ронися являшеся. Поистиннѣ бо рече: нощь несвѣтла невѣрнымъ, вѣрнымъ же просвѣщеніе. Рече же Димитрей Волынецъ Великому Князю примѣшу (6): „Войску оуже бо вечерняя заря пошужла (7).“ Димитрей же сядѣ на конь свой, поимъ съ собою Великаго Князя, выехавъ на поле Куликово и ставъ посредѣ обоихъ полковъ, обрашився на полки Ташарскіе, слышахъ стукъ великъ и крикъ, аки

(1) *Ерм.* приб.: „уже гостѣ (hostes) наши близь сушь на рѣцѣ Непрадвѣ ополчишася. Утро жъ имаеше вси пити общую чашу, и ту вамъ и намъ поведенная (поведеная. *Снг.*), ея же аще друзіи мои на Руси вожделѣша. Уповайте на Бога живаго, да миръ вамъ буди брашіи моей: аще бо утрѣ ускорю со брашіею и со Князи своими.“ — Сходно съ *Снг.* списком.

(2) *Ерм.* приб.: „яко да ушаишися полку его и далъ ему досшойны вѣпязѣ своего двора воинъ.

(3) *Ерм.* уже бо нощь приспѣ.

(4) *Ерм.* деньми свѣтлыми сіяюши.

(5) *Ерм.* нощныи. Въ *Снг.* мраци росніи.

(6) Въ *Снг.* уже бо нощи глубоце и заря изгасе.

(7) *Игор. пѣс.* стр. 10.

торзи (1) снимаются, аки городы сшавятъ, аки шрубы гласяще. И бысть же назади Ташарскихъ полковъ волцы воютъ велми грозно, по правой же сшранѣ ихъ вороны и галицы безпрестанно кричаше (2); и бысть великъ шрепетъ, пшицамъ прелѣтающимъ отъ мѣста на мѣсто, аки горамъ и грающе, пропиву же имъ на рецѣ на Непрядве гуси и лебеди и оушяша крилами плещутъ необычно и велику грозу подаютъ (3). Рече же Волынецъ великому Князю: „Что еси, Господине Княже, слышавъ.“ И рече Князь великіи: „Слышахъ, браше, гроза велика есть.“ И рече Волынецъ: „Обрашимеся, Князь же, на полки Рускія.“ І якоже обрашишася и бысть шихость велика. Волынецъ же рече Великому Князю: „Что еси, Господине, слышалъ?“ Онъ же рече: „Ничто же, браше, слышапи, но токмо видѣхомъ отъ множества огней зари (4) имашася.“ И рече Димитрей Волынецъ: „Княже Господине (5), добра суть примѣта и знаменія! Призывай Бога небеснаго и неоскоудѣвай вѣрою.“ И паки рече: „Еще ми примѣта есть.“ Сшедъ с коня, и паде на землю на правое оухо, предлежа на долгъ часъ и спавъ, абие поничѣ. И рече ему Князь Великіи: „Что есть,

(1) *Ерм.* торгъ. *Никон. Л.* IV. 264.
(2) Въ *Игор. пѣсни* стр. 9. встрѣчаются тѣже Авгурій.
(3) См. *Игор. пѣсь.* М. изд. 1800, стр. 9: уже бо бѣды его пасетъ пшицы, подобію влъци грозу въсрожатъ и пр. См. выше, стр. 41.
(4) *Ерм.* огненны зари.
(5) *Ерм.* огни добро знаменіе.

браше, примѣша ?“ Он же не хотѣ сказати ему. Князь же великіи нудивъ его добрѣ. Онъ же рече емоу: „Едина ти есть на пользу, а другая скорбная: слышахъ землю плачюущуся на двое, едина страна аки нѣкая жена плачющеся чадъ своихъ Еллинскимъ языкомъ (1); другая же страна, аки нѣкая дѣвица, просопѣ аки въ свирѣль, едина плачевнымъ гласомъ. Азъ оуже множество шѣхъ примѣлъ испышахъ: сего ради надѣюся на Бога и ко свяшымъ мученикомъ Борису и Глѣбу, сродникомъ вашимъ. Азъ чаю побѣды на поганыхъ, а крестіянъ множество падетъ.“ Слышав же то Князь Великіи, прослезився, рече: „Да будетъ воля державѣ Господне.“ И рече ему Волынецъ: „Неподобаетъ ти, Государю, того никому в полцѣхъ повѣдати, но комуждо молити Бога вели, и Свяшыхъ его на помощь призывати (2).“

В шуже нощь нѣкто мужъ ѣшеръ (3) разбойникъ, имянемъ Фома Хаберцѣевъ (4) поставленъ сторожемъ отъ Великаго Князя, мужъ роденъ, а поставленъ на крѣпку сторожу (5) от поганыхъ; сего же человѣка оувѣря Богъ и отвкры ему видѣніе в нощи: той видѣв на высоцѣ облакъ изрядно идяше от востока, из него же изыдоша два юноши свѣш-

(1) *Ерм.* Еллинскимъ гласомъ. *Никон. Л.* VII. 331.
(2) *Ерм.* приб.: рано утро вели имъ подвизашися на конѣ своемъ и всякому крестомъ огрождашися: то бо есть оружіе на прошивныя.
(3) Ἑταῖρος, сорашай, шоварищь. Въ *Ерм.* сунклитъ.
(4) *Ерм.* Кацѣй. Въ *Снг.* Кацибѣй.
(5) *Снг.* въ нарѣцѣ на чюру. *Руск. вр.* I. 243.

лы, имуще во обоихъ рукахъ мечи остры и ркуще полковникам: „Кто вамъ повелѣ пребити отечество наше: намъ бо дарова Господь.“ И начаша ихъ сѣчи. Оттолѣже оувѣренъ бысть человѣкъ той, и нача быти цѣломудръ. На оутріи же повѣда Великому Князю единому. Онъ же рече ему: „Никомоужъ сего повѣдай. Самже (1) воздѣвъ руцѣ на небо и нача молитися глаголя: „Господи владыко, человѣколюбче, молитвою святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, помози Господи (2), яко Моисею на Аммалика и Давиду на Голіяфа и первому Ярославу на Святополка и прадѣду моему, Великому Князю Александру на хвалящагося (3) Короля Римскаго (4). Воздай же ми Господи, непо грехомъ моимъ; но излѣй на ны милость свою, и просвѣти насъ благооутробіемъ твоимъ, да не порадуются врази наши въ насъ и не рекутъ во странахъ вѣрныхъ (5): гдѣ есть Богъ ихъ, на него же оуповаша (6).

Приспѣвше же Сентябрія великому празднику и началному дни спасенія роду христіянскому Рожеству святѣй Богородицы, свѣтающеся Христову Воскресенію (7) свѣтлому и восходящу солнцу, бывъше же

(1) *Ерм.* Князь Великій.
(2) *Никон. Л.* VII. 329.
(3) *Ерм.* приб: разорити его отечество.
(4) К. Шведскій Ерикъ Ериксонъ.
(5) *Ерм.* невѣрныхъ.
(6) *Ерм.* приб: и помози Господи христіаномъ, ими же величается имя твое святое.
(7) *Ерм.* свитающу пятку.

оутра того мгла: начаша (1) гласы трубныя отъ обоихъ странъ снимашися. Татарьскія же трубы аки онемѣша, Рускія же паче оутвердишася; полцы же еще невидяшся, занеже оутро мгляно, но (2) велми земля стонетъ, а шу грозу подаетъ на востокъ до моря, на западъ же до Дуная (3). Поле же Куликово прегибающеся, вострепеташа лузи и болота, рѣки же и озера изъ мѣстъ своихъ выступиша: но (4) николи же оубо шоликимъ полкомъ быши на мѣсте томъ. Великому же Князю пресѣдающе на борѣзыя конѣ и ездущу по полкомъ своимъ и глаголюще полковникомъ: „Отцы и братія, Господа ради (5), подвизайтеся и святыхъ ради церквеи и вѣры крестьяньскія (6): сія бо смерть мѣстъ въ смерть, но животъ вѣчныи, да ничто же братія земнаго не желайте (7), да вѣнцы побѣдными оувяземся отъ Христа Бога Спаса нашего.“ Оутвердивъ же полки Рускія, и паки пріиде подъ свое чѣрное знаменіе и

(1) *Ерм.* приб: начаша стязи христіанстіи простиратися, и трубы многихъ гласити; уже бо Рустіи конѣ укрѣпишася гласомъ кождо подъ своимъ знаменіемъ трубнымъ. Идоше же полцы по поученію елицы имъ повелѣша. Часу же третіему наставшу, начаша.

(2) Въ *Снг.* толми.

(3) *Ерм.* до Дону. Ср. *Соф. Временникъ.* М. 1820. стр. 360—361, 62.

(4) *Ерм.* яко.

(5) *Ерм.* всядѣте на конѣ своѣ, и подвизайтеся и покладѣте главы своя.

(6) *Никон. Л.* VII. 116, 152. *Царст. кн.* 219.

(7) *Ерм.* не уклонитеся на своеніе.

снидѣ с коня на иный конь (1), совлачая с собя приволоку царскую и во иную облечеся, тощъ же конь дасть подъ Михайла подъ Андрѣевича под Вренка (2) и ту приволоку на него же облече, иже бѣ ему любимъ паче мѣры. И по знамя повелѣ рыделю (3) своемоу возити передъ нимъ; подъ шѣмъ же знаменемъ и оубіенъ бысть за Великаго Князя. Князь же Великіи ставъ на мѣстѣ своемъ, и воздѣвъ руцѣ свои на небо и вложи въ нѣдра (4) своя, в нихъ же бѣ живоносныи крестъ, на немъ же бѣ воображены страсти Христовы, и рече во умиленіи сердца: „Тебѣ оуже надѣюся конечное живоносному крестоу, иже симъ образомъ явися православному Греческому Царю Констянтину и далъ еси на брань сію сущу побѣду. Не могутъ бо обрѣзаніи человѣцы противу образу твоемоу стояти. Такоже и нынѣ оудиви, Господи, милостъ свою на насъ.“ Въ тоже время пріидоша книги отъ преподобнаго Игумена Сергія, в нихъ же написано есть: „Великому Князю и всѣмъ рускимъ Княземъ миръ и благословеніе всемоу православному воинству. (5) Князьже Великіи слышавъ писаніе отъ преподобнаго старца и цѣловавъ посланника того любезно. Тѣмъ же писаніемъ аки нѣкими бронями шверды-

(1) *Царств. кн.* 310. — *Др. Внвл.* XIV. 26. *Палиц.* объ осадѣ Тр. Мон. 47.
(2) *Ерм.* Бреника. *Snorro.* II. 218.
(3) *Ерм.* рындѣ. *Др. Внвл.* XX. 223, 25.
(4) *Ерм.* за пазуху и вземъ.
(5) *Соф. Временникъ.* М. 1820. стр. 360.

ми оукрепися, и еще дастъ емоу старецъ даръ посланныи отъ Игумена Сергія святыи хлѣбецъ Пречистыя Богомашери. Князь же Великіи снѣдъ хлѣбецъ святыи, и просперъ руцѣ свои на небо, возопи велегласно: „О велико имя Святыя Троица! Пресвятая Богородице, помогай намъ твоими молитвами и преподобнаго Игумена Сергія.“ Пріимъ же конь свой крѣпко и вземъ палицу свою желѣзную, подвизався ис полку конъ, восхотѣ преже самъ начаши отъ горести душа своея (1). Мнозиже Князи Рускіе и воеводы оудержаша его, глаголюще: „Не подобаетъ тебѣ Великому Князю самому, и в полку быти (2), подобаетъ тебѣ особѣ полкомъ стояти і насъ расмотряти: то предъ кѣмъ нам явитися бьющеся, егда оупасетъ Господь тебя Государя и Великаго Князя; а намъ что случитъ' Богъ кому смерть или животъ, и ты почему хощеши разумѣти, какъ кого чтити и жаловати. Мы вси готови есмь Государь головы своя сложити за тебя Государя Великаго Князя. Тебѣ же Государю подобаетъ памяти творити, кто сложитъ голову свою и в книги соборныя писати, памяти дѣля, Рускихъ сыновъ, иже по насъ будутъ, якоже Оленшіи (3) Царь Феодору Тирону памяти творилъ. Аще ли тебе

(1) *Ерм.* приб: за свою обиду великую и за православную вѣру.
(2) *Ерм.* бишися.
(3) *Ерм.* Леонтій.

единаго изгубимъ: то отъ кого памяти чаемъ, аще всѣ живи есмь, а тебе изгубимъ: то кіи оуспѣхъ будешъ намъ, аки стáда овча неймоуще пастыря, оучнеши волочитися ни на чтоже възирая, пришедъ же волцы и распудятъ насъ, и кто хощетъ спасти насъ. Тобѣ Государю подобаетъ спасти себе и насъ.“ Князь же Великіи рече имъ: „Брашія моя милая, добры ваши рѣчи, немогу вамъ проштиву отвѣщати: извѣстно бо глаголете, токможе и о словесехъ вашихъ похвалю васъ (1), кто бо болѣ мене былъ в васъ в Рускихъ Князехъ? Но азъ былъ вамъ глава, и всегда преже васъ благая воспріяхъ. И нынѣ такожъ преже васъ хощу почати: благая отъ Бога пріяхъ, а злыхъ ли не могу терпѣти (2). Мене бо ради всякія собранныя на Русь воздвигошася и како могу видѣти васъ погибаемыхъ, а самъ спасти; прочее к тому не терплю, да общую чашу имамъ пити с вами. Аще ли оумру, вмѣсте с вами, аще ли живъ буду, вмѣсте с вамиже (3).“ Передовыи же полки (4) ведетъ Димитрей Всеволожь, а с правую руку емоу идетъ Микулай Васильевичь со многими (5) людми. Поганіи же бредутъ оба полка (6), нѣгдѣ бо имъ расшу-

(1) Въ *Ерм.* вставка о мученикѣ Арефѣ.
(2) *Іов.* гл. II. ст. 10.
(3) *Ерм.* приб: нынѣ вси останемся.
(4) *Ерм.* приб: зступишася на насъ. Первое же полцы ведутъ Дмитр. Вс. да Володимеръ братъ его.
(5) *Ерм.* с Коломичѣ и со инѣми людьми.
(6) *Ерм.* оба полъ.

пущися (1), мало есть мѣста имъ. Безбожный же царь Мамай выеха на высоко мѣсто с шемными (2) своими Князи (3), зря пролитія человѣческія крови. Оуже бо близъ себѣ сходящася и выедетъ же Гречене (4) задни ис полку Ташарского, предо всѣми мужествова, похваляясь и хоробруя, подобенъ бысть древному Голияеу. Видѣв же его Пересвѣтъ чернецъ, иже бѣ въ полку оу Димитрія Всеволожа. и двигься ис полку вонъ (5), „Рече: сей человѣкъ иже себѣ подобна ищетъ; азъ же хощу с нимъ видѣтися (6).“ Бѣ же шеломъ на главѣ его Архангельскаго образа вооруженъ схимою, по повелѣнію Игумена Сергія, и рече: „Отцы и братія, простите мя грѣшнаго и, браше, Ослабя, моли за мя Бога; Преподобне отче Игумен' Сергіи, помогай ми молитвою своею. И оустремися противу емоу. Крестьянеже вси кликнуша: „Боже, помози рабу своемоу.“ Они же оударишася копьи (7),

(1) *Ерм.* ростягнушися т. е. развившься.

(2) *Ерм.* съ тремя Князьми.

(3) *Арханг. Л.* стр. 65, 9, 81. *Цар. кн.* 253. *Врем.* I. 180.

(4) *Ерм.* и *Снг.* Печенѣгъ, именемъ Телебѣй.

(5) *Ерм.* противъ сего человѣка, противника собѣ хощетъ. — И пыхая яко левъ, аки женихъ, хотя воспріяти вѣнецъ небеснаго царствія.

(6) *Ерм.* ажъ на мя вооружися онъ безбожный Печенѣгъ, устремися противу ему, глаголющи: Ѡ Магметъ, помози!“ Вои жъ христіанстіи вси воскликнуша единѣми усты: Боже нашъ, помози рабу своему.

(7) *Ерм.* приб: аки силніи громи грянуша, егда мѣсто не проломися подъ ними.

едва оудержашеся, что непреломися земля под ними, кони же их на кора́чни падоша. Они же оба спадоша с коней на землю, ту и ско́нчашася. Наста́вшу же второму часу дни, видѣвъ же шо Князь Великіи и рече своимъ полковникомъ: „Видите, брашія, гости наша ближу́ться (1), оуже бо время приближися и часъ приспѣ.“ Оударіша кождо по коню своемоу (2) и крикнуша вси еди́ногла́сно: „Боже кресшьянскіи, помози намъ!“ Тапарове же (3) скликнуша своими языки, и крѣпко сшупишася (4): пресну́ша копія харалужная (5), звѣняшъ доспѣхи злаченныя, сшучаш щипы черленыя, гре-

(1) *Ерм.* приб: испиваюшъ полныи чаши и ведушъ собѣ поведенную. иныижъ ошъ нихъ испиша и веселы быша. *Ник. Л.* VII. 121. См. выше сл. *гостн*, ш. е. враги, а на спр. 65, въ другомъ значеніи.

(2) *Ерм.* приб: и поскочиста вси, аки медовныя чаши пиши: храбрымъ же сердца веселяшася; а имъ сердца ужасошася и кликнуша единымъ гласомъ: съ нами Богъ, и паки, и ш. д.

(3) *Ерм.* Печенѣзижъ з свои кликнуша, призывающе своихъ боговъ, Магмета: о Магмишъ, помози намъ и моли Бога о насъ!

(4) *T. Livii.* VIII. 7. congredi cum.

(5) *Ерм.* велиціи полцы и крѣпко бію́щися и напрасно щипляюшся щипы богашырскіи о злычныи доспѣхи, а ліешся кровь богашырская подъ сѣдлами кованымі, блискаюшъ шаблѣ булашными около головъ богашырскихъ, кошяшся шоломы позлащенныи с личинами добрыми конемъ подъ копыша, валяюшся головы многихъ богашырей з добрыхъ коней на сырую землю, и пошоптаны бываютъ. Не едины богашыріе Рускіе біены быша, но и Тапарскихъ вдвое; не шокмо бо оружіемъ бію́щеся, но и сами ошъ себѣ разбивахуся.

мятъ мечи булатныя и блистаются сабли булатныя, и много напрасно бьющеся нетокмо оружіемъ біющеся, но и сами о себя избивахуся и под конскими ногами оумираху, от великія тѣсноты задыхахуся, яко немощно бѣ вмѣститися имъ. На полѣ Куликове между Дономъ и Мечею (1) сильни полки втупишася, из нихъ же вытекаютъ крововы́е ру́чьи (2) и трепетали силніи молніе от облистанія мечнаго и от саблей булатныхъ, и бысть (3), яко громъ от копейнаго сломленія. Страшно бо есть видѣти сего грознаго часа смертнаго во единомъ часѣ и въ мелгновеніи ока. О колико тысящь человекъ погибаетъ созданія Божія! воля бо Господня совершается. В тоже время тутошныя рѣки мутно пошли, вострепеташа лузи и болота, езера выстоупиша из мѣстъ своихъ, протопташеся холми высокіе, траву же кровію подъмывало, льющеся кровемъ аки рѣчны бы́стринамъ на всѣ страны. До пятаго часа бьющеся неослабѣющу, ѕ' му же часу наставшу (7), Божіимъ попущеніемъ, а нашихъ ради грѣховъ, начаша одолѣвати поганіи: мнози бо от вельможъ Рускихъ побіени суть, и Ру-

---

(3) *Χάρκουσιν v. κάρκουσιν, τοῦ χαλκοῦ τὸν κεκαυμένον. Ducange* Gloss. Graec.

(4) *Никон. Л.* VII. 38.

(5) *Руск. Врем.* I. 244. *Продолж. Руск. библ.* IV. 33, 40. *Никон. Л.* VI. 158.

(6) *Ерм.* трескъ и ломъ великъ копейный.

(7) По захожденіи солнца. См. *Арцыбышева.* Димитр. Д. въ В. Е. 1827. 11.

ские оудалцы побіени сутъ, аки силніи древа сломишася. Не шурове возрѣвѣша, возревѣша мнози оудалцы оурывающеся на землю под конскіи копыша, и мнози же сынове Русціи сопрошася. Самого же Великого Князя велми оуязвиша: онъ же оуклонися с коня и соидѣ с побоища едва могій. Ташаровѣ же мнози сшязи Великаго Князя под'сѣкоша, но Божіею силою до конца неистребишася, паче крѣпишася (1). Яко же ѕ' му часу минующе поганіи же всуду задѣша и около кресшьянъ об'ступиша Ташарове. Оуже бо мало есшь полковъ кресшьянскихъ: всѣ полки Ташарские. Видѣвъ же шо Князь Володимеръ Андрѣевичь, (2), не могій побѣды шерпѣши. И рече Димишрею Волынцу: „Браше Димишрей, чшо оубо ползуешъ наше сшояніе, да кому хощемъ пòмощи?“ И рече ему Димишреї Волынецъ: „Бѣда велика, Княже; не оуже бо еще пришла година. Начиная бо без времяни, бѣду себѣ пріемлюшъ. Мало оубо пошерпимъ (3), вонь же часъ имамъ ошдаріе (4) ошдаши

(1) *Ерм.* приб: Се же слышахомъ ошъ вѣрнаго самовидца, глаголюще: сей же бѣ ошъ полку Володимерова Андрѣевича, повѣда видѣніе Великому Князю: во шесшую годину сего дни видѣвъ надъ ними небо ошверсшо, изъ него же изыиде облакъ, яко ранняя зоря, и надъ ними низко держащися и шой же облакъ иѣполненъ рукъ человѣческихъ: каяждо рука держащи оружіе и ошпусшишася ошъ облака шого на главы хрисшіанскіи. То же и въ *Сунод. Лѣтоп.* No 365.

(2) *Ерм.* приб: великую побѣду хрісшіанскую, аки класы бо пшеничныи подавляемы шерніемъ, а шерніе росшяше и буяше.

(3) *Ерм.* приб: до времени подобна.

(4) Въ *Сиг.* воздаяние.

проливникомъ; шокмо нынѣ призывайше Бога и ждите осмаго часа, вонь же имать быти благодать Божія и крестьянская помощь.“ Князь же Владимерь Андрѣевичь воздѣвъ руцѣ свои на небо и рече: „Боже отецъ нашихъ, сотворивыи небо и землю (1), не дай же, Господи, порадоватися врагомъ нашимъ о насъ (2)!“ Сыновеже Рускіи в полку его плачющеся, видяще други своя побиваеми, непрестанно порывающеся, аки званныи на бракъ сладкаго вина пити. Лепо бо есть в то время и спару помолодитися, а молоду храбростии испытати. Волынецъ же воз'браняше имъ, рече: „Мало пождите, буявіи (3) сынове Русстіи, есть бо вамъ еще с кѣмъ оупѣшитися, пити и веселитися!“ — Приспѣвшу же осмому часу и повѣя вѣтрецъ южныи позади ихъ. Возопи же Волынецъ гласомъ великимъ, и рече: „Князь Владимеръ, время пріиде и часъ приспѣ. И паки рече: дерзайте, братія и друзи, сила бо Святаго Духа помогаетъ намъ!“ И выедоша из дубравы единомысленныя друзи, аки соколы испущени, и оударишася на спада жарявлина (4). И тако спязи (5) направлени крѣпкимъ воеводою; бяху бо яко отроцы Давидови, имъ же сердца быша аки львомъ, и аки на овча

(1) *Ерм.* приб: предстояй, на ны крамолы дѣетъ.
(2) *Ерм.* приб; мало показни насъ, много помилуй; бездна бо еси милости.
(3) *Снг.* мудріи.
(4) Script. rer. Moscov. I, 98, 128.
(5) *Ерм.* сіи удалци.

спада оударишася напрасно. Поганіи же видѣвъше и крикнуша глаголюще: „Оувы намъ, паки Русъ насъ оумудриша! хушчіе с нами бишася, а лушчие соблюдошася.“ И обрашишася поганіи, даша плещи своя. Сынове же Рускіи силою Свяшаго Духа (1) бяху ихъ и помощію свяшыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, аки лѣсъ клоняху, аки шрава ош косы посшилаешся, Рускими мечи сѣкушся Ташарскія же полки; бѣжаша же Ташарове, глаголюще своими языки: „Оувы и шебѣ чесшныи царю Мамаю! высоко вознеслься еси, и до ада зъшелъ еси!“ — Мнозиже и оуязвеніи нашихъ помогаху, сѣкуще без милосши, ни единому же ихъ не могущу оубѣжаши, понеже кони ихъ испомишася. Мамай же царь видѣвъ напрасно своихъ побиваемыхъ и нача призывашн боги своя: Перуна, Салма́на (2), Тамокоша, Раклія, Руса и велікаго своего помощника Ахмеша. И небысшь емоу ничшо же помощи ош нихъ; силабо Свяшаго Духа аки огнемъ пожигаешъ ихъ. Мамай же царь рече алпаоушомъ своимъ (3): „Побѣгнемъ, брашія, ничшо же оубо добра

(1) *Ерм.* гониша и гнаша.

(2) *Ерм.* Перуна и Саваша, Ираклія и Гурса. Въ *Спз.* Перна, Раклія, Салаваша, Хурса. Въ *Лаврент. Лѣтоп.* стр. 48. изд. Тимковскаго, упоминаются въ Кіевѣ шесшь боговъ, изъ коихъ шрехъ несправедливо приписываешъ здѣсь сочинишель и Монголамъ: Перунъ, Хърсъ, Дажьбогъ Стрибогъ, Симарьгла и Мокошь. Волосъ въ Кіевск. Паншеонѣ не помѣщенъ; онъ былъ покровишелемъ Росшова. *Древн. Внѣш.* XVI. 245. Schlözers Probe Russ. Ann. p. 106.

(3) *Ерм.* угодникомъ.

чаяти имамъ, хотя, братіе, головы своя оунесемъ (1)." Абіе побѣже с четырьми мужа. Мнози же отъ крестьянъ гонишася за нимъ, но кони ихъ неодолѣша; цѣли бо кони подъ ними, яко небыша на бою. Возвратившеся (2) и обрѣше трупія мертвыхъ Татаръ об ону страну рѣки Непрявы, идѣже не быша Руския полки. Сія бо бисты (3) суть отъ святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, о нихъ же провидѣ Фома Хаберцыевъ. Иные же оудалые люди гонишася; егда всѣхъ доступиша, токмо царь Мамай оубѣже с четырми мужи и возвращахужеся Рускіи сынове койждо подъ знамя свое.

Князь же Владимеръ Андрѣевичь, ставъ на костѣхъ подъ чернымъ знаменіемъ, и не обрѣте Князя Димитрея Ивановича браша своего, и повелѣ собранною трубою трубити, и жда часа, не обрѣте Великаго Князя, нача плакатися и по полъкомъ ѣздити, глаголаши: „Братія, кто видѣлъ или слышалъ есть Государя своего Князя Димитрея? Се бо, братіе, подобно яко же писано есть: пораженъ пастырь и разыдушеся овца. Комоу сия честь довлѣетъ?" И рекоша Литовскія Князи: „Мы чаемъ, яко живъ есть, но оуязвленъ велми, егда во трупѣ будеш; а иной рече: азъ видѣхъ его в пятый часъ бьющеся крѣпко; а иной рече: азъ видѣхъ его, еще поздѣе шого бьющеся, но четы-

(1) *Ерм.* упасемъ.
(2) *Ерм.* гонящіи же ихъ возвратишася.
(3) поправлено: шушъ.

ре Ташарина належат емоу.“ Нѣкшо же Юрьевской юноша Князь Стефанъ Новосельской шоу стоя, рече: „Азъ видѣхъ его пред самымъ швоимъ пріездомъ, пѣша по побоищу идуща, и оуязвлена велми, и еще емоу стужаютъ д Ташарина, азъ же бился с Ташариномъ и помощию Божіею борзо побѣдихъ его и погнахся за шѣми, иже стужаютъ Великому Князю, немощно бо бѣ борзо гонитися, неможе конь ишьти в шрупу человѣчю борзо. Но сугонивъ Ташарина оубилъ, три же ихъ на мя нападоша много ми стужаху, и по милости Божіи два от нихъ оубихъ прешей же побѣжа. Азъ же гнахся и за шѣмъ, оузрѣвъ же иные Ташарове наѣхаша на мя, и многими стужиша и раны многи нанесоша ми, крѣпъко отъ нихъ пострадахъ, едва избыхъ от нихъ, и в шрупу пребыхъ донъдеже шы приспѣ.“ Рече же емоу Князь Владимеръ Андрѣевичь: „Извѣстно есть, браше Стефане, видѣніе твое; аще кто нынѣ обрящешъ Великаго Князя, поистиннѣ честенъ будешъ.“ Рачители же отроцы разсунушася по великому грозному побоищу, ищуще побѣде побѣдителя. Овіи же наидоша Михайла Андрѣевича Бренка (1), и чаяше Великимъ Княземъ; а иные наехаша Князя Феодора Семеновича Белозерскаго, чающе Великимъ Княземъ (2). Два

(1) *Ерм.* приб: Бреннка, убишаго въ приволочѣ Великаго Князя и въ шолому. *Рост. Лѣт. л.* 370 *Карамз.* И. Г. Р. ш. V. стр. 61—77.

(2) *Ерм.* приб: зане же приличенъ бяше ему.

же воина, великіе вишязи, оуклонишася на десную страну в дубраву, единаго зовушь Сабуромъ, а другой Григорьй Холопищовъ (1), родомъ же оба Костромичи; мало же выехавъ с побоища, наехаша Великаго Князя биша велми и сѣчена оздыхающа под посѣченнымъ древомъ подъ березою (2). Видѣвше же его, скочиша с коней и поклонишася емоу с радостію; Сабуръ же возвратися и повѣда Великому Князю Владимеру: „Князь Великіи Димитрей Ивановичь здравишъ и вовѣки царствуешъ.“ Вси же Князи и Бояре скоро сунушася, скочиша с коней и поклонишася Великому Князю, глаголюще (3): „Наше древо Ярославле, новыи Александрѣ, сія побѣда шебѣ Государю честь повѣдаешся!“ Князь Великіи едва нуждею промолвилъ, рече: „Повѣдайше ми побѣду сію?“ Рече же брашъ его Князь Владимеръ Андрѣевичь: „По милости Божіи и Пречистыя его Машери молишвами и помощию сродникъ нашихъ Бориса и Глѣба, моленіемъ Рускаго Свяшишеля Пешра и его способника (4) Игумена Сергія, и всѣхъ шѣхъ свяшыхъ молишвами, супосташи наши побѣждени соушь, а мы спасохомся.“ Слышавъ же шо Князь Великіи, ставъ на нозѣ свои, и рече: „Сіи день сошвори Господь,

(1) *Ник. Л.* 118. Холпищевъ — *Хлоповъ.*
(2) *Ник. Л.* V. 199.
(3) *Ерм.* Радуйся нашъ древній Ярославе, радуйся свѣшило Руское земли и пастыру добрый овцямъ, побѣдишелю врагомъ сымъ.
(4) *Ерм.* приб: вооружишеля.

возрадуемся и возвеселимся в онь (1)." И приведоша ему конь крошокъ. Онъ же иная многая рече со Князи и сѣдъ на конь и выехавъ на побоище, видивъ многое множество бишо войньства своего, а поганыхъ вчешверо шого болѣ бишыхъ. Обрашився къ Волынцу и рече: „Браше Димипрей, вонспинину разумливъ еси, и неложна примѣша швоя! Подобаешь ши всегда быши воеводою." И нача з брашомъ своимъ и з новонареченною брашиею, с Липовскими Князи, и с ными осшавшими ездиши по побойщу, а сердцамъ крѣчаше и слезами оумываяся, наехалъ на мѣсшо, идѣже лежашъ Князи Белозерсшіи (2) вси вкупѣ посѣчѣни (3) и шу лежишъ близъ Микула Васильевичь. Над ними же спавъ Государь, проплакавъ и рече: „Брашія моя, Князи Руския, аще имаше дерзновеніе ко Господу, молишеся и о насъ, да вкупѣ с вами будемъ!" И паки на иное мѣсшо приеде, найдѣ своего наперѣспника Михайла Андрѣевича Брѣнка и близъ его Семена Мелика крѣпкаго, спорожа, близъ его Тимофей Валуевичь и шушо же близъ Пересвѣшъ чернецъ близъ наро-

---

(1) *Ерм.* приб: и паки рече: сей день Господень; радуйшеся людіе! велій еси Господи и чудны дѣла швоя! вечеръ водворишся плачь, и заушра радосшь.

(2) *Ерм. и Никонов. Л.* приб: осмь Князей Б. Въ *Сгнод. Л.* No 365, *пятнадцать.* Въ *Рост. Л.* равно, какъ и въ *Снг. сп.*, числа Князей не означено.

(3) *Ерм.* голми бо напрасно бишася, яко единъ единаго ради умираешъ.

чишаго богатыря (1) лежаща. Видѣв же Князь великіи рече: „Видите, братіе, своего починачалника! той побѣди подобна себѣ человѣка, от него же было пити многимъ горкую чашу (2).“

Стоявъ же Князь Великіи за Дономъ н҃ дней, дондеже разобраша крестьянская телѣса с нечестивыми; крестьяне же похраниша, колко оуспѣша, а нечестивіи повержени звѣремъ на расхищеніе (3). Поганому царю Мамаю отселѣ збѣжавшу и добеже, идѣже есть градъ Кафа:

(1) *Ерм.* приб: Надъ ними же ставъ Князь В. и рече: братія моя возлюбленная, моего ради образа убіенны бысте: кто бо таковый рабъ можетъ господину служити, яко мене ради самого мысленно (умышленно) на смерть поѣхавъ, истинному древнему подобенъ, иже бѣ отъ полку Дарія Персскаго, и онъ же тако творитъ.

(2) *Ерм.* приб: Григорія Капустина.

(3) *Ерм.* приб: И ставъ на мѣстѣ, повелѣ трубити со избранною трубою. Храбрыи же богатыре со всѣхъ странъ приехаша на трубный гласъ и на всѣхъ испытовати довольно всѣхъ оружій отъ поганыхъ Татаръ. Грядуще же и весело ликующе и поюще пѣсни ово богородичнѣ, ово мученичнѣ, и побѣдный собранному же всему воинству. Князь же Великій на мѣстѣ ставъ посреди ихъ, начатъ плакати и радоватися, глаголюще: Князи и сынове Рустіи, Бояре мѣстныи и Воеводы сильныи и сынове всея земли Рускія! вамъ подобаетъ такожь служити, а мнѣ подобаетъ тако радоватися, внегда посѣтитъ мя Господь; а буду на своемъ столѣ, на великомъ княженіи, и тогда имамъ васъ даровати; а нынѣ сія управимъ, кождо ближняго своего похоронити, да не будутъ во снѣдь звѣремъ тѣлеса хрістіанская!

(4) *Ерм.* приб: Говоритъ Князь Великій Димитрій Ивановичь: братія, Князѣ Рускія, воеводы мѣстныя,

имя же свое потаилъ бяше и познанъ бысть нѣкоимъ гостемъ купцемъ Фряжскимъ, ту и оубіенъ (1); оудальцы воспле-

---

считайтеся, братія, коликихъ у васъ воеводъ нѣтъ, колико молодыхъ нѣтъ? — Говоритъ Григорій Александровичь, Московскій бояринъ: нужь, господинъ Князь Великій Димитрій Ивановичь, нѣту у насъ бояриновъ Московскихъ болшихъ М, а ВІ Князей Бѣлоозерскихъ, а Г бояриновъ, посадниковъ Новгородскихъ; а М бояриновъ Серповскихъ, а К бояриновъ Переяславскихъ, а КЕ бояриновъ Костромскихъ; а ЛЕ бояриновъ Володимерскихъ, а восемь бояриновъ Суждальскихъ, а М бояриновъ Муромскихъ, а Л бояриновъ Ростовскихъ, а КЕ бояриновъ Дмитровскихъ; а О бояриновъ Звинигородскихъ, а ЕІ бояриновъ Углецкихъ, а згинуло у насъ дружины полтретья ста тысячь. И помилова Богъ землю Рускую осталося всего дружины сорокъ тысячей и пять.; Рече же Великій Князь Димитрей Ивановичь: Братія Князи Рустіи, воеводы мѣстныи, молодыи люди избиты всѣ. Вамъ, братія, сужено между Дономъ и Днѣпромъ, на полѣ Куликовѣ, на рецѣ Непрадвѣ положили есте головы своя за землю Рускую, за святыя церквѣ. Простите мя и благословите в семъ вѣцѣ и будущемъ. — Сіе же оставимъ; на преднее возыидѣмъ. — *Непрадва*, замѣчаетъ Г. Анастасевичь, не значитъ ли *Днѣпра — два?* — Въ *Снгрв.* сп. помѣщено описаніе похода В. К. Димитрія въ Троицкій монастырь для возблагодаренія преп. Сергія по прибытіи въ Москву. Тоже есть и въ *Никонов. Л.*

(1) Слышавъ же се Олгердъ Литовскій, яко К. В. Димитрій Ивановичь побѣди и одолѣ безбожнаго Мамая, возвратися воспять со студомъ своимъ. Безбожный же не токмо Москвы не получивъ, но и своихъ лишенъ Еллинъ. Олгъ Рѣзанскій такожъ злѣ животъ скончавъ: ровъ изры, ископа и впадеся въ яму юже сотвори; обратися болѣзнь его на главу его и на верхъ его неправда его снидетъ.

скаше в Татарскихъ оузорочіяхъ, везучи въ землю оуюсы́ (1) и насычи́ бугаи́ коне и волы и вельблюды, меды и вина и сахари! Предъвознесеся слава Руская надъ поганыхъ землею, ревутъ рози великаго Князя по всѣмъ землямъ. Пойдѣ вѣсть по всѣмъ градомъ ко Орначу (2) Криму х Кафѣ къ желѣзнымъ врапомъ, ко Царю граду на похвалу: Роусъ поганыи одолѣша на полѣ Куликове (3), на рѣчкѣ на Непрядве. Воздадимъ хвалу Руской земли. Кой градъ глава всѣмъ градомъ, Володимеръ и Ростовъ, хвалу воздаютъ Богу со всѣми грады. Прославлю милость Божію во вѣки вѣкомъ. Аминь.

---

(1) *ουδία*, плашье: бугай — то же. *Др. Внвл.* I. 50. 4. XVIII. стр. 298.

(2) *Продолж. Нестора.* 286, *Др. Внвл.* XII. 20.

(3) *Цар. кн.* 108. *Царств. Л.* 49. Memoria popul. II. 445.

Замѣчанія.

Сокращенія.

Ерм. А. И. Ермолаева списокъ, помѣщенный въ концѣ Кіевскаго Лѣтописца Несторова, сличеннаго съ Хлѣбниковымъ и Ипатьевскимъ. Вѣрный списокъ сей повѣсти съ благодарностію полученъ мною отъ Гна Сѣнатскаго Совѣтника и Кавалера В. Г. Анастасевича.

Тимк. достопочтеннаго Профессора М. Ун. Романа Ѳедор. Тимковскаго, который намѣреваясь при жизни своей издать сію рукопись, сообщилъ мнѣ, какъ своему ученику, нѣкоторыя свои наблюденія о семъ памятникѣ и предоставилъ вѣрный съ рукописи противень, съ коего печаталъ я, принимая въ соображеніе и списокъ Гна Сандунова. Заглавіе сего историко-поетическаго сочиненія въ рукоп. сдѣлано киноварью слѣдующее: *Вѣдай сіе повѣданіе и сказаніе о побойще великаго князя Димитрія Ивановича Донскаго.* — Сравн. *Арцыбышева* Дим. Донской въ Вѣстн. Евр. 1827. No 11—12.

Снгр. мой списокъ въ 4, начала XVII вѣка, писанный полууставомъ въ Сборникѣ.

Прочія сокращенія понятны и не требуютъ объясненій. На словахъ, имѣющихъ въ рукописи различное съ нынѣшнимъ удареніе, поставлены знаки; правописаніе сохранено по Тимк. рукописи.

И С.

II. КРИТИКА.

ЗАМѢЧАНІЯ НА СЛОВАРИ АКАДЕМІИ РОССІЙСКОЙ (*).

Производный Словарь Русскаго языка, составленный Академіею, достоинъ вѣка Екатерины (**). Какъ первый опытъ, онъ далекъ отъ совершенства; но это опытъ исполина — и будущій лексикографъ произнесетъ съ благодарностію имена облегчившихъ тяжелую работу его. Академія объявила тогда, что трудъ ея долженъ указать ей средства къ утвержденію правилъ языка; она обѣщала воспользоваться всѣми замѣчаніями, какія откроетъ ей время и совѣты мужей просвѣщенныхъ, и, по прошествіи двѣнадцати лѣтъ, приступила ко второму изданію (***).

Въ Алфавитномъ Словарѣ Академіи прибавлено множество словъ, прежде пропущенныхъ (****), выкинуты излишніе при-

(*) Правильнѣе *Русской*, ибо общаго *Россійскаго* языка нѣтъ: Россія населена разноплеменными народами, которые говорятъ различными языками.

(**) Учрежденіе Академіи послѣдовало 21 Окт. 1783 года, а въ 1789 изданъ уже первый томъ Словаря; шестой и послѣдній — отпечатанъ 1794 года.

(***) Первый томъ Алфавитнаго Словаря отпечатанъ 1806, шестой и послѣдній — 1822.

(****) Въ одной буквѣ *А* до 50; но изъ сего числа должно исключить многія слова, неправильно отдѣленныя отъ другихъ (см. сего разбора Отд. III). Въ буквѣ *А* такихъ словъ около 20. — Число всѣхъ словъ Производнаго Словаря можно положить до 40,000, Алфавитнаго — до 50,000.

мѣры, исправлены или сокращены нѣкоторыя опредѣленія, и первое лице глаголовъ, по которому были расположены они, замѣнено неопредѣленнымъ наклоненіемъ.

Недостатки неразлучны съ произведеніями человѣка. Въ планѣ стараго изданія — есть погрѣшности; важнѣйшая въ новомъ азбучный порядокъ словъ: ибо *подробный словарь языка самобытнаго* непремѣнно долженъ быть производный.

Но исполненіе едва ли не важнѣе плана. Строго держащійся правилъ, хотя бы и несовершенныхъ, сдѣлаетъ болѣе того, кто нерадиво слѣдуетъ лучшимъ правиламъ. Несовершенства плана словарей не столько-бъ повредили достоинству оныхъ, еслибъ исполненіе соотвѣтствовало намѣренію, еслибъ Академія — по крайней мѣрѣ исправила недостатки перваго изданія.

Къ сожалѣнію многолѣтніе труды ея не оправдали всеобщаго ожиданія: тотъ-же сборъ варварскихъ словъ и пропускъ употребительныхъ, тѣ-же невѣрныя опредѣленія, тѣ-же погрѣшности противъ Грамматики отличаютъ новое изданіе ея въ наше время, когда и языкъ и Грамматика далеко подвинулись.

И такъ, не останавливаясь надъ планомъ, принятымъ Академіею, тѣмъ болѣе, что я писалъ уже о правилахъ для Производнаго Словаря Русскаго (*), взгляну на

(*) Сочин. въ прозѣ и стихахъ, Труды Общ. Л. Р. Сл. Ч. V. Съ нѣкоторыми поправками.

исполненіе, и для удобнѣйшаго обозрѣнія онаго, расположу замѣчанія мои по различію предметовъ въ X отдѣленіяхъ.

Но приступая къ разсмотрѣнію книги, важной уже однимъ авторитетомъ своимъ, я почитаю за долгъ обратиться къ просвѣщеннымъ читателямъ, прося ихъ вѣрить, что одно искреннее желаніе общей пользы водило перомъ моимъ. Смѣю прибавить, что никогда своекорыстіе и личности не управляли моимъ мнѣніемъ. Смѣю надѣяться, что и почтеннѣйшіе Члены Академіи Россійской не оскорбятся замѣчаніями моими. Они отличатъ критику благонамѣренную, основанную на доказательствахъ, отъ приговоровъ пристрастныхъ и легкомысленныхъ (*).

I. Въ новомъ и старомъ изданіи Словаря помѣщены многія слова, ни мало не употребляющіяся въ чистомъ языкѣ Русскомъ.

Слова сіи или древнія Славянскія (также Греческія, только въ Церковномъ языкѣ встрѣчающіяся), или изобрѣтены въ то время, когда языкъ почти не имѣлъ ни положительныхъ правилъ, ни образцовъ, или, наконецъ, принадлежатъ къ тѣмъ, кои можно составить по аналогіи, но которыя противны образованному слуху.

(*) Въ нынѣшнее время полемика такъ овладѣла литературою нашею, что оговорки сдѣлались необходимы.

Таковы въ буквѣ *А* Алфавитнаго Словаря: абіе, *Аггелъ* (*), агичикъ, агня, аки, акибы, * алекторъ, *алкота́*, *аляповатость*, ано, аможе, аможе аще, *анепсій*, *анепсія*, аркіепископль, аще, аще бы, аще ли. — Въ буквѣ *Б*; баа́льникъ, баа́льство, бальство, бальствовати, *бабити*, балій, балія, баскачество и баскачство, бавить, * бдѣнно, бдѣтельно, бдѣтельный, безбожничество, безбожничествовать, * безбожство, безбожствовать, безволокитно, безвыводно, безжалованный, беззавистіе, беззавистно, *беззакрытно*, *беззакрытный*, безкабально, безкабальный, безотлучность, безотрицательно, безотмѣнно, *безотмѣнный*, безо́чство, безочствовати, безпамятность, безпереоброчно, безплищный, безпокоеніе, безпрокій, безреме́ство, безсоблазнство, безстудіе, безстудно, * безъизбѣжность, *бервенный*, благовольнѣ, благовонство, благовременство, * благовѣрствую, благоговѣйнство, благоговѣйнствовати, благодарство, благоже благоже, * благоизбраннѣ, благоотишный, благосличный, благота́, благохудожнѣ, блазнивость, блазнительно, блазнительный, блазнь, близина́ и близкость, бо, бога́тина, богатичный, божимый, борзописецъ, бранливо, бранливость, бранливый,

---

(*) Слова, отмѣченныя курсивомъ въ I мъ и II мъ отдѣленіи, находятся только въ Алфавитномъ Словарѣ; отмѣченныя звѣздочкой только въ Производномъ. Буквы курсивныя между прямыми, или прямыя между курсивными, означаютъ ошибки противъ Орѳографіи.

* брачишися, *бременатая*, бременоносецъ (вм. бременосецъ), брещать (вм. брехать), буерачистый, буерачный, * бѣгственный, бѣднѣ и пр. и пр. По сему можно заключить и о другихъ буквахъ (*).

Сюда-же принадлежатъ увеличительныя и уменьшительныя: *баранище*, дубинища, ежище, *ключище*, колесище, колпачище, корнище (въ Произв. корени́ще), листище, мостище, столище, то́лпища (въ Произв. толпи́ща), шляпища, мужиче́нко, *мужиче́нцо* (а употребительное, мужичишка, пропущено) и др.

Сюда-же принадлежатъ отглагольныя существительныя на *ніе*; *баломученье*, * безболѣзнованіе, безчещеніе, боденіе, боженье, бурлаченье, бурленіе, *взъерошеніе*, *вскоченіе*, влюбленіе, *вманеніе*, вымараніе, *изстроеніе*, изсыпаніе, изсученіе, изтасканіе, изтеряніе, изтираніе, изтраченіе, изтолченіе, *изубытченіе*, изчерпаніе и др.

Сюда-же принадлежатъ отглагольныя прилагательныя на *нный*; *вманенный*, вметенный, *возвеселенный*, вскоробленный, выграбленный, *выкашленный*, вылганный, замшаренный, заноженный, *заохренный*, запомненный, запяченный, заро́вненный,

(*) Можетъ быть скажутъ, что для разумѣнія писаній прежнихъ лѣтъ слѣдуетъ допустить всѣ сіи слова въ Словарь Русскій; въ такомъ случаѣ Г-да Издатели повинны въ большихъ пропускахъ. По моему мнѣнію, даже и корни словъ, неупотребительные нынѣ, идутъ только къ Производному Словарю.

зарощённый, *заскверненный*, заспѣсненный, *затемненный*, *затребленный*, *затѣненный* и др.

Сюда-же принадлежатъ глаголы: доборанивать, добѣгивать, *довѣчивать*, довѣливать, *догуливать*, *додаивать*, додалбливать, додергивать, додерживать, докапчивать, докачивать, доклевывать, доколупывать, *докапливать*, *докрапливать*, долавливать, *домежевывать*, *допаливать*, доплясывать, *досоливать*, доспрѣливать, дошапливать, дошворять, *дотушивать*, *дохаживать*, *дошагивать* и др. Впрочемъ нѣкоторыя формы глаголовъ сихъ употребляются.

II. Напрошивъ пропущены въ томъ и другомъ изданіи весьма многія употребительныя слова, какъ иноязычныя, такъ и коренныя Русскія.

Въ одной буквѣ *А*: аббатъ, абордажъ, а́брисъ (сіе слово можно замѣнить Русскими: о́брисъ, о́брись), авангардъ, авторъ, агентъ, агрономія, адресъ и адресовать, аерологія, аквилонъ, аккуратный, акредитовать, а́иръ, аккордъ, акушеръ, акція, альбомъ, альконъ, альфреско, амбарго, амела, амулетъ, анабаптистъ, аналогія, анапестомбъ, анализъ, анонимъ, антикварій, антрѣактъ, аористъ, аппеляція, апель, * апокалипсисъ, апо́крифъ, апо́ло́гъ, апробація, аплодировать, арабескъ, арапъ (не Арабъ), арлекинъ, арктическій и ан-

шаркшическій, армада, арматоръ, архаизмъ, аршачишься, арка, аркада, арьергардъ, арія, аръ, астра, ашеизмъ, ащеистъ, аулъ и другія съ однокоренными ихъ (*).

Сюда-же принадлежатъ имена женщинъ: актриса, аптекарша, ассесорша — уменьшительныя: аллейка, апельсинчикъ, ашласецъ — составныя: бау-адъютантъ, генералъ-адъютантъ — прилагательныя отъименныя: адвокатскій, адъютантскій, аналитическій — нарѣчія: адски, алгебраически, астрономически — глаголы: ашаковать, *ащестовать и многія другія слова, коихъ коренныя находятся въ Словаряхъ.

Въ другихъ буквахъ между прочими пропущены: безбрегій и безбрежный, *бояться, братія, буженина, бурелюбивый, бушевать, быстроногій, бѣлорыбица (есть бѣлая рыба), водянистый, *вожатай, высь, вѣтроломный (вѣтроломный лѣсъ — техніч.), глашатай, горечавка (трава горечавка), гулкій, дерновать — задерновать, довременный, домовой, есмь (при глаголѣ бывать выставлены только слѣдующія формы: бывать, бышь, бываю, былъ, буду), зачумѣть, златокрылый, златокрдяный, златошвенный, златокопытый (конь златокопытъ), искромешный, красна и кросны, красноперый, лавина, лукоморье, напольность (прекрасный переводъ слова *кампа-*

(*) Скажутъ, что это слова иноязычныя; зачѣмъ же помѣщено въ Словаряхъ Академіи множество другихъ такихъ словъ?

нія), небосклонъ, огнепернатый, опростить или упростить, отзывистый, отуманить и отуманиться, перначь (есть перна́та), *побыть (за то есть какой-то глаголъ побывывать), побѣ́гать, *почитать (lire), *почитывать, преисподняя, прибрежный, *пѣть; *прохлада, *прохлаждать съ производными ихъ; развѣнчать, разочаровать, разувѣрить, разукрасить и изукрасить, *разсказывать — съ производными ихъ; роговѣтвистый, рогоносецъ, сбитень, сбитеньщикъ, *степь, самопознаніе, самосознаніе; самъ-четвертъ, самъ-пятъ и т. д., сосредоточить, сторонникъ, сѣнолиственный (есть благосѣнолиственный), *таборъ, трудолюбецъ, цвѣтошница, штыкъ (отъ Stück), э! эхъ! и др.

Также пропущены: багажъ, баллада, бандитъ, барельефъ, брюнетъ, барбаризмъ, бенефисъ, берейторъ, библіографія, бильйонъ, бюстъ, бивакъ, блокада; ветеранъ, воланъ, волонтиръ, *вымпелъ; газета, гальванизмъ, гармонія, гондола, *грифъ; дактиль, далматикъ, дарикъ, дебютъ, девизъ, дезертиръ, декорація, демагогъ, дефектъ, дивизія, дилижансъ, динамика, дишкантъ, диѳирамбъ, діагональ—ъ, драбантъ; жандармъ, жетонъ, жирандоль; зоологія; идиллія, инквизиція, иллюминовать, импровизаторъ, институтъ, инстинктъ; іероглифъ или гіероглифъ; кадриль, каллиграфія, капотъ, капитуляція, карикатура, карусель, катакомбы, категорія, катоптрика, квадральйонъ, квартетъ, кларнетъ, клейнодъ, кли-

спиръ, кокарда, кокешка, колеръ, колонада, колоритъ, колоръ, комплиментъ, конвульсія, конкурсъ, конституція, *консулъ, корвешта, корсеръ, корсетъ, космополитъ, кумысъ, куранты, курантъ и множество другихъ.

При нѣкоторыхъ словахъ, находящихся въ Словаряхъ Академіи, не выставлено значеній ихъ. Такъ при глаголѣ *взбударажить* сказано: см. бударажить, но этого слова нѣтъ; при словѣ вассалъ указано на слово голдовникъ, но и сего нѣтъ (въ Произв. см. голдъ); при словахъ герой, геройски, геройскій, геройство указано на ирой, иройски, иройскій, иройство, а при сихъ послѣднихъ опять отсылаютъ къ первымъ безъ объясненія (въ Произв. объяснено); при словѣ карбункулъ сказано между прочимъ см. рубинъ, но слово рубинъ пропущено; при словѣ *южовникъ* указано на южовникъ, но и это пропущено; при словѣ великій — находятся выраженія великая седмица, великій постъ, *великій проимянъ* *великій князь*, *великій канцлеръ*, *великій магистръ*, великъ день — съ ссылками на существительныя седмица, постъ и пр., но изъ всѣхъ сихъ выраженій объясняется одно: великій князь; при словѣ солнечный есть выраженіе солнечные часы и указано на существительное часы, но тамъ это пропущено (въ Произв. есть); при словѣ моргать выставлены одни примѣры (въ Произв. объяснено); при словѣ *бѣлые валы указано на существительное валъ, при сло-

въ валъ на существительное волна, при словѣ волна на глаголъ влаю, а здѣсь о бѣлыхъ валахъ и въ поминѣ нѣтъ.

За то уже въ Алфавитномъ другія слова помѣщены вдвойнѣ и каждый разъ съ объясненіемъ. Таковы: адскій камень и камень адскій, изкусъ и искусъ, разиня и розиня, старуха — особо, и при словѣ статикъ, то есть старикъ.

III. Слова, которыя должны быть вмѣстѣ, или поставлены вовсе отдѣльно, или отнесены не на свои мѣста; а которыя слѣдовало раздѣлить, тѣ соединены.

Такъ *агнецъ непорочный* и *агнецъ пасхальный* отдѣлены отъ слова *агнецъ*; *Ангелъ великаго совѣта*, *Ангелъ свѣта, тьмы*, *Ангелъ хранитель* — отъ слова *Ангелъ*; *артиллерія осадная*, *полевая*, *полковая* отъ слова *артиллерія*; *архитектура военная*, *гражданская*, *корабельная* отъ *архитектура*; *береза ерникъ*, *береза черная* отъ *береза*, *герцогиня* отъ *герцогъ*, *голова* отъ *глава*, *городокъ* отъ *градъ*, *землица* отъ *земля*, *конекъ* отъ *конь*, *крышка* (сказано, будто слово сіе простонародное) отъ *крыша*, *крылышко* отъ *крыло*, *огонь* отъ *огнь*, *крещать* отъ *крестить* и пр. и пр.

Выраженія, изъ двухъ-трехъ словъ состоящія, располагаются по главной идеѣ. Слѣд. выраженіе *коренная лошадь* должно было отнести къ существительному *лошадь*, а не къ прилагательному *коренной*;

гнѣздо свить къ глаголу *свить*, а не къ сущ. *гнѣздо*; *недѣля ваіи* къ слову *недѣля*, а не *ваія*; *дышать огнемъ*, *пламенемъ* къ гл. *дышать*, а не къ сущ. *огонь*, *пламень* и ш. д.

Названія предметовъ Естественной Исторіи всѣ отдѣлены отъ тѣхъ словъ, къ коимъ относятся; но, странность! при словѣ *тупикъ* (Слов. Алф.) первымъ значеніемъ показано птица alca artcica, а вторымъ — глухое и непроходное мѣсто. Выраженія *береговая лошадь*, *служба*; *восходящая черта*; *водка крѣпкая*, *золоторазводная*; *возвратный глаголъ*; *возносительное мѣстоименіе*; *выворотные сапоги*, *башмаки*; *ткацкое полотно* и многія другія также неизвѣстно почему отдѣлены отъ своихъ коренныхъ и сдѣланы какими-то особенными словами. Еще страннѣе видѣть въ числѣ ихъ: *внести оружіе*; *всаживать глазки*, *очки*, *почку*; *все ни все и всего на все*; *ни такъ ни сякъ*; *ни тамъ ни самъ*.

Побаять должно было отдѣлить отъ глагола *баять*, потому что побаять значитъ баять немного; *поглядѣть* слѣдовало отдѣлить отъ *поглядывать*, потому что первый глаголъ значитъ глядѣть немного и одинъ разъ, а второй — глядѣть понемногу въ разные пріемы; по тѣмъ-же причинамъ слѣдовало раздѣлить глаголы *поговаривать* и *поговорить*, *подѣлывать* и *подѣлать*, *поигрывать* и *поиграть*, *по-*

палывать и *поколоть*, *помачивать* и *помочить*, *попысывать* и *попысать* и т. д.

IV. Многія мало употребительныя слова не отмѣчены; при нѣкоторыхъ иноязычныхъ не указано на происхожденіе ихъ.

Такъ напр. не означены иноязычныя: *аенецъ*, *адмиралъ*, *адъ*, *адъютантъ*, *аистъ*, *алебарда*, *алкоранъ*, *алхимія*, *аманатъ*, *амигдалитъ*, *аміантъ*, *аммонитъ*, *аммуниція*, *аналитика*, *анапестъ*, *анархія*, *антимонія*, *антихристъ*, *арава*, *арсеналъ*, *артикулъ*, *ассигнація*, *атаманъ* и многія другія.

Слѣдовало, кажется, присовокуплять буквальный переводъ иноязычныхъ словъ, чего вовсе нѣтъ. Можно было отмѣчать тѣ слова, кои перешли въ нашъ языкъ изъ одного, имѣя корень въ другомъ, каковы напр. *актеръ*, *нейтралитетъ*, чего также не сдѣлано. Но почему чисто Греческое слово *анекдотъ* названо Французскимъ?

Не отмѣчены простонародныя и низкія, ежели уже должно было помѣстить ихъ: *баломутъ*, *болтовня*, *босота*, *бро́сній*, *броско́мъ*, *брюханъ*, *брюхастый*, *буркало*, *визготня*, *визгунъ*, *виднѣй*, *вонькій*, *стерва*, *невороть*, *рожа* и другія. Не отмѣчены Славянскія, высокому слогу принадлежащія, старинныя: *бодецъ*, *боляринъ*, *бронникъ*, *буесловъ*, *бѣгунецъ*, *бѣлопомѣстникъ*, *видокъ*, *вирша*, *влас-*

мый, возница, великомощіе, вѣдать, изчезновенный, область, облой, слáный, течéцъ и другія.

V. Изъясненія словъ большею частію невѣрны, неясны, недостаточны, или обременены совершенно ненужными подробностями.

Ариѳметика напр. объясняется такъ: наука о числахъ и употребленіи ихъ въ общежитіи. *Геометрія:* наука, имѣющая предметомъ все то, что измѣрено быть можетъ въ длину, ширину и вышину, и служитъ (что служитъ?) основаніемъ другимъ частямъ маѳематики. *Математика:* наука, имѣющая предметомъ всѣ тѣ количества, которыя измѣряемы быть могутъ (въ Произв. имѣющая предметомъ все то, что увеличено или уменьшено быть можетъ). *Химія:* наука распознавать свойства и качества тѣлъ посредствомъ раздробленія ихъ на части и примѣси къ онымъ постороннихъ веществъ. *Хирургія* (въ Произв.): часть врачебныя науки, основанная на трупоразъятіи, въ которой преподаются правила и способы употреблять лѣкарства къ цѣленію болѣзней наружныхъ и другія средства простою рукою или снабженною приличными къ тому орудіями. Въ Алфав. сокращено: часть врачебной науки, въ которой преподаются правила и способы къ цѣленію наружныхъ болѣзней. — Нужно ли доказывать, что опредѣленія сіи не суть опредѣленія?

Далѣе: *шавка, шавочка* — собака (въ Произв. нѣтъ). *Лагерь*: временное пребываніе войска станомъ въ полѣ (въ Произв. правильно: воинскій станъ). *Лампада*: свѣтильникъ, сосудъ съ деревяннымъ масломъ, привѣшиваемый на цѣпочкахъ предъ образами. *Дрожки*: тоже что дроги; а *дроги*: родъ небольшихъ роспусковъ о четырехъ колесахъ, съ мѣстами или безъ оныхъ. *Бить*: ударяя наказывать (въ Произв. бію: даю удары, налагаю раны, наказываю). *Кобениться*: отъ дѣйствія падучей или другой какой болѣзни ломаться, стянутые имѣть члены тѣлесные.

Но вотъ опредѣленія, которыхъ и понять не льзя. *Оцарапливать* (?): дѣлать на чемъ въ дѣйствіи глагола царапать (въ Произв. оцарапливаю: дѣлаю на чемъ царапину, осадниваю). *Корень*: въ Математикѣ такъ называется число, въ разсужденіи степени или произведенія происходящаго, когда оное число нѣсколько разъ само на себя помножится. *Крючекъ*: иногда значитъ въ письменныхъ приказныхъ дѣлахъ умышленное прикрытіе истинны какимъ нибудь превратнымъ толкомъ, вымысломъ или несоотвѣтствующимъ дѣлу закономъ, подбираемыя безъ связи законнаго смысла однѣ только слова, къ своему предмету принадлежащія.

Не хорошо объяснены и слѣдующія слова. *Осленокъ*: дѣтище ослиное, молодой осликъ; въ Произв. дѣтенышъ ослиный. *Посвистъ*: образъ свиста, громко, складно.

тихо, скоро, продолжительно производимаго. *Иноходь:* родъ лошадиной ступи или ходы, состоящей въ одновременномъ понизительномъ (въ Алф. послѣднее слово выпущено) движеніи обѣихъ ногъ, на одной сторонѣ находящихся. *Часы:* родъ сооруженія механическаго, металлическаго или деревяннаго, у коего посредствомъ колесъ, пружиною или тяжестію въ движеніе приводимыхъ, стрѣлка со внѣшней стороны на оси утвержденная показываетъ на кругу раздѣленіе сутошнаго времени, числами означенное. *Дуда* (то есть дудка): родъ простонароднаго мусикійскаго духоваго орудія, на подобіе трубочки сдѣланнаго изъ палочки, вывернутой изъ ивоваго или другаго какого дерева, на боку коего прорѣзываются дырочки, которыя заворяя перстами и открывая игрокъ выигрываетъ пѣсни. *Шапка:* родъ головнаго мужескаго или женскаго покрывала или убора, разнымъ образомъ дѣлаемаго, состоящаго изъ мѣховой какой нибудь шкурки съ околышемъ или съ опушкою, покрытаго какимъ испканіемъ или безъ онаго, сдѣланнаго по мѣрѣ головы и въ зимнее время употребляемаго. *Трагедія:* лицедѣйственное сочиненіе или представленіе, заключающее въ себѣ какое нибудь важное дѣяніе, происходящее между знаменитыми особами, удобное къ возбужденію страха или сожалѣнія, и оканчивающееся обыкновенно печальнымъ какимъ нибудь произшествіемъ.

Излишество удивительное. При словѣ *Академія* напр. помѣщена исторія Платоновой Академіи; при словѣ *аспидъ* — разысканія о существованіи сего животнаго; при словахъ *дворянинъ, дворянскій, дворянство* — права и преимущества дворянъ; при словѣ *сердце* — анатомическое описаніе онаго на 68 строкахъ (въ Произв. 73); при словѣ *агновы вѣтви* сказано: сіи отрасли или вѣшви Израильтяне въ праздникъ Скинопигіи при службѣ Божіей въ рукахъ своихъ держали, такъ какъ мы вербу на утрени въ цвѣтную недѣлю. — Слово *колодица* (ловушка для соболей — не довольно ли трехъ этихъ словъ?) занимаетъ 26 строкъ, слово *макъ* 34, *кляпцы* (ловушка для лисицъ) 38, *гусь* 39, *колокольчики* цвѣты 53, *косатка* 61, *жаворонокъ* 85 (въ Произв. 94), *голубь* 87, *звѣробой* трава 150 (въ Произв. 140). Такъ растянуты вообще всѣ описанія естественныхъ предметовъ.

Но этаго мало: въ изданіяхъ Академіи найдемъ, что рыба *корюха* пахнетъ солеными огурцами и что ее приправляютъ уксусомъ; что *индѣйской пѣтухъ* отъ сердца, отъ любви или отъ другой какой причины такъ разшопорщивается, что мясистая на головѣ кожа надувается, и хвостъ поднимаясь вверхъ, распускается колѣсомъ, а крылья повиснувъ чертятъ землю; что *костяника* растетъ обильно около Москвы, гдѣ изъ ягодъ, заквасивъ сокъ оныхъ медомъ, гонятъ хорошую водку (?); что

большіе *котлы* употребляются для варки пива, а малые для варенія пищи или нагрѣванія воды (?); что названіе *коринки* дано сей ягодѣ по острову (?) Коринѳу, на коемъ лоза сія росла вначалѣ; что у *крокодила* нѣтъ языка (?), что отъ *чахотки* человѣкъ наконецъ умираетъ и пр. и пр. Къ чему все это въ Словарѣ языка?

За то весьма не рѣдко пропущено двоякое значеніе слова. Такъ напр. *бразда* объясняется указаніемъ на существительное борозда, что и справедливо; но другаго значенія онаго, вожжи, нѣтъ. При словѣ *денница* пропущены еще два значенія онаго: звѣзда Венера и падшій Ангелъ (послѣдняго значенія нѣтъ и при словѣ свѣтоносецъ); при словѣ *жаворонокъ* пропущены также два значенія: родъ потѣшнаго огня и птички изъ тѣста, которыя пекутъ въ Россіи въ простонародіи въ день 40 Мучениковъ; при словѣ *земля* не упомянуто значенія онаго: главный цвѣтъ рисунка, матеріи; при словѣ *кабала* — таинственное ученіе Раввиновъ; при словѣ *карбункулъ* — родъ чирья; при словѣ *цвѣтъ* fleur — цвѣтъ couleur (въ Произв. есть). Также не показано двоякое значеніе словъ *багоръ* (въ Произв. есть), *гротъ*, *дама*, *житарь*, *имперіалъ*, *кабачокъ*, *квитъ*, *казакъ*, *кирка*, *нота*, *туманъ*, *цѣвка*, *шлемъ*, *шипъ*, *шишимора*, *ледникъ*, *чеканъ*, *шарфъ* и пр. и пр.

VI. Фразеологія вообще весьма неудачная, излишняя, недостаточная.

Такъ напр. при словѣ *косякъ* (въ значеніи части мяса), когда вовсе ничего приводить не нужно, читаемъ слѣдующее: у мясниковъ таможникомъ имали на Рождество Христово съ лавки по косяку мяса, а не любъ косякъ, инъ за косякъ по деньгѣ. Тамож. Устав. 1751 год. — При старинномъ словѣ *кошъ*: а въ городъ Казань Царь Ишгалей послалъ дворецкаго своего, да конюшаго своего со всѣмъ своимъ кошемъ. Цар. кн. 182. Да съ зади кошу передъ снарядъ полкъ. Раш. Усш. 1. 54. — При словѣ *кравчій*: а что пожаловалъ Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Россіи велѣлъ мнѣ быти у себя Государя въ Крайчихъ и пр. Древн. Вивл. 2. 28. Грамоты и наказы въ городы посланы будутъ по челобитью Крайчего и Постельничаго. Улож. 18. 57. — Подобныхъ примѣровъ не перечтешь. Но вотъ въ другомъ родѣ: къ слову *ау*: ау брашъ! ты уже въ гору полезъ. Ау! ты ужь промышлять началъ! — Къ слову *арканъ*: языка припацили на арканѣ. Непріятельскаго часоваго подцѣпили на арканъ. — Къ слову *безтѝтечный* (?): жеребецъ есть живощное безтитечное. *Глазъ*: на корабль пустившейся въ море долго я смотрѣлъ, пока онъ изъ глазъ не пропалъ. Онъ меня выручилъ, да тѣмъ всегда и по глазамъ. *Другой*: это не я сдѣлалъ, а другой. Въ другое время приди. Этотъ переплетъ не годится, покажи другой. Сапоги малы, покажи другіе. Изъ двухъ книгъ, которыя

вы спрашивали, вотъ одна, вотъ и другая. Одинъ братъ пошелъ въ духовное, а другой въ военное состояніе и пр. *Дуракъ*, *дурацки*, *дурацкій*, *дурачество*: ты дуракъ будешь, если сему повѣришь. Подобнаго дурака не видано, его со всѣхъ сторонъ обманываютъ. Случай дураковъ учитель. Перестань дурачекъ, дурочка молоть пустое. Ты все дурацки дѣлаешь. Онъ дурацки одѣвается. Оставь дурацкую привычку. Дурацкой вкусъ. Говорить дурацкія рѣчи. Ты сдѣлалъ непростительное дурачество, что послѣдовалъ его совѣту. Отстань отъ своего дурачества. Я смѣюсь твоему дурачеству. *Ковырять*: ковыряешь въ зубахъ спичкою, въ ушахъ уховерткою. Ковыряешь стѣну, доску ножемъ, гвоздемъ. Поршняжу и кое какъ ковыряю. *Охулка*: въ поступкахъ, въ поведеніи его никакой не нашли охулки, которую возлагали на него. *Хлябь*: таковъ былъ сей Апроній который не токмо житіемъ, но и тѣломъ и лицемъ показуетъ, что онъ неизмѣримое есть жерло и хлябь всѣхъ пороковъ и скверностей.

Тутъ-же можно найти *голову* какъ овинъ, *кошку* ловчивую, *ферзь* всяческую, человѣка *погибшаго*, гриву обоюдную (при сл. левъ), пластырь и мазь *гноючіе*, сапоги, башмаки *вансовые*, науки *головоломныя*; можно узнать, что дороднаго и статнаго человѣка называютъ *еданой гладышъ*, что *дубъ морской* вареный съ сладкою травою (?) отъ поносу пользуетъ,

что въ католицкихъ (?) церквахъ бываютъ колоколы съ *коромыслами*, что *ладія* жизни значитъ непостоянство жизни, а выраженіе: что *Богъ* послалъ? есть реченіе вопросительное у промышленниковъ, а особливо рыбныхъ и звѣриныхъ, о пойманномъ звѣрѣ или рыбѣ и пр. и пр. — Впрочемъ фразеологія Алфавитнаго Словаря нѣсколько исправнѣе, по крайней мѣрѣ мѣстами она сокращена.

Выписки изъ Св. Писанія и стихи приводятся весьма часто безъ малѣйшей нужды. Такъ при словѣ *багряница* напр. поставлено 4 стиха, при словахъ *безбѣдно*, *безбѣдный*, *бодрствовать*, *гордый*, *живительный*, *зрѣться*, *украшать*, по 4 же, при словѣ *грозный* 5, при словѣ *како*, *какъ* 6, при словѣ *красный* 7, при словѣ *горѣть* 9 и т. д.

Примѣровъ изъ новыхъ писателей вовсе нѣтъ, а потому и не удивительно встрѣтить слѣдующіе и подобные стихи.

Лѣкарства, что въ стеклѣ храняшъ и составляютъ,
Въ стеклѣ одномъ онѣ *безвредны* пребываютъ.

Лом.

Пусть я *брусу* въ томъ подобенъ,
Желѣзо что остритъ,
Самъ рѣзать не способенъ.

Н. Попов. *Писм.* о Стих. — въ Произв. стихи сіи раздѣлены иначе.

О вы, которые стремитесь на Парнассъ,
Нестройнаго *гудка* имѣя грубой гласъ.

Сумар.

Ты жилъ по тѣмъ законамъ,
Которые писалъ;
Смѣялся *забобонамъ*.

Лом.

Что лѣсъ сей пѣсенъ былъ, нечистъ,
И вѣдали они, что онъ и не *зайчистъ*.

Сумар.

Какъ могу *нищѣтство*
Деньгамъ предпочесть?
Деньги въ нуждахъ средство.

Сумар.

Подгетту буйности велѣла дать вина.

Лом. — Даже не понятно.

За холмы, гдѣ паляща *хлябь*,
Дымъ, пепелъ, пламень, смерть рыгаетъ,
За Тигръ, Спамбулъ, своихъ заграбь,
Что камни съ береговъ сдираетъ.

Лом.

Великій человѣкъ, великій господинъ,
Какъ кто ни говори, есть *титулъ* не одинъ.
Великой господинъ, кто чинъ большой имѣетъ,
Великой человѣкъ, кто много разумѣетъ.
Великой господинъ Локъ не былъ весь свой вѣкъ,
Ни конь Калигулинъ великой человѣкъ.

Сумар. — Произв. Словарь.

Но примѣры употребленія словъ необходимые пропущены. Такъ при словѣ *жить* пропущены выраженія: жишь съ кѣмъ, жишь какъ, живёшь (т. е. годишся, бываешь — въ Произв. есть); при словѣ *товаръ* —

красный товаръ; при словѣ *рядъ* — красный рядъ; при словѣ *разбить* — разбить лагерь, т. е. поставить лагерь; при словѣ *вода* — Богоявленская, святая, живая, тёмная, охрустalованная (гранешворная), минеральная вода; при словѣ *смотрѣть* — сквозь пальцы смотрѣть; при словѣ *ходить* — ходить по дѣламъ. Также пропущены объясненія словъ и выраженій: присушившіе духа, потерять духъ, упасть духомъ и пр.; желѣзная рука, имѣть что подъ рукой, съ рукъ сходитъ, сошло, между рукъ ушло и пр.; черный глазъ, съ глазу, глаза свести, глазами хлопать, глазами мѣрять, въ глаза не видалъ и пр. и пр.

VII. Грамматическія формы и значеніе словъ объяснены большею частію или неправильно, или недостаточно, или съ подробностями совершенно излишними.

Такъ напр. для чего было выставлять родъ, родительный падежъ и нумерацію склоненій при существительныхъ, когда все сіе зависитъ отъ значенія и окончанія именъ? Иное дѣло тѣ случаи, когда имя кончится на ь, или когда удареніе переносится на другой слогъ и пр. Для чего выставлять окончанія женскаго и средняго родовъ прилагательныхъ, когда они подлежатъ опредѣленнымъ правиламъ? На что въ правильныхъ глаголахъ второе лицо и прошедшее время? Всё это принадлежитъ къ Грамматикѣ, а не къ Словарю (*).

(*) Подробнѣе о томъ, какія формы выставлять, см. въ упомянутыхъ правилахъ для Производнаго Словаря.

Неправильностей и пропусковъ такое множество, что я долженъ ограничишься только нѣкоторыми указаніями.

Существительное *степень* принадлежитъ не одному мужескому роду, какъ сказано въ Словарѣ, но и женскому, даже чаще употребляется въ семъ послѣднемъ. *Студень* во второмъ и третьемъ своемъ значеніи муж. рода, по сему и склоняется иначе, нежели какъ показано. *Госпиталь*, употребительнѣе *гошпиталь*, говорится и въ мужескомъ родѣ. Двояко же употребляются *ступень*, *лось*, *лосось*. *Тополь* оканчивается и на *ъ*, а *пустыня*, въ значеніи монастыря, болѣе на ь. *Порука* совсѣмъ не общаго рода, а женскаго. При существительныхъ множественнаго числа: *врата*, *дрова*, *жлуди*, *румяны*, *сумерки* и др., родъ вовсе не означенъ; а женскія, *грабли*, *жабры*, *ножны*, *ясли* и среднее *чресла*, названы мужескими. — О словѣ *камень* сказано такъ: ка́мень, ка́мня, а по Сл. ка́мене, во множ. ка́мни и каме́нья, а по Сл. ка́меніе (въ Произв. ка́мень, ка́мени и камня; во мн. ка́меніе и ка́мни). — Ка́мень по-Славянски такъ-же камень, род. по-Руски камня, по-Славян. ка́мени, во мн. ка́мни; а каме́нья (не каменья) есть множ. число собирательнаго мало употребительнаго каме́нье (по-Сл. ка́меніе; во мн. ка́менія неупотр.), которое принадлежитъ не мужескому, а среднему роду. Таково происхожденіе всѣхъ подобныхъ двоякихъ окончаній множественнаго

числа: угли и уголья, корни и коренья, листы и листья, дерева и деревья. Въ Словаряхъ сіи окончанія большею частію пропущены, равно какъ подобныя при словахъ *войско*, *брегъ*, *домъ*, *озеро*, *рогъ*, *облако* и пр. Иногда двоякія окончанія множ. числа употребляются въ разныхъ значеніяхъ, напр. хлѣбы и хлѣба́, листы и листья, чудеса и чуды, но и о семъ умолчано. За то найдешь всѣ давно забытыя старинныя имена молодыхъ животныхъ на *я* (порося, куря), отъ которыхъ мы удержали одно множ. число, неправильно придавая оному мужескій родъ. Но и тутъ не безъ ошибокъ: о словахъ *осля*, *ягня*, *цыпля* напр. сказано, будто бы они второго склоненія (разумѣется по Академической Грамматикѣ), а *утя* отнесено къ первому. — *Ароматы* пропущено въ единственномъ; о словѣ *алкоголь* не сказано, что оно склоняется въ одномъ числѣ — по-же и о многихъ другихъ. *Зло*, склоняясь въ одномъ единственномъ, имѣетъ еще родительный падежъ множественнаго; *сосѣдъ*, отступая отъ общихъ правилъ, оканчивается въ родительномъ на *ей*; *роща*, *свѣча* и пр. имѣютъ по два родительныхъ во множественномъ числѣ — но о всѣмъ этомъ ничего нѣтъ, хотя извѣстно, что исключенія принадлежатъ преимущественно Словарю, а не Грамматикѣ. — *Аллилуіа*, сказано, слово неизмѣняемое; *буль! буль!* слово неизмѣняемое; *нижъ* слово, въ образѣ нарѣчія употребля-

мое. Но что́ такое *слово неизмѣняемое*? Въ числѣ 8 частей рѣчи, по Академической Граммашикѣ, половина неизмѣняемыхъ. Слово *княжъ* есть прилагательное такъ называемое усѣченное (отъ княжій) и употребляется въ собственномъ своемъ значеніи, а отнюдъ не *во образѣ* нарѣчія. — Слова *чей, сей, вашъ, нашъ* и подобныя названы мѣстоименіями. Объ употребленіи вопросительнаго *чей* въ значеніи относительнаго не упомянуто, хотя въ приведенномъ примѣрѣ оно имѣешъ сіе значеніе; о словѣ *гораздъ* сказано: прилагательное вмѣсто существительнаго употребляемое. Степени прилагательныхъ не выставлены, хотя онѣ не имѣютъ еще точныхъ правилъ (напр. предобрый, добрѣйшій, можно сказать; пресиній, синѣйшій не говорятъ). — При глаголахъ *брызгать, валять* (въ Алф. Слов.) пропущены настоящія времена оныхъ: брызгаю, валю; при глаголахъ *блистать, брать, болѣть, брюзжать, давать* не выставлено прошедшихъ: блисталъ, бралъ, заболѣлъ, брюзжалъ, давалъ; при глаголѣ *бросать* нѣшъ прошедшаго бросалъ и многократнаго брасывалъ; при глаголахъ *брести* (ш. е. бресши), *чести* (ш. е. читать) забышы совершенныя формы: побресши, побреду, побрёлъ, прочесшь, прочшу, прочёлъ и пр. — *Бухъ, хвать, царапъ* и подобныя формы прошедшаго времени въ Алф. Слов. пропущены; *вялъ, сохъ, стылъ* и пр. также не выставлены. Въ Произв. о словѣ *бухъ* сказано: въ просторѣчіи оз-

начаешъ предостереженіе дишешъ, чтобъ не ушиблося; *хвать* и *царапъ* пропущены — Два глагола *вопи́ть* и *во́пить* раздѣлены совершенно неправильно на три: вопи́ти, возопи́ти, вопію, возопи́лъ, возопію — вопи́шь, взвопи́шь, воплю́, взвопи́лъ, взвоплю́ — вопія́ти, вопія́ю (въ Произв. еще возопія́ю). Слѣдовало сказать: вопія́ть и вопи́ть, вопію; возопи́ть, возопію—во́пить, во́плю, завопить или взво́пить, завопю или взво́плю. — Залоги глаголовъ означены весьма сбивчиво: въ Алф. Словарѣ глаголъ *кусаться*, при которомъ примѣръ: *собака кусается*, названъ взаимнымъ; а глаголъ *бодаться*, гдѣ точно такой-же примѣръ: *быкъ бодается*, отнесенъ къ дѣйствительнымъ. Въ Произв. же *кусаться* дѣйствительный, а *бодаться* и взаимный и дѣйствительный. Глаголы *тонуть*, *нестись* (въ выраженіи: *птицы несутся*), по обоимъ Словарямъ дѣйствительные; а *раздѣлиться* (въ примѣръ приведено: дѣти послѣ отца раздѣлились) — страдательный. Глаголы *толпиться*, *скитаться*, *погоняться* (въ Произв. послѣдній названъ возвратнымъ, а примѣръ: погонялись за зайцомъ; стало быть: мы погоняли себя за зайцемъ!) причислены къ общимъ, хотя общій залогъ есть слово безъ значенія; а залогъ глагола *попа́дать* въ Алфав. Словарѣ вовсе не означенъ. — Вовсе невыставлено управленія глаголовъ и другихъ частей рѣчи, хотя оно составляетъ одну изъ важнѣйшихъ принадлежностей подробнаго словаря. — *Хочется*, *повелѣвается*,

надлежитъ и подобные глаголы названы безличными неправильно: они имѣютъ всѣ три лица, хотя и не перемѣняютъ своихъ окончаній по лицамъ. Мнѣ, тебѣ, ему, намъ, вамъ, имъ хочется, хотѣлось, захочется, захотѣлось, значитъ: я хочу, ты хочешь, онъ хочетъ и т. д. Глаголы сіи прилично назвать личными *однообразными* (*). — О словѣ *должно* сказано въ Алфав. Словарѣ, что оно употребляется въ видѣ безличнаго глагола, а въ Произв. оно названо нарѣчіемъ; о словѣ *льзя* сказано въ обоихъ Словаряхъ: реченіе неперемѣняемое, употребляемое въ просторѣчіи вмѣсто глагола можно; о словѣ *можно*, въ Производномъ: подразумѣвая глаголъ *есть*, употребляется вмѣсто глагола безличнаго: льзя, удобно — въ Алфавитномъ: подразумѣвая глаголъ *есть*, значитъ тоже, что льзя или удобно; слово же *удобно* въ обоихъ Словаряхъ названо нарѣчіемъ. Все это весьма сбивчиво. *Должно, не льзя, можно* и подобныя слова суть прилагаемыя (attributs), образующія вмѣстѣ съ однообразнымъ *есть* составной глаголъ, сказуемое. Должно, не льзя (есть), было, будетъ мнѣ, тебѣ, ему и пр. значитъ: я долженствую, ты долженствуешь, онъ долженствуетъ и т. д., я не могу, ты не можешь, онъ не можетъ и т. д.: ибо при однообразныхъ глаголахъ именительный

(*) Надѣюсь вполнѣ раскрыть теорію ихъ въ изготовляемой мною Грамматикѣ.

падежъ подлежащаго замѣняется дательнымъ. Выраженія: есть, былъ, буду, долженъ (долженствую), должна, должно — также составные глаголы; но уже не одноформенные, какъ и всѣ прилагательныя не съ существительными, но съ глаголомъ *есть* употребляемыя (есмь боленъ, здоровъ). Прилагательныя дѣлаются нарѣчіями, когда относятся къ другимъ прилагательнымъ или глаголамъ качественнымъ (задумчиво-прекрасный; спитъ задумчиво). — Точные безличные глаголы или безличной оборотъ рѣчи бываетъ тогда, когда мы хотимъ обратить вниманіе на одно дѣйствіе, умалчивая о силѣ дѣйствующей, напр. бурею ломаетъ деревья (здѣсь *буря* — только орудіе, которымъ неизвѣстная сила дѣйствуетъ); волнъ ужасно колыхаетъ (Жуковскій. Здѣсь не упомянуто даже и объ орудіи дѣйствія). Такъ можно употреблять всѣ глаголы безъ исключенія. Но есть безличные (*), которые почти никогда не употребляются въ личномъ знаменованіи; таковы *свѣтаетъ*, *смеркается* и пр. Сіи глаголы въ Словаряхъ обозначены слѣдующимъ образомъ: въ Производномъ: *свѣтаетъ*, *ать* — средній безличный; *разсвѣтаетъ*, *вѣло*, *ѣтетъ* — безличный; *смеркается*, *клось*, *нется*,

(*) Несправедливо называть сіи глаголы одноличными (unipersonnels) и третьеличными: правда, они имѣютъ форму *одного* лица и именно *третьяго*, но это только форма: по значенію они ни къ которому не относятся.

наться — общій; въ Алфавитномъ: *свѣтать, разсвѣтать; разсвѣло, разсвѣтаетъ*, средній безличный; *смеркается, плось, кнется* — безличный. Въ Алфавитномъ попадаются и неупотребительныя формы, напр. *спаться* (одноформенный: спится, не спится). — Виды глаголовъ (branches) не означены ни въ одномъ изданіи; конечно, это ученіе новое, но всё слѣдовало объяснить различіе глаголовъ, напр. сижу и сажаю, машу и махаю, чту и читаю, плыву и плаваю и подобныхъ.

VIII. Орѳографія неправильна и сбивчива, равно и слогоудареніе.

Напр. вмѣсто алтарь, вихрь, вожжа, горній, днещній, дельфинъ, дрога́, загово́ръ, канонеръ, поручикъ, экзекуторъ, шоколатъ (chocolat), фальшивый (отъ фальшъ); больной, дурной, лихой (и многихъ другихъ прилагательныхъ, имѣющихъ *о́й* на концѣ); берусь, возмусь, стремлюсь (и прочихъ глаголовъ мѣстоименныхъ), въ Словаряхъ Академіи найдемъ: *о*лтарь, вихр*ъ*, (въ Произв. Славянское окончаніе различено отъ Русскаго), горьній (и шутъ-же *горнее* мѣсто), днешн*ый*, дельфинъ, дро́га, з*а*говоръ (въ Произв. правильно), канон*и*ръ (въ Произв. правильно), пору*т*чикъ, экзекуш*о*ръ, ш*е*колад*ъ*, ф*о*льшивый (въ Произв. н*ѣ*шъ э*т*аго слова); больн*ый*, дурн*ый*, лих*ій*; берус*я*, возмус*я*, стремлюс*я* (въ Произв. правильно) и пр.

Слова, сложенныя съ предлогомъ *изъ*, пишутся иногда чрезъ *из* (въ Произв. всег-

да), иногда чрезъ *ис*: *изкусительно*, *изкусительный*, *изкушенный* и *искусникъ*, *искусно*, *искуственно*; даже двояко: *изкуситель* и *искуситель*, *изкусъ* и *искусъ*, *изкуство* и *искуство* (т. е. искусство). Въ Производномъ Словарѣ можно найти еще: *зберегаю*, *збиваю*, *збираю*, *збрасываю* и т. д.

Въ Словаряхъ Академіи найдемъ также: *верхъ* и *верьховье*, *залпъ* и *залвъ* (въ Произв. правильно: залпъ), *истина* и *истинна*, *рѣчь* и *речь* (въ Произв. одно: рѣчь), *горькій* и *горкій*, *рѣшотка* и *решотка* (въ Произв. одно: решотка), *весенній* и *весенный* (въ Произв. одно: весенный), *завздорить* и *завздорить* (см. Алфав.), *соблажнять* и *соблазнять*, *просьба* и *прозьба*, а въ Произв. *прозба*; *запихивать*, *запехивать* и *запѣхнуть* (Алфав. т. 2. стр. 686—711. Въ Произв. правильно) и пр. Чего держашься?

Прилагательныя, на *ій*, *ья*, *ье* кончащіяся, имѣютъ небывалое окончаніе *ей*, напр.: *барсучей*, *бѣлужей*, *заячей*, *кабаней* и пр., и тутъ-же, въ примѣрахъ, встрѣтишь *барсучій*, *бѣлужій*, *заячій*. — О произношеніи буквы *е* (ежели уже не должно писать *ѣ*) въ словахъ *евхаристіа* (т. е. евхаристія), *едемъ*, *есаулъ*, *евиръ* и подобныхъ ничего не сказано. — Буквы *ѣ* (йо, ьо) вовсе не видашь, а отъ того найдемъ: *шліопаніе*, *шліопаю*, *шліопаюсь* (въ Произв. шлібаю); отъ того не показано двоякое произношеніе многихъ словъ, гдѣ находится долгое *е* (напр. зелёный и

зелёный), ибо оно не всегда произносится и за *е* и за *йо* (напр. лёвъ, шесперка не говорятъ); отъ того не означены измѣненія сей гласной (напр. ёжъ въ именительномъ; но ежа́, ежу́ и т. д. въ другихъ падежахъ). — Не показано и двоякое слогоударе́ніе: *дѣви́ца* и *дѣ́вица*, *са́жень* и *сажѣ́нь*, *и́згнанный* и *изгна́нный*, *и́збранный* и *избра́нный*, или, въ склоненіи: *міры* и *мі́ры*, *облака́мъ* и *о́блакамъ* и пр.

Словомъ, правописаніе таково, что иностранцу нѣтъ возможности учиться по Словарямъ нашимъ. Какъ выговоритъ онъ напр. слово *творожо́къ*? Узна́етъ ли и Русской простонародное *тёска* въ начертаніи его (по Греческому его происхожденію) *тѣ́зка*? Кто вздумаетъ искать слова *ветчина* при словѣ *ветшина*? Можно ли догадаться, что *ше́лковый* произносится двояко: *шо́лковый* и *шелко́вый*? и т. д.

IX. Произвожденіе словъ неправильно (см. первое изданіе).

Напр. можно ли допустить происхожденіе словъ *обую*, *изую*, *разую* отъ *вію*; *ветчина* отъ *вѣхій*; *увѣчу*, *увѣчье*, *увѣчный* отъ *вѣкъ*; *награда* отъ *градъ*; *сугу́бый* отъ *губа*; *поджа́рый* отъ *поджа́ривать*; *икра* caviar отъ *икра* gras de jambe (въ новомъ изданіи первымъ значеніемъ поставлено le caviar); *ключъ* source отъ *ключъ* clef? Въ случаяхъ сомнительныхъ (эти однакожъ не сомнительные) лучше раздѣлить слова на два, на три корня, нежели соединять несоединяемыя понятія.

Неправильно произведены *вѣщу* отъ *вѣщаю*, *вѣшу* отъ *вѣшаю*, *гражу* отъ *градъ*, *зижду* отъ *зидъ*, *лѣнь* отъ *лѣнивый* и пр. Слѣдовало переставить слова сіи, ибо *вѣщаю*, *вѣшаю*, *лѣнивый*, какъ имѣющія производныя окончанія, происходятъ отъ *вѣщу*, *вѣшу*, *лѣнь*; а *градъ*, *зидъ* происходятъ отъ *гражу*, *зижду* по порядку поняшій.

Высота происходитъ отъ существительнаго *высь*; *хорёкъ* отъ сущ. *хорь* (хорь хоремъ — присловица); *уютъ* (уютный, приютишься) отъ глагола *ютить*; *быліе*, *тряпица* отъ неупотребительныхъ *былъ* (отсюда: былина, былинка), *тряпь* (отсюда: тряпье) и пр. Всѣ сіи производныя поставлены коренными, а дѣйствительные корни ихъ пропущены въ обоихъ Словарихъ.

Воротъ, *воротникъ*, *шиворотокъ* происходятъ отъ Сербскаго *вратъ*, шея, а сіе уже отъ глагола вращу; *наущать*, *наустить* происходятъ отъ сущ. *уста*, а не отъ *ухо*, какъ сказано; *кусаю* и *кушаю* не коренныя, но оба происходятъ отъ глагола *кушу* (кусить); *затѣваю*, *вопль*, *изба* не коренныя: первое происходитъ отъ неупотребительнаго *твю* (за-тшю, за-тѣваю), второе отъ неупотр. *пію* (во-пію, возо-пію), послѣднее отъ глагола *топлю*, нагрѣваю (изба, въ Бѣлорускомъ нарѣчіи *истобка*, у Нестора *истопка*, *истобка*, въ Новогородскомъ пергаминномъ Лѣтописцѣ *истьба*) и пр. Существительное же *бичъ* конечно опечаткою поставлено прописными буквами, какъ будто коренное.

Неправильно раздѣлены *ворóна*, *вóронъ* и *вранъ*; *бремя* и *беремя*; *голова* и *глава*; *голодъ* и *гладъ*; *знаю* и *знакъ*; *звонъ*, *звéню*, *звукъ*, *звяцаю* и *зыкъ*; *звéница* и простонародное *зéнки*; *сонъ* и *сплю*; *чудо* и Слав. *щудо*; *ярецъ*, *ярúна*, *ярица*, *ярка* и *ярюсь*; *ножъ* и *нзу* (ножу, нжу — вонзаю, вонжу); *логъ* и *ложу* и другія. — Неправильно соединены *идея* и *идолъ*, *грамматика* и *грамота*, *бригада* и *бригадиръ*, *кавалерія* и *кавалергардъ*, *граната* и *гранадеръ*, *камáра* (кáмера) и *камергеръ*, *камердинеръ*, *камеръюнкеръ* и другія, ибо слова сіи не наши производныя. По моему мнѣнію, лучше бы всѣ иноязычныя, несовершенно обрусѣвшія, выключить изъ Производнаго Словаря; мѣсто ихъ въ Словарѣ Алфавитномъ.

Множество явно производныхъ техническихъ названій поставлены коренными; таковы: *жаръ птица*, *гремучая змѣя*, *гремучій камень*, *желтобрюшка*, *желтоколосникъ*, *желтоленъ*, *желтосливникъ*, *желтоцвѣтъ*, *желтуха*, *золототысячникъ*, *золотоволосникъ*, *золотоокъ*, *золотень*, *златобровъ*, *златоглавъ* и пр. Не смотря на сіе, произвожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Словарѣ объясняется; такъ напр.: при словѣ *жúвокость* (delphinia consolida) сказано: названіе сіе дано потому, яко бы переломленныя кости отъ употребленія сей травы срастаются; при словѣ *золотáрникъ* (robinia pygmea): кора на немъ золотистаго цвѣта; при словѣ *трилистникъ* (trifoli-

um): листы, по большей части пройчатою расположенные. — Да и слова: *жаворонокъ*, *улица*, *выжлецъ*, *выжликъ*, *бреніе*, *улита*, *селезенка*, *селезень*, *чечевица*, *лихва*, *деревня* и многія другія, суть очевидно производныя, хотя корни ихъ и неизвѣстны. Такія слова слѣдовало бы по крайней мѣрѣ отмѣчать какъ нибудь.

Замѣтимъ также, что сложныя слова объясняются весьма часто не на своихъ мѣстахъ. Такъ напр. *кашеваръ*, *медоваръ*, *мыловаръ* должны бы находиться при глаголѣ *варить* (послѣ неупотребительнаго сущ. *варъ*), а не при словахъ *каша*, *медъ*, *мыло*; *водоводъ*, *воевода*, *грѣховодникъ*, *домоводецъ*, *письмоводитель*, *птицеводство*, *путеводитель* — при глаголѣ *водить* (послѣ сущ. *водъ*, *вóда*, *водникъ* и ш. д.), а не при словахъ *вода́*, *воинъ*, *грѣхъ*, *домъ* и пр. Это сократило бы и опредѣленія: стоило бы показать сложность сихъ словъ и одинъ разъ, для всѣхъ, объяснить главную ихъ идею.

Составныя выраженія также разнесены неправильно; напр. *солнечные часы* объясняются при словѣ *часы*, а *песочные часы* при словѣ *песокъ* и пр.

X. Наконецъ, книги, долженствующія служить образцемъ строжайшей точности во всѣхъ отношеніяхъ, наполнены *безчисленнымъ множествомъ* опечатокъ; особенно отличается симъ послѣднее изданіе, гдѣ иногда нарушается даже алфавитный порядокъ словъ.

Но, оставляя погрѣшности переписчиковъ и типографіи, замѣтимъ погрѣшность гораздо важнѣйшую, хотя то-же механическую. По системѣ, принятой Академіею, въ глаголахъ должно выставлять сперва неопредѣленныя наклоненія — несовершенное и совершенное, потомъ настоящее время, прошедшее несовершенное, прошедшее совершенное и наконецъ будущее. Трудно найти глаголъ, въ которомъ былъ бы сохраненъ сей порядокъ: глаголы вообще всѣ или сдѣланы недостаточными (о нѣкоторыхъ сказано, что они недостаточные, о другихъ нѣтъ), или окончанія ихъ такъ перемѣшаны, что нѣтъ возможности отличить настоящее время отъ будущаго, совершенныя формы отъ несовершенныхъ. Прошу разобрать напр. глаголъ *познаю*. Въ Алфавитномъ Словарѣ расположенъ онъ слѣдующимъ образомъ: познава́ешь, позна́ешь, зна́лъ, позна́ю, на́ешь, познава́ю (?), ва́ешь и познаю́, знае́шь. Глаголъ *покажу*, *покадить* расположенъ такъ: покади́шь, ди́лъ, покажу́, дишь, пока́живаю (?), ваешь. Глаголъ *па́даю*: па́дашь, пасшь, па́даю, даешь, палъ, паду́, де́шь. Глаголъ *перепрыгиваю*: перепры́гивашь, перепры́гнушь, гнулъ, перепры́гну, гнешь, перепры́гиваю, ваешь. Глаголъ *перепрыскиваю*: перепры́скашь, перепры́снушь, снулъ, перепры́скаю, скаешь и перепры́сну, снешь. То-же и въ Производномъ.

Послѣднее замѣчаніе: напрасно *индексы* Производнаго Словаря не изданы особою

книгою. Въ общемъ указателѣ можно бъ было помѣстить *всѣ* слова, какъ коренныя, такъ и производныя, не оставляя и уменьшительныхъ именъ, усѣченныхъ прилагательныхъ и пр. Даже этимологическія формы словъ, отступающія отъ общихъ правилъ измѣненія (напр. *иду, шелъ, око, очи*), были бъ включены туда. Теперь приискиваніе словъ по Словарю Производному весьма затруднительно.

И. К.

III. СЛОВЕСНОСТЬ.

1. ЕПИКУРЕЕЦЪ (*).

Въ четвертомъ году царствованія Императора Валеріана, послѣдователи Епикура, когда многочисленные въ Аѳинахъ, приступили къ избранію начальника секты своей; единогласный выборъ палъ на меня. Мнѣ только что минуло двадцать три года, и доколѣ не было примѣра, чтобы такому молодому человѣку поручали сію должность. Однако юность и личныя преимущества, ее украшающія, были, какъ можно предполагать, не изъ послѣднихъ за меня поручительствъ для секты, которая вмѣщала въ кругу своемъ всю красоту и весь умъ Аѳинъ, и, чествуя свое ученіе именемъ философіи, только прикрывала тѣмъ утонченнѣйшее сластолюбіе.

Дѣйствительно сущность ея много измѣнилась послѣ мудраго Основателя, который, утверждая, что единое наслажденіе есть благо, внушалъ притомъ, что благо есть и единый источникъ наслажденія. Чистѣйшая часть сего ученія давно уже выпарилась, и презвенный Епикуръ едва ли бы узналъ свою секту — въ сборищѣ утонченныхъ сластолюбцевъ, присвоившихъ нынѣ его имя, и свой тихій садъ — въ роскошныхъ рощицахъ и бесѣдкахъ, гдѣ теперь бываютъ собранія его школы.

(*) Первыя пять главъ изъ романа сего названія — Томаса Мура.

Многія причины, кромѣ привлекательности ученія, распространили школу нашу болѣе другихъ, пережившихъ славу Греціи. Вообще можно замѣтить, что перевѣсъ слишкомъ строгихъ понятій о вѣрѣ въ одной половинѣ общества, производитъ въ другой противоположную крайность — ослабленіе и невѣріе; таковое противодѣйствіе наиболѣе способствовало ученію *Сада* сдѣлаться любимою нынѣ философіею. Быстрый успѣхъ Христіанства встревожилъ всѣхъ, кои изъ усердія къ Язычеству, или для мірскихъ выгодъ, желали продолженія издревле укоренившейся вѣры — всѣхъ, кои вѣрили божествамъ Олимпа или питались отъ алтарей ихъ. Послѣдствіемъ сего было усиленіе ревности и дѣятельности между властями гражданскими и духовными всего языческаго міра. Недостатокъ въ искренности убѣжденія вознаграждался строгостію; слабѣйшія части Миѳологіи защищались съ наибольшею горячностію, и всякія разсужденія, навлекавшія презрѣніе на Сатурна, или жену его Опсъ, наказывались со всею неумолимостію закона.

Въ такомъ положеніи дѣлъ, между встревоженнымъ суевѣріемъ упадавшаго Язычества и простою, высокою строгостью Христіанской Вѣры, его соперницы — неудивительно что сіи любители изобилія и успѣхъ, равнодушные къ старой вѣрѣ и слишкомъ безпечные, чтобы проникать въ таинства новой, укрывались отъ

суровости обѣихъ подъ щитъ сластолюбивой философіи, которая, предоставляя другимъ состязанія о будущемъ, сосредоточивала всю свою мудрость въ полномъ наслажденіи однимъ настоящимъ.

Мудрецы Сада, со времени кончины своего Основателя, имѣли обыкновеніе посвящать памяти его двадцатый день каждаго мѣсяца. Къ симъ обрядамъ присоединили они съ нѣкотораго времени великое годовое торжество, въ воспоминаніе его рожденія. Празднества, даванныя по сему случаю моими предшественниками, неизмѣнно отличались изящностію и великолѣпіемъ; поставляя славою подражать ихъ примѣру, я хотѣлъ сдѣлать еще болѣе — хотѣлъ блескомъ торжества подъ моимъ начальствомъ, помрачить всѣ прежнія.

Конечно рѣдко Аѳины были свидѣтелями такого зрѣлища. Садъ время отъ времени значительно увеличивался, и все пространство его было обработано съ тѣмъ совершеннымъ вкусомъ, который умѣетъ сочетать искусство съ природою, не жертвуя сему союзу ея простотою. Дорожки, осѣненныя благоухающими древами — поляны, на коихъ играли лучи солнечные — храмы, возвышавшіеся тамъ, гдѣ бы само воображеніе ихъ поставило — источники и озера, въ перемѣнномъ покоѣ и движеніи, то страстно преслѣдующіе зелень, то мирно спящіе въ ея объятіяхъ — разнообразили очаровательные сады сіи. Оживленные, по случаю праздника, всѣмъ умомъ и любезно-

стію Аѳинъ, они представляли зрѣлище, котораго не нарисовало бъ и воображеніе мое, когда обильное образами красоты и роскоши.

По обычаю простѣйшихъ и лучшихъ временъ, празднованіе дня того началось съ самой зари; и ученики, жившіе внутри сада, торжественно понесли изъ комнаты въ комнату изображеніе Основателя, воспѣвая стихи въ похвалу его умѣренности и воздержности, коимъ давно уже перестали подражать.

Въ срединѣ сада, вокругъ прекраснаго озера, возвышались четыре бѣломраморные храма дорическаго чина: въ одномъ изъ нихъ собраны были цвѣты Греческой Словесности; а въ трехъ другихъ Бесѣда, Пѣніе и Пляска совокупно и непрерывно совершали свои обряды. Въ Книгохранилищѣ стояли изваянія славнѣйшихъ Епикурейцевъ Римскихъ и Греческихъ — Горація, Аѳинка, Плинія Старшаго, поэта Лукреція, Лукіана и жизнеописателя Философовъ Діогена Лаерція, недавно потерянnаго нами. Тамъ находились также мраморныя изображенія всѣхъ знаменитыхъ женъ, посвятившихъ себя училищу — Леонціи и ея прекрасной дочери Данаи, Ѳемисты, Филеніи и другихъ.

Здѣсь-то, по званію Ересіарха (*), утромъ праздника, принималъ я поздравленія изъ устъ прекраснѣйшихъ Аѳинянокъ; и, произнося въ памятъ Начальника нашего обыч-

(*) Начальника секты.

ное Слово (въ коемъ всегда излагалось преданное имъ ученіе), старался достигнуть искусства, необходимаго предъ такимъ собраніемъ — искусства облекать самые важные предметы тою прелестію, которая привлекаетъ вниманіе слушателей самыхъ простыхъ и легкомысленныхъ.

Хотя наука, какъ легко предположить, немного похищала утренняго времени у Сада; за то усердно обрабатывалась легчайшая сторона ученія — та частица Аттическаго меда, за коимъ пчелѣ нѣтъ нужды глубоко впиваться въ цвѣтокъ. Однако и здѣсь учившійся встрѣчалъ развлеченія, конечно болѣе другихъ возмущающія безмятежную работу мысли; и не съ однимъ изъ прекрасныхъ учениковъ моихъ происходили явленія подобныя тому, которое одинъ изъ поетовъ Сада изобразилъ въ каршинѣ, списанной съ самой натуры:

Въ часы, когда отъ храма тѣнь
Далёко на́ воды ложилась,
Краса Коринѳская садилась
На нижнюю крыльца ступень:
Надъ свиткомъ гибкій станъ склонялся;
А рядомъ съ ней мудрецъ младой
Ей локонъ отводилъ рукой
Чтобъ свитокъ имъ не зашѣлся.

Вечеръ того дня предназначенъ былъ для роскошнѣйшихъ увеселеній. Каждая часть сада освѣтилась разновидными огнями; а

на Озерѣ Храмовъ разсѣяны были цвѣточныя вязи, среди коихъ, какъ во влажномъ цвѣтникѣ, плавали суда, наполненныя прекрасными дѣтьми.

Между двумя такими судами происходило безпрестанное сраженіе. Начальствовавшіе ими, два цвѣтущіе юноши, одѣяніемъ представляли Ерота и Антерота; тотъ — небесную любовь Платониковъ, а сей духа болѣе земнаго, присвояющаго себѣ имя любви у Епикурейцовъ. Въ теченіе вечера борьба ихъ продолжалась съ нерѣшительнымъ успѣхомъ; робкій Еротъ убѣгалъ дерзкаго своего противника, и отдаленіе было единственнымъ, но надежнымъ щитомъ его отъ огненныхъ стрѣлъ, кои тотъ непрестанно бросалъ: къ счастію онѣ упадали въ озеро не долетая меты, опаляли одни цвѣты ими поражаемые, и угасали.

Въ другой сторонѣ сада, на обширной зеленѣющей полянѣ, освѣщенной только луною, быстроногіе отроки, окриленные подобно Купидонамъ, подражали Панаѳенейскому бѣгу съ пламенниками; между тѣмъ, невдалекѣ отъ нихъ, семь Нимфъ, каждая со звѣздою на челѣ, совокупными движеніями своими изображали теченіе планетнаго хора и осуществяли Пиѳагорову мечту пѣніемъ и плясками.

На всякомъ поворотѣ какое-нибудь новое очарованіе поражало взоръ и слухъ. Иногда изъ средины рощицы, откуда вытекалъ ручей, неслись въ то-же время му-

сикійскіе звуки, и, сливаясь съ журчаніемъ воды, казались голосомъ духа, управлявшаго ея теченіемъ; иногда звуки сіи поднимались изъ купы цвѣтовъ, — а тамъ выходили какъ-бы изъ-подъ земли, приведенной въ движеніе пружиною, до коей нечаянно коснулась нога.

Страннымъ покажется, что я теперь останавливаюсь на такихъ мелочныхъ описаніяхъ; но все соединенное съ сею достопамятною для меня ночью, даже безумныя забавы ея давно оплаканныя, все должно вѣчно жить въ душѣ моей, какъ святыня. Вечеръ заключился пиршествомъ, за коимъ, по обыкновенію, я предсѣдательствовалъ. Чувствуя, что я былъ душею всего собранія, я оживлялъ все меня окружавшее и видѣлъ, какъ въ счастіи другихъ отражалось мое собственное.

*

Праздникъ кончился; зашихло пѣніе, пляски прекратились, и я остался одинъ въ сихъ роскошныхъ садахъ. Пламенный, дѣятельный жрецъ Веселія — я отъ природы получилъ склонность къ унынію; воображеніе, внушая мнѣ печальныя мысли среди радости и счастія, набрасывало тѣнь на будущее при сладостнѣйшихъ обаяніяхъ настоящаго. Такъ! уныніе и страсть были во мнѣ близнецами, были нераздѣльны и въ сильнѣйшемъ пылу послѣдней. Съ того самаго мгновенія, какъ я началъ сознавать въ себѣ мысль и чувство, черная нить

пробѣжала по ткани жизни моей, и образы смерти и разрушенія стали примѣшиваться къ самымъ свѣтлымъ видамъ, улыбавшимся мнѣ на пути наслажденій. Даже страсть къ удовольствію только что сгущала сіи туманные призраки. Вѣра моя заперла для меня жизнь грядущую; надежды не перелетали за тѣсные предѣлы жизни земной — и каждый мигъ радости становился для меня и драгоцѣннымъ и грознымъ, и веселіе, какъ цвѣтъ среди могилъ, пышнѣе развивалось отъ сосѣдства съ смертію.

Въ сію ночь торжество мое, счастіе мое казались мнѣ совершенными. Я былъ верховнымъ геніемъ сего сладострастнаго позорища; тщеславіе и славолюбіе почти до дна испили чашу, которой жаждали. Привлекая вниманіе ученыхъ и любовь красоты и младости, въ каждомъ взорѣ, летѣвшемъ мнѣ на встрѣчу, я видѣлъ — то свидѣтельство побѣдъ уже выигранныхъ, то залогъ блистательнѣйшаго торжества, вновь меня ожидавшаго. Но и среди упоенія сего передо мною носились все тѣ-же черныя мысли: разрушимость моя и всего меня окружавшаго, непрестанно нападала на душу мою. Сіи руки, горѣвшія въ рукахъ моихъ — сіи глаза, гдѣ искрился духъ свѣта и жизни, которому, казалось, никогда не умирать — сіи уста, бесѣдовавшія о вѣчной любви — все, я чувствовалъ, все было одною мгновенной насмѣшкой — все оставило по себѣ вѣчнаго одно безмолвіе праха.

Когда-бы тайный, вѣщій гласъ
Не говорилъ въ весельи намъ,
Что къ ночи, все что шевелитъ насъ,
Достанется можетъ въ снѣдь червямъ;
Когда-бъ не гласъ сей роковой,
То, зря міръ полный благъ, съ душой
Способной все испить до дна;
Я бъ землю въ небо превратилъ;
И, если радость лишь одна
Боговъ творитъ, я бъ богомъ былъ.

Такъ изобразилъ я свои собственныя ощущенія въ одной изъ тѣхъ дикихъ, страстныхъ пѣсней, кои породило броженіе духа моего между радостію и унынiемъ. Рѣдко сердце мое столь вполнѣ предавалось непоняшной мнѣ грусти, какъ въ сіи минуты, когда я, погруженный въ мысли, ходилъ среди умиравшихъ огней и цвѣтовъ пира и одинъ шелестъ моихъ шаговъ раздавался тамъ, гдѣ недавно шумѣла веселая толпа. Луна еще свѣтила, заря не занималась и тихое мерцаніе ночи покоилось на всей окрестности. Я шелъ по тропинкѣ, не думая, куда она ведетъ; какъ вдругъ очутился у изящнаго изваянія Венеры, коимъ рѣзецъ Алкамена украсилъ нашъ садъ — у сего образа оборотворенной жены, единаго кумира, предъ коимъ когда-либо я преклонялъ колѣна.

Опершись на подножіе, я возвелъ глаза къ небу и устремилъ сумрачный и испытующій взоръ на вѣчно-горящія звѣзды, какъ бы желая въ ихъ сіяніи прочесть горест-

ную тайну, и спрашивалъ ихъ, за чѣмъ одинъ человѣкъ обреченъ на погибель, когда онѣ, менѣе его дивныя, менѣе славныя, живутъ вѣчно въ свѣтѣ неизмѣнномъ! О если бы какое заклинаніе, или какой талисманъ, воскликнулъ я, могли дать духу нашему безсмертіе сихъ свѣтилъ и открыть его вожделѣніямъ огнезвѣздный кругъ, неограниченный временемъ!

Между тѣмъ, какъ я предавался симъ мыслямъ, усталость, всегда слѣдящая земное, хотя и сладкое удовольствіе — какъ-бы напоминая, сколь оно земное — налегла на меня, и я сонный упалъ къ подножію богини.

Даже и во время сна воображеніе мое не переставало работать; и видѣніе столь живое, что оставило по себѣ впечатлѣнія дѣйствительности, пробѣжало сквозь душу мою. Я былъ перенесенъ на равнину необозримую, пустынную, гдѣ, казалось, ничто не дышетъ, не движется, не живетъ. Самое небо надо мной, блѣдное и томное, давало понятіе не о тьмѣ, но о погасшемъ свѣтѣ; и будь страна сія развалиной какого-либо древнѣйшаго міра, оставленнаго разрушенію, безъ солнца — она не могла бы ужаснѣе изобразить смерти и опустошенія. Одно лишъ напоминало мнѣ о жизни въ сей унывной пустынѣ — малая движущаяся искра, которая сперва мерцала вдалекѣ, а тамъ медленно ко мнѣ подвигалась. Она приближилась, и я замѣтилъ, что это былъ слабый блескъ пламен-

ника въ рукѣ блѣднаго, величаваго мужа, который стоялъ уже предо мной, какъ вѣстникъ могильный. Послѣ нѣсколькихъ минутъ внушающаго благоговѣніе молчанія, въ продолженіе коего смотрѣлъ онъ на меня съ горестію, пронзившею мнѣ душу, онъ вѣщалъ: „Искатель жизни вѣчной! иди на берега темнаго Нила. Иди на берега темнаго Нила, и ты обрѣтешь вѣчную жизнь, тобой искомую!“

Едва произнесъ онъ слова сіи, какъ смертная блѣдность ланитъ его засіяла улыбкой не-человѣческаго обѣтованія. Малый пламенникъ въ рукѣ его издалъ лучезарный блескъ, мгновенно озарившій все пространство пустыни до самаго отдаленнаго небокрая, вдоль коего вдругъ появились сады, дворцы и пирамиды, блестящіе, золотистые, какъ построенія облачныя на закатѣ солнца. Повсюду разлились сладостные звуки, и со всѣхъ сторонъ такъ разновидно заструилось сіяніе, что отъ обилія гармоніи и свѣта я пробудился.

Невѣрующіе бываютъ суевѣрны: это противорѣчіе не рѣдко и не удивительно. Вѣра въ силу сверхъ-человѣческую, кажется, свойственна и необходима душѣ; и если заградятъ ей привычные пути, она проложитъ себѣ новые. Такъ многіе, усумнившись въ бытіи Бога, тайно предались покровительству рока или звѣздъ. Подобное же противорѣчіе находилъ я и въ своихъ чувствованіяхъ.

Отвергнувъ вѣру въ божественный Промыслъ, я не переставалъ вѣрить снамъ, вопреки всей своей философіи. И опытъ утверждалъ меня въ семъ заблужденіи; ибо помощію нѣкоторыхъ изъ тѣхъ случайныхъ соотношеній, коими пользуются вѣщуны и гадатели,

Не разъ мнѣ прорицали сны вѣрнѣй
Дубовъ, треножниковъ и голубей.

Потому не удивительно, что видѣніе сей ночи, коснувшись струны уже натянутой, подѣйствовало на меня съ необыкновенной силою и глубже врѣзывалось въ память при каждомъ усиліи моемъ забыть оное. Тщетно смѣялся я самъ надъ своею слабостію: такое самоосмѣяніе рѣдко бываетъ искреннимъ. Тщетно гнался я за привычными успѣхами: кора ихъ являла по прежнему все новыя прелести; но опять возвращалось опечаливающее чувство, что я смертенъ, а съ нимъ вмѣстѣ воспоминаніе мечтательнаго обѣтованія, къ коему еще прилѣплялось воображеніе мое, наперекоръ разсудку. Иногда, предаваясь мечтаніямъ — продолженію сновидѣнія моего, я даже представлялъ себѣ возможнымъ существованіе нѣкоей тайны, сильной продлить юность если не навѣки, по крайней мѣрѣ надолго, и отдалить ужасную близость смерти, въ предѣлахъ коей изнемогаетъ любовь и веселіе увядаетъ. Кто знаетъ, спрашивалъ я самъ себя, не сокрыты ли въ Египтѣ, въ сей странѣ чудесъ, гдѣ таинство едва

въ половину раскрыло сокровища свои, гдѣ столько темныхъ таинъ допотопнаго міра остаются неразгаданными на столпахъ Сиѳа — не сокрыты ли тамъ чары, ожидающія, какъ обѣщало мнѣ видѣніе, только моего прибытія, чтобы обнаружиться? Не хранится ли тамъ какой-либо составъ изъ тѣхъ чистыхъ сущностей, кои свѣтятъ намъ въ вѣчныхъ звѣздахъ, и коихъ влитіе въ тѣло человѣческое содѣлаетъ и его неувядаемымъ и безсмертнымъ?

Такъ съ услажденіемъ терялся я въ сихъ перелетныхъ мечтахъ, когда разсѣянная жизнь моя, дѣйствуя на пламенное сердце и живое воображеніе, упоевала духъ мой до того, что я не былъ уже вполнѣ я. Сіе заблужденіе не мало умножалось и отъ безпрестанной борьбы моихъ врожденныхъ чувствъ съ холодною, бездушною вѣрой единомысленниковъ моихъ. Усиливаясь сбросить съ себя ея мертвящія цѣпи, я вырывался изъ нихъ только что въ область вымысловъ и мечтаній.

Даже и въ самыя спокойныя минуты странное видѣніе не переставало преслѣдовать меня. Тщетны были всѣ мои усилія отогнать его отъ души; и наконецъ, послѣ многихъ размышленій, я увѣрился, что не могу успокоиться, не посѣтивъ Египта — не могу образумиться, не убѣдясь неудачею въ заблужденіи своемъ. И такъ, я немедленно объявилъ сотоварищамъ Сада о своемъ намѣреніи посѣтить страну пирамидъ. Никому

изъ нихъ не осмѣлился я признаться въ тайномъ, мечтательномъ побужденіи, меня подстрекавшемъ. Я утверждалъ, что цѣль моя любознаніе; они приписывали намѣреніе мое сластолюбію. Опасались, что Училище потерпитъ отъ моего отсутствія, были и нѣжнѣйшія связи, для коихъ разлука еще опаснѣе; но я нашелъ средство отклонить на время первое затрудненіе, а другое облегчилось искуснымъ расточеніемъ обѣтовъ и вздоховъ. Съ поручительными письмами во всѣ части Египта, лѣтомъ, въ 257 году отъ воплощенія Бога-Слова, я отплылъ въ Александрію.

*

Тому, кто на землѣ извлекалъ столько сладкаго изъ каждаго мгновенія — морское плаваніе, хотя спокойное и благопріятное, должно было показаться самымъ скучнымъ средствомъ губить время, какое только можно изобрѣсть. Часто воображеніе мое, когда мы плыли мимо какого-либо острова сихъ морей, населяло его миловидными и благодушными существами, для поклоненія коимъ я бы охотно остановился, еслибъ могъ. Но вѣтеръ дулъ прямо къ странѣ таинствъ; къ тому же я слышалъ внутри себя голосъ, твердившій непрестанно: „впередъ!“

Плаваніе наше не было столь благополучно, когда мы приближались къ берегамъ Египта, и божества Нила почтили насъ знакомъ благоволенія своего — бурею, или лучше сказать вихремъ, едва

не потопившимъ нашъ корабль; это, говорили ѣхавшіе съ нами Египтяне, было дѣйствіе бога ихъ Тифона. Послѣ опасностей цѣлаго дня и ночи, въ продолженіе коихъ насъ отогнало отъ пути нашего къ востоку, мы подпали благосклоннѣйшему вліянію; и наконецъ, когда занялось свѣжее утро, увидѣли прекрасный городъ Александрію, выходящій изъ моря, съ его дворцемъ царей, его портикомъ изъ 400 колоннъ и его Столпомъ столповъ, посреди всего возносящимся къ небу.

Обозрѣвъ сіи великолѣпные виды, мы быстро объѣхали скалу Фароса, и чрезъ нѣсколько минутъ очутились въ пристани Евностъ. Солнце взошло, но огонь все еще горѣлъ на высокой башнѣ скалы; и въ первыхъ пробудныхъ движеніяхъ сластолюбиваго города, коего освѣщенные домы и храмы безмолвно лежали вокругъ пристани, выражалось какое-то изнеможеніе, которое достаточно свидѣтельствовало объ увеселеніяхъ предшествовавшей ночи.

Мы скоро вышли на берегъ и рядомъ дворцовъ и памятниковъ пошли по улицѣ, ведущей отъ моря ко вратамъ Канопа. Сколь ни свѣжи были во мнѣ впечатлѣнія отъ созерцанія любезныхъ сердцу Аѳинъ, но я былъ ослѣпленъ, если не великолѣпіемъ, по крайней мѣрѣ новостію окружавшаго меня зрѣлища. Утѣхи и наслажденія, обѣщаемыя такимъ городомъ, не менѣе прочаго воспламеняли тогда мое воображеніе. Все предвѣщало мнѣ будущія удовольствія.

Для Епикурейскаго воображенія моего, самый видъ зодчества вызывалъ образы живыхъ прелестей, и даже мрачная уединенность храмовъ и рощицъ говорила душѣ моей только о нѣжныхъ таинствахъ. Когда блестящая картина сія оживлялась вкругъ меня болѣе и болѣе, я чувствовалъ, что если Египетъ и не научитъ меня продолженію жизни, то, по крайней мѣрѣ, преподастъ мнѣ другое искусство, лучшее всѣхъ прочихъ — искусство размножать наслажденія.

Тогдашнее населеніе Александріи состояло изъ самаго пестраго смѣшенія народовъ, вѣроисповѣданій и толковъ, какое только можетъ быть собрано въ одномъ городѣ. Рядомъ со Школой Греческаго Платоника видна была Синагога Кабалистическаго Еврея; между тѣмъ церковь Христіанина мирно стояла надъ подземельями Египетскаго Іерофанта. Здѣсь поклонникъ огня съ Востока смѣялся надъ суевѣріями обожателя кошекъ съ Запада. Здѣсь, къ несчастію, и Христіанство научилось подражать заблужденіямъ Язычества; и между тѣмъ какъ Офитскій (*) учитель съ одной стороны важно преклонялъ колѣна передъ своимъ зміемъ, съ другой Никозіанецъ также важно утверждалъ, что нѣтъ спасенія внѣ его ученія. Еще хуже, взаимная нетерпимость Христіанскихъ толковъ отличалась одною жестокостію; и по прибытіи

(*) *Офитъ*, змѣепоклонникъ.

моемъ я не слышалъ ни о чемъ, кромѣ вражды и ненависти, съ коими послѣдователи разныхъ сектъ гнали другъ-друга за то поистинѣ, что одни постились въ седьмой день недѣли, а другіе въ четвертый и шестой.

На всѣ сіи вѣроисповѣданія, или толки, кромѣ смѣшныхъ ихъ сторонъ, я немного обращалъ вниманія. Я находился въ роскошнѣйшемъ городѣ вселенной, и далъ полную волю всѣмъ обольщеніямъ, меня окружавшимъ. Молва какъ о философѣ и сластолюбцѣ мнѣ предшествовала; и Александрія, вторые въ мірѣ Аѳины, приняла меня какъ своего. Слава моя, подобно нѣкоему талисману, открывала сердца и двери при моемъ приближеніи. Меня уволили отъ обычнаго при новыхъ знакомствахъ искательства, и не только пріязнь, но и любовь и дружба также быстро появлялись на стезѣ моей, какъ зелень послѣ разлитія Нила. Смуглая красота Египтянокъ имѣла для глазъ моихъ новость, возвышавшую прелести, и этотъ цвѣтъ отъ солнца на ихъ полныхъ ланитахъ былъ только знакомъ пламени, имъ возженнаго въ сердцахъ ихъ.

Такъ смуглый цвѣтъ плода намъ возвѣщаетъ,
Сколь много сладости онъ заключаетъ.

Нѣсколько недѣль протекло въ безпрестанныхъ и всегда перемѣнныхъ удовольствіяхъ; голосъ тоски хотя все еще отзывался въ сердцѣ, но я рѣдко вслушивался въ него, и онъ скоро замолкъ, заглу-

женный пѣснями окружавшихъ меня сиренъ. Наконецъ, когда явленія сіи утрашили прелесть новости, прежніе туманные призраки начали примѣшиваться ко всѣмъ моимъ радостямъ, и случай, встрѣтившійся со мною во время одного изъ пріятнѣйшихъ увеселеній, еще болѣе сгустилъ мглу ихъ.

Въ годовой праздникъ Сераписа я не разъ вмѣшивался въ веселыя толпы, шѣснившіяся у гроба его въ Канопѣ. День и ночь, во время сего торжества, по всему каналу отъ Александріи до Канопа плавали суда, наполненныя молельщиками обоего пола; всѣ спѣшили пользоваться свободой той вѣры, которая налагала на удовольствіе печать освященія и въ честь неба давала праздникъ страстямъ земнымъ.

Однажды, пріятной ночью, я возвращался въ Александрію. Сѣверный вѣтеръ своимъ отрадным дыханіемъ освѣжалъ воздухъ, и набережныя рощицы померанцовыхъ деревъ и лавзоній разливали сладкое благоуханіе. Толпу оставилъ я за собою въ Канопѣ; на каналѣ не было ни одной лодки, кромѣ моей; но едва предался я думамъ, кои въ такой часъ навѣваетъ уединеніе, какъ вдругъ мечты мои прервались звуками женскихъ голосовъ: крики и смѣхъ неслись отъ садовой прибрежной бесѣдки, ярко освѣщенной.

Подплывая къ ней ближе, я замѣтилъ, что веселость и тревога происходили отъ усилій нѣсколькихъ рѣзвыхъ дѣвицъ, кои, желая достать жасминовые кусты, росшіе

у самой рѣки, упали въ воду. Поспѣшивъ къ нимъ на помощь, я скоро узналъ по голосу одну изъ прекрасныхъ Александрійскихъ знакомокъ своихъ, и выскочивъ на берегъ, окруженъ былъ толпою нимфъ, кои убѣждали меня присоединиться къ ихъ обществу въ бесѣдкѣ, и сплетши цѣпь изъ ясминовыхъ вѣтвей, только что сорванныхъ ими, обвили меня ею и повели своего не невольнаго плѣнника въ храмину пира.

Здѣсь нашелъ я избранный цвѣтъ Александрійскаго общества. Неожиданность для обѣихъ сторонъ сдѣлала сію встрѣчу еще пріятнѣе; и рѣдко я чувствовалъ себя столь оживленнымъ, рѣдко столь успѣшно содѣйствовалъ оживленію другихъ.

Въ нашемъ обществѣ находились нѣкоторыя Гречанки, носившія, по обычаю страны своей, покрывала, для того безъ сомнѣнія, чтобы болѣе выказать, нежели скрыть красоту свою, которая проглядывала подобно лучамъ изъ-подъ облака. Тамъ была женщина, особенно привлекшая мое вниманіе: увѣнчанная темными цвѣтами, она, во все время пира, сидѣла въ безмолвіи, съ опущеннымъ покрываломъ. Я замѣтилъ, что она ни въ чемъ не принимала участія, не касалась яствъ и винъ, и по видимому, ни одна рѣчь, ни одно слово не возбуждало ея вниманія. Сіе отчужденіе среди зрѣлища столь блистательнаго, казалось, никѣмъ кромѣ меня незамѣченное, поразило меня своею таинственною странностію: я спросилъ о при-

чинѣ онаго прекрасную сосѣдку свою; но она приняла важный видъ и промолчала. Между тѣмъ и лира и чаша переходили изъ рукъ въ руки, и одна юная Аѳинянка, взявъ свою лютню, пропѣла нѣсколько Греческихъ пѣсенъ съ такимъ чувствомъ, что они перенесли меня къ берегамъ Илиса, и на самомъ лонѣ настоящаго наслажденія исторгли изъ сердца вздохъ о наслажденіяхъ минувшихъ. Прежде нежели наше веселое общество поднялось, уже разсвѣло, и мы не охотно отправились на суда для возвращенія въ городъ.

Едва мы взошли на нихъ, какъ замѣтили, что лютня молодой Аѳинянки забыта; сладостные звуки еще отзывались въ сердцѣ моемъ: я быстро выскочилъ на берегъ и поспѣшилъ въ храмину пира. Она была безмолвна и пуста; но въ ней, къ удивленію моему, все сидѣла та молчаливая жена, столь сильно ночью возбудившая мое любопытство. Тайный ужасъ охватывалъ меня, когда я тихо къ ней приближался: не видно, не слышно было дыханія; не шевелился ни одинъ листокъ темнаго вѣнка на челѣ ея. При мерцаніи угасавшаго передъ нею свѣтильника трепещущей рукою я поднялъ покровъ, и увидѣлъ — что уже предчувствовало мое воображеніе — увидѣлъ образъ безжизненный, оставъ. Я отскочилъ; бросился съ лютней къ берегу, и во все время плаванія былъ почти также молчаливъ, какъ видѣнный мною образъ.

Сей обычай Египтянъ за сломомъ цирше-
ства, ставить останъ или мумію съ нѣкото-
раго времени былъ оставленъ, исключая
одни особенныя торжества; но и тогда при-
нято было у роскошныхъ Александрійцевъ
прикрывать сіе напоминаніе смерти убран-
ствомъ, какъ мною описано.

Неприготовленный къ такому зрѣли-
щу, я до того былъ пораженъ имъ, что
не скоро опомнился. Сей безмолвный и ужас-
ный свидѣтель веселія, казалось, осуще-
ствилъ образъ, носившійся въ сердцѣ мо-
емъ. Черты смерти напечатлѣлись на каж-
дой мысли моей; и видъ будущаго моего
жребія примѣшался къ свѣтлой картинѣ на-
стоящаго бытія.

Въ то время живѣе, нежели когда-ли-
бо, пришло мнѣ на память мое сновидѣ-
ніе. Ясно-увѣрительная улыбка того свя-
щеннаго Духа, и его слова: „иди къ бере-
гамъ темнаго Нила; и ты обрѣтешь жизнь
вѣчную, тобой искомую!“ непрестанно
отзывались въ душѣ моей. Но, увы! я ни-
чего еще не сдѣлалъ для совершенія сего
торжественнаго обѣта. Александрія не Еги-
петъ; самое мѣсто ея не существовало, ког-
да Оивы и Мемфисъ уже считали вѣка славы.

Тамъ, подъ пирамидами Мемфиса, вос-
кликнулъ я, или въ таинственныхъ пе-
реходахъ Лавиринеа; тамъ должно искать
мнѣ священныхъ таинъ вѣдѣнія, завѣщан-
ныхъ Египту міромъ допотопнымъ, между
коими — мысль благословенная! — храни-
тся, быть можетъ, ключь къ жизни вѣчной!

Принявъ такое намѣреніе, я простился съ многочисленными Александрійскими друзьями моими и отправился въ Мемфисъ.

*

Изо всѣхъ странъ Египетъ, смѣсью унылаго съ роскошнымъ, коею запечатлѣны свойства его народа, его вѣра и его картинныя мѣстоположенія — Египетъ наиболѣе поражаетъ темпераментъ и воображеніе подобныя моимъ, и приводитъ въ оживленное сотрясеніе всѣ струны того и другаго. Куда я ни обращался, всюду встрѣчалъ садъ и пустыню, смѣшеніе цвѣтущаго съ опустошеніемъ. Я видѣлъ рощу любви и рядомъ гробницу, видѣлъ наслажденіе и смерть, какъ-бы спрегущія одно другое попеременно. И въ самой роскоши климата вѣяло дыханіе грусти. Однообразный блескъ дня и торжественное сіяніе ночи, все питало пламенное уныніе — порожденіе страсти и мысли, давно уже внѣдрившееся въ душу мою.

Я отплылъ изъ Александріи во время полнаго разлитія Нила. Вся долина Египта лежала подъ водою. Взирая при блескѣ заходящаго солнца на окружавшіе меня храмы, дворцы и памятники, обтекаемые волнами, я воображалъ, что передо мной погружающійся островъ Атлантиды, въ тотъ послѣдній вечеръ, когда зданія его еще видны были надъ пучиной. Какое притомъ оживленное разнообразіе представлялось повсюду!

Едва ль когда сѣнился надъ землёй
Небесный сводъ столь ясно-голубой.
Мой взоръ встрѣчалъ то стогны со столпами,
То куполы порфирны, садъ иль храмъ
Воздвигнутый могущимъ божествамъ;
Пирамиды стояли надъ водами —
И простоятъ наперекоръ вѣкамъ.
Величія и роскоши явленья
Изъ населенныхъ водъ сихъ создаютъ
Міръ цѣлый, полный жизни и движенья,
Любовь, Мода и Вѣра гдѣ живутъ.
Торжественно-спокойными стопами,
Съ блестящими кимвалами, съ жезлами,
Здѣсь бѣлоризые жрецы во храмъ
Восходятъ отъ воды по ступенямъ.
Изъ дальнихъ странъ заводопадныхъ, жаркихъ,
Прибывшія суда свой грузъ драгой
Несутъ морямъ: птицъ перья пестро-яркихъ
И носорога кость, песокъ златой
Съ горъ Абиссиніи дождемъ снесенный,
Мероѐ дань — каменья драгоцѣнны.
Гдѣ въ пѣнистый заливъ слилась вода,
Молельщики шамъ легкія суда
Стремятъ межъ лотосовъ, надъ ихъ главами
Склонившихся дугой, и, подъ цвѣтами
Скрываясь, поютъ и говорятъ,
А полдня душные часы проспятъ.
Вблизи отъ нихъ, во влагѣ свѣжей, чистой,
Подъ сѣнію акаціи цвѣтистой,
Играетъ, плещется, веселый рой
Прелестныхъ нимфъ, соперницъ феи той (*),

(*) Клеопатры.

Которой цѣпь вкругъ двухъ перевилась
Владыкъ земли, на жребьемъ порвалась.

Очарованный симъ зрѣлищемъ, я нарочно продолжалъ путь свой, посѣщая всѣ роскошныя и достопримѣчательныя мѣста, освященныя удивленіемъ вѣковъ.

Въ Саисѣ присутствовалъ я на праздникѣ Свѣтильниковъ, и при блескѣ безчисленныхъ огней, прочелъ на храмѣ Неиѳы сіе высокое изреченіе: „Я есмь все, что было, есть и будетъ, и никогда еще смертный не поднималъ покрова моего.“ Я прохаживался среди поверженныхъ обелисковъ Иліополя, и не безъ сѣтованія видѣлъ, какъ солнце улыбалось надъ развалинами его, будто насмѣхаясь надъ грудою бреннаго величія, нѣкогда гордо себя провозгласившаго Градомъ Солнца! Но всего охотнѣе посѣщалъ я островъ Златой Венеры; гуляя тамъ подъ сѣнолиственными сводами, единственными храмами ея, я чувствовалъ, что вѣчно-живые столпы садовъ и рощей приличнѣе для обители божества, нежели драгоцѣннѣйшія колонны изъ бездушнаго мрамора.

Повсюду новыя удовольствія, новыя прелести! И хотя уныніе, какъ и прежде, стояло близко, но тѣнь его падала только до половины блуждающей слезы моей; все остальное блистало отраднѣе отъ противоположности. Повѣствованіе различныхъ приключеній моихъ, въ краткое время сего путешествія случившихся, удали-

ло бы меня отъ происшествій, болѣе достойныхъ воспоминанія. При такомъ непрестанномъ разнообразіи обольщеній я забылъ о великомъ предметѣ моего странствованія; таинства сей страны Солнца оставались для меня по прежнему таинствами, и я посвященъ былъ въ одни ея удовольствія.

Наконецъ, въ тотъ вечеръ, когда я въ первый разъ очутился предъ пирамидами Мемфиса, гордо возносящимися подобно сторожевымъ башнямъ Времени; которое, умирая, съ вершины ихъ взглянетъ впослѣдніе — въ то самое мгновеніе, когда я въ первый разъ увидѣлъ ихъ, великая тайна, о которой сказало мнѣ сновидѣніе, опять предстала душѣ моей и носилась предо мною въ непроницаемой мглѣ. Было что то торжественное въ солнечномъ сіяніи, которое покоилось на сихъ памятникахъ; вокругъ, въ воздухѣ, какое-то благоговѣйное безмолвіе отзывалось въ душѣ моей, какъ пѣснь вѣковъ протекшихъ. Помышляя, сколько міріадъ мудраго, прекраснаго и доблестнаго сокрылось въ прахѣ сихъ горъ, какъ земля впервые узрѣла чудеса сіи, въ горести души я воскликнулъ: одинъ ли человѣкъ погибаетъ? Сердца и души уничтожатся, а пирамиды простоятъ. Смерть, смерть! даже на сихъ вѣчныхъ скрижаляхъ — единственномъ безсмертіи, Царями стяжанномъ — ты начертала приговоръ нашъ священными и внятными словами: „кромѣ гроба нѣтъ для человѣка постояннаго жилища.“

Сердце мое унило при сей мысли; и я мгновенно предался тому отчаянію, которое нападаетъ на душу, не усматривающую ничего кромѣ тьмы въ будущемъ. Но легкость нрава моего опять превозмогла, и, добровольно поддаваясь обману суетныхъ мечтаній, съ той счастливой удобностію, которая поставляетъ воображаемое благо на мѣсто существеннаго, я снова увлекся вѣрою къ тому, чего наиболѣе желалъ. Такъ! воскликнулъ я: безсмертіе должно быть достижимо человѣку; и вѣлику одна мудрость достойна такого благословенія, то одному мудрому и должна быть явлена тайна сія. Тамъ, подъ сей пирамидой, говоритъ преданіе, многія столѣтія лежитъ глубоко сокровенная изумрудная скрижаль, на коей Тривеликій (*) Гермесъ начерталъ, до потопа, тайну Алхиміи, щедро надѣляющую обладателя златомъ; тамъ, быть можетъ, вписана и могущественнѣйшая, болѣе приближающая къ божеству тайна, щедро надѣляющая жизнію. Силою злата, неистощимаго злата, Цари, почивающіе въ сихъ огромныхъ зданіяхъ, взрыли землю до средоточія, и къ небу взгромоздили камни въ воздухѣ, дабы запастись гробницами, кои бы могли пережить вселенную. Почему знать: не обладалиль они даромъ безсмертія? Почему знать: не живутъ ли они и теперь, торжествуя надъ смертію? Сіи зданія, у насъ называемыя гробницами, не великолѣпные ли и

(*) Трисмегистъ.

вѣчные дворцы, гдѣ, сокрывшись отъ сего дряхлѣющаго міра, обитаютъ они съ немногими сіяющими дара ихъ въ безсолнечномъ, но свѣтозарномъ своемъ Елизеѣ? Иначе, къ чему сіи громады? Къ чему то подземное царство, коимъ подрыта вся долина Египта? Къ чему и сіи лавиринеы, коихъ не видалъ никто изъ земнородныхъ — коихъ не посѣщалъ никто изъ небожителей, кромѣ онаго бога съ перстомъ на сомкнутыхъ устахъ? Между тѣмъ, какъ я предавался мечтамъ симъ, солнце, вполовину закатясь за небокрай, мирно и торжественно прощалось съ пирамидами: такъ привѣтствовало оно ихъ каждый вечеръ въ теченіе вѣковъ, пока наконецъ свыклось съ ними, какъ съ землей. Стороны ихъ, обращенныя къ лучамъ его, сіяли ослѣпительной бѣлизною; а къ востоку ложились отъ нихъ огромныя тѣни, какъ-бы первыя стопы ночи, спѣшившей обвить своимъ покровомъ холмы Аравійскіе.

Едва сокрылся послѣдній лучь солнца, — на каждой кровлѣ домовъ Мемфиса поднялись, развѣвались, яркія-позлащенныя хоругви, провозвѣстницы заката его; между тѣмъ гармоническіе звуки, какъ полный потокъ, пролились изо всѣхъ прибрежныхъ храмовъ.

Пробужденный отъ задумчивости сими звуками, я вдругъ вспомнилъ, что въ сей самый вечеръ будутъ торжествовать великій праздникъ Луны. Среди маленькаго

островъ, на полпути отъ садовъ Мемфис-скихъ и берега восточнаго, стоялъ храмъ богини, которая лучами своими низводитъ на землю

Часы прелестные цвѣтовъ ночныхъ свиданій.
Діана Сѣвера — врагъ нѣги, наслажденій:
Льдомъ дѣвственнымъ она мертвитъ младую кровь;
Иная рощицы Мемфиса посѣщаетъ
И съ свѣтло-звѣзднаго чертога всѣмъ вѣщаетъ,
Что небу на землѣ равна одна любовь!

Такъ воскликнулъ я словами одного изъ Египетскихъ поэтовъ. Предвкушая разнообразныя наслажденія празднества, я отгналъ отъ души всѣ мрачныя мысли, поспѣшилъ къ ладьѣ своей, въ коей я жилъ тогда на водахъ, какъ Нильская птица, и направилъ путь къ острову храма Луны.

*

Медленно и величественно подымалась Луна, какъ-бы зная ожидавшія ее на землѣ почести; ее привѣтствовали громкими восклицаніями съ каждаго возвышенія, гдѣ толпы стерегли первый взглядъ ея. Рѣдко восходила она надъ прекраснѣйшимъ зрѣлищемъ. Мемфисъ, все еще великій, хотя уже не несравненный Мемфисъ, нѣкогда похитившій у Ѳивъ вѣнецъ первенства и столько вѣковъ безспорно его носившій — теперь при нѣжномъ мерцаніи луны, согласующемся съ упадкомъ его, свѣтился.

среди своихъ пирамидъ и храмовъ, какъ сей славы, долженствующей скоро прейти! Даже и тогда разрушеніе было слишкомъ замѣтно въ окрестностяхъ города. Пески Ливійской пустыни напирали, какъ море; и среди уединенныхъ столповъ и сфинксовъ, почти врывшихся въ землю, казалось, стоитъ неумолимое Время, ожидая, пока все цвѣтущее вокругъ также падетъ подъ разрушительной рукой его.

На водахъ все было жизнь и веселіе. Какъ далеко взоръ ни простирался, вездѣ по безчисленнымъ ладьямъ искрились огни, осыпавшіе рубинами волны. Суда всякаго рода — отъ легкаго челнока, который удобно скользитъ чрезъ пороги, до огромной яхты, плывущей подъ звуками флейтъ — всѣ стремились на сей священный праздникъ съ толпами веселыхъ юношей, не только изъ Мемфиса и Вавилона (*), но даже изъ городовъ отдаленнѣйшихъ.

Приближаясь къ сему острову, я замѣтилъ на берегу, сквозь деревья, свѣтившіеся пламенники поклонниковъ, спѣшившихъ къ торжеству. Причаливъ по направленію огней сихъ, я скоро присоединился къ толпѣ, и проходя длинными рядами сфинксовъ, коихъ искрившійся мраморъ

(*) Сей городъ, построенный Персами, находился на восточномъ берегу Нила, близъ мѣста стараго Каира.

спѣшилъ между мрачными сикоморами (*), и скоро достигъ большаго преддверія храма, гдѣ уже началось совершеніе вечернихъ обрядовъ.

Въ семъ обширномъ портикѣ, который обнесенъ былъ двойнымъ рядомъ столповъ и отверзтъ сверху звѣздамъ небеснымъ, я увидѣлъ купу юныхъ дѣвъ въ какомъ-то мѣрномъ движеніи между походкой и пляскою, вокругъ маленькаго жертвенника или ковчега, гдѣ хранятся муміи: на немъ стояла одна изъ птицъ, посвященныхъ Лунѣ по многоцвѣтности крилъ. Преддверіе освѣщалось слабо: было только по одной лампадѣ съ нефтью на каждомъ изъ окружавшихъ оное столповъ; но ставши у одного изъ нихъ, я могъ различать юныхъ дѣвъ, одна за другою мимо меня проходившихъ.

Длинная, прелестная одежда ихъ бѣлизною подобилась снѣгу; каждая подъ полною грудью небрежно носила перевязь, или поясъ темносиній, украшенный, какъ полночное небо, серебряными звѣздочками. Въ черные локоны ихъ были вплетены бѣлыя лилеи Нила (**) — полагали, что сей цвѣтокъ любимъ Луною, какъ Солнцемъ — золотые цвѣты бобовъ (***). Когда дѣвы проходили подъ лампадою, отъ груди ихъ отражалось сіяніе, которое, я замѣтилъ,

(*) Египетская дикая смоковница.
(**) Лотосъ.
(***) Бобы Египетскіе.

было овальное зеркальце, носимое ими подъ лѣвымъ плечомъ, по обыкновенію женъ Востока.

Никакая музыка не управляла шагами ихъ; но, обходя съ такою прелестію вокругъ птицы стоявшей на ковчегѣ, онѣ согласно размѣряли движенія свои — однѣ ударами тарелокъ, другія рѣзкимъ звономъ систра, который держали вверхъ, подражая своей Богинѣ Изидѣ; между тѣмъ прочія потрясали при каждомъ шагѣ маленькой серебряной цѣпочкой, коей звуки, сливаясь съ звуками тарелокъ и систра, производили дикое, но не непріятное согласіе. Онѣ всѣ казались прелестными; но одна — свѣтъ не озарялъ лица ея, такъ низко склоняла она чело — одна особенно привлекла, потомъ приковала мое вниманіе. Было что-то въ сихъ полувидныхъ чертахъ — въ самой тѣни, скрывавшей воображаемую красоту ихъ, было какое-то очарованіе, плѣнившее меня болѣе, нежели вся открыто-сіявшая прелесть ея подругъ. Такъ оковано было воображеніе мое сею таинственною скромностію, что ее одну между всѣми я видѣлъ и представлялъ себѣ — ее одну искалъ я взорами, когда съ тѣмъ-же склоненнымъ челомъ она обходила жертвенникъ тихими, сквирными шагами, какъ-бы ея присутствіе, подобно явленію духа, долженствовало быть ощутительнымъ, а не видимымъ.

Когда я смотрѣлъ, внезапно раздалося громкое бряцаніе тысячи кимваловъ; ша-

мелыя врата храма растворились мастежъ, какъ волшебствомъ, и потоки свѣта отъ освѣщеннаго притвора наполнили все преддверіе; въ то-же самое мгновеніе, какъ будто лучи и звуки родились вмѣстѣ, громъ величественной музыки слился съ сіяніемъ.

Тогда-то, при семъ свѣтѣ, который вполнѣ озарилъ черты юной дѣвы, когда, изумленная блескомъ, она подняла глаза къ притвору и мгновенно опять опустила ихъ, тогда увидѣлъ я то, чего даже пламенное мое воображеніе въ живѣйшихъ своихъ мечтаніяхъ о красотѣ никогда не рисовало. Психея сама, вступивъ на прагъ неба, когда первые лучи его пали на ослѣпленныя зѣницы ея, не могла показаться прекраснѣе, или зарумяниться скромнѣйшей стыдливостію. Сколь ни часто испытывалъ я силу взглядовъ, никогда они такъ глубоко не проникали въ душу мою. Какое-то новое чувство, новое ощущеніе мгновенно влилось въ меня, какъ оный свѣтъ въ преддверіе, и вдругъ наполнило все существо мое; продлись это видѣніе еще мигъ предъ глазами моими, я совершенно бъ забылъ, гдѣ и кто я, и повергся бы въ благоговѣніи къ ея ногамъ.

Но едва пролился сей потокъ музыки, священная птица, дотолѣ стоявшая неподвижно, какъ изваяніе, распростерла свои крылья и полетѣла во храмъ. Прелестныя, младыя ея поклонницы, устреми-

лись за ней съ подобною же быстротою — и та, которая оставила въ сердцѣ моемъ незабвенное видѣніе, исчезла съ прочими. Когда она быстро проходила мимо столпа, о которой я опирался, обвивавшій его плющь зацѣпилъ за одежду ея, и уронилъ на землю одно изъ ея украшеній: то было маленькое зеркало, блестѣвшее и видѣнное мною на груди ея. Съ трепетомъ поднялъ я его и спѣшилъ возвратить; но она уже скрылась опъ взоровъ моихъ въ толпѣ.

Тщетно порывался я вслѣдъ за нею: притворы были наполнены, множество ревностныхъ поклонниковъ тѣснилось ко входу; служители храма не впускали болѣе никого, и бѣлыми жезлами своими преграждали мнѣ путь всякій разъ, когда я появлялся. Смущенный и раздраженный, я почиталъ вратами всѣхъ, кои удерживали мое стремленіе; приподнимаясь среди толпы, я всматривался въ шумящіе притворы, и ощущалъ біеніе сердца, когда видѣлъ изрѣдка отблески звѣзднаго пояса или вязи лотосовой, кои заставляли меня воображать, что я открылъ искомое мною. Но все было тщетно: по всѣмъ направленіямъ двигались ряды священныхъ нимфъ; и нигдѣ не видно было той, которой я искалъ.

Опъ множества движущихся лицъ и огней вкругъ меня, опъ клубившихся повсюду облаковъ ѳиміама, голова моя закружилась. Я пробылъ тамъ еще нѣсколько времени въ состояніи, близкомъ до обморока;

наконецъ, изнуренный, не могъ долѣе выдержать, проложилъ дорогу среди толпы, вышелъ на свѣжій воздухъ, поспѣшилъ рядами сфинксовъ къ берегу, и вскочилъ въ лодку.

Есть къ сѣверу отъ Мемфиса уединенное озеро (сливающееся въ сіе время года съ водами разлива), на берегахъ коего стоитъ Некрополисъ, или *градъ мертвыхъ* — мѣсто уныло-величественное, усѣянное жертвенниками и пирамидами, гдѣ не одна Царская глава, гордая даже по смерти, цѣлые вѣки ожидаетъ воскресенія своей славы. Подъ ними, въ низшемъ ряду погребальныхъ пещеръ, лежатъ смиреннѣйшіе жители, непричастные плѣну гробницъ, *являя* каждому новому поколѣнію, ихъ посѣщающему, тѣ-же черты и лица, кои имѣли назадъ тому столѣтія. — Тамъ, начиная отъ цвѣтка златоока (*) до шаинственнаго банана (**), собраны всѣ растенія и дерева, посвященныя смерти; они изливаютъ прохладу и благовоніе на сіе гробище, и вѣчное молчаніе его нарушается однимъ только глухимъ молитвеннымъ шопотомъ жрецовъ, когда новый жилецъ приходитъ селиться въ семъ безмолвномъ градѣ.

Къ сей-то обители смерти, почти не замѣчая того, я направилъ ладью, въ расположеніи духа полуясномъ, полутуманномъ,

---

(*) Asphodelus.
(**) Musa.

которое мнѣ свойственно. Образъ юной жрицы былъ неотлучно передо мною. Никогда не оставлялъ души моей тотъ свѣтлый взоръ, коего одно воспоминаніе было мнѣ драгоцѣннѣе улыбки другихъ. Погруженный въ такія мысли, я не переставалъ править весломъ, не зная куда плыву, и очнулся, изумленный, въ тѣни града Мертвыхъ. Я взглянулъ вверхъ и увидѣлъ пирамиду за пирамидой, возносящіяся передо мною, а надъ всѣми одну, на вершинѣ коей, казалось, покоится луна, какъ на подножіи.

Подплывши къ берегу, который возвышалъ сей градъ памятникомъ надъ поверхностью наводненія, я поднялъ весло и далъ волю челноку лѣниво качаться на водѣ, между тѣмъ мысли мои, также пущенныя безъ направленія, столь-же лѣниво колебались. Сколь разнообразны и непостоянны были мечты, пробѣгавшія тогда душу мою! и оное свѣтлое видѣніе храма ко всему примѣшивалось. Иногда стояла *она* предо мною, подобная сокрытому духу, чистая — какъ-бы только стихія музыки и свѣта, въ которую она скрылась отъ взоровъ моихъ, была ея обителью. Иногда, оживленная страстію, перерожденная въ существо земное, она наклонялась ко мнѣ съ нѣжнымъ взоромъ, коего одно мгновеніе казалось для меня дороже всѣхъ міровъ; а потомъ, когда возвращались всегда нападавшія на меня мрачныя

мечтаній, и видѣлъ ее хладною, изсохшею, мертвѣющею, среди мрака оныхъ вѣчныхъ гробницъ, которыя были предо мною!

При сей мысли съ содроганіемъ отвернувшись отъ кладбища, я услышалъ плескъ весла, быстро разсѣкавшаго воду, и чрезъ нѣсколько минутъ увидѣлъ пролетѣвшую мимо меня къ берегу маленькую лодку, въ коей сидѣли двѣ женщины, подъ покрывалами. Онѣ вышли на берегъ неподалеку отъ меня въ тѣни прибрежнаго памятника, а лодка понеслась обратно съ тою-же быстротою.

Никогда приключеніе не предоставлялось такъ кстати, какъ въ сію минуту, когда воображеніе мое сплетало для сердца увы, угрожая мнѣ плѣномъ, который разрушишь всего труднѣе. Влюбиться такимъ образомъ въ созданіе собственной фантазіи есть самая жалкая глупость, ибо самая продолжительная. Одна существенность доставляетъ случаи къ разрушенію подобныхъ чаръ; а кумиръ, который тогда я творилъ себѣ, долженствовалъ навсегда пребыть идеальнымъ. И потому все, что казалось способнымъ отвлечь меня отъ таковыхъ мыслей — возвратить воображеніе мое на землю, къ существенности, изъ области мечтаній, гдѣ оно странствовало — всякое покушеніе къ сему было для меня благовременнымъ пособіемъ, и я ухватился за оное съ жаромъ.

Я не замѣтилъ, куда причалили двѣ особы и укрѣпивъ лодку свою къ берегу, тихо вышелъ на землю и слѣдовалъ издали за ними. Дорога, коею онѣ вели меня, запутывалась многими извилинами; но при ясномъ свѣтѣ луны я не терялъ ихъ изъ виду, когда онѣ быстро проходили между памятниковъ. Наконецъ онѣ скрылись отъ взоровъ моихъ въ тѣни небольшой пирамиды, коей обнаженная вершина одна превышала чинары, близъ нея растущіе. Я поспѣшилъ, но тамъ вокругъ не было никакого признака жизни; и еслибъ я вѣровалъ въ другой міръ, я могъ бы подумать, что это были духи, посланные издѣваться надо мною — такъ мгновенно исчезли онѣ. Я искалъ въ ближней рощѣ, но и тамъ все было безмолвно, какъ смерть. Наконецъ, разсматривая одинъ изъ боковъ пирамиды, къ коему, нѣсколько локтей выше отъ земли, придѣланы были ступени, я нашелъ, на полпути отъ основанія до вершины, мѣсто, казавшееся на видъ гладкимъ, но осязанію представлявшее признакъ потаеннаго входа.

Послѣ многихъ усилій и покушеній, наконецъ болѣе по случаю, нежели по догадкѣ, я подавилъ пружину, которая запирала сіе таинственное отверстіе. Немедленно дверь растворилась и открыла узкую лѣстницу внутрь, коей первыя двѣ или три ступени можно было различить при лунномъ свѣтѣ, между тѣмъ какъ остальныя терялись въ непроницаемой тьмѣ. Труд-

но было подумать, чтобы тѣ, кого я преслѣдовалъ, рѣшились войти въ это мрачное отверзтіе; но иначе объяснить, какъ они исчезли, было еще труднѣе. Какъ бы то ни случилось, любопытство мое, сильно напряженное, невозможно было удержать; жажду приключеній, однажды возбужденную, не легко было успокоить. И такъ, послѣ веселой молитвы къ той царицѣ, любящей счастіе смертныхъ, чье око одно было тогда надо мною, я вошелъ въ дверь и спустился въ пирамиду.

Съ Англійскаго В. М.

2. ГИМНЫ ОРФЕЯ.

Старинное собраніе 86 гимновъ, дошедшее до насъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими стихотвореніями (1), подъ именемъ *Орфея*, представляетъ драгоцѣнный остатокъ древней мистической Θеологіи и поэтическаго Природовѣдѣнія. Какъ старо или молодо каждое изъ сихъ чѣснопѣній? Одолжены ли они бытіемъ своимъ дѣйствительно тому Θракійскому *Орфею*, о которомъ древняя Миѳологія разсказываетъ столько прекрасныхъ басней (2)? Или не позднѣйшему ли какому нибудь мистическому поэту? Даже полно можно ли считать ихъ произведеніями одного и того-же пѣснопѣвца? Не есть ли это собраніе пѣсней многихъ поэтовъ? Кто бы сіи послѣдніе могли быть? Кѣмъ собраны онѣ и какая была судьба ихъ? Что составляетъ ихъ собственное достоинство и отличительный характеръ? . . . Удовлетворительное разрѣшеніе сихъ вопросовъ требуетъ слишкомъ обширнаго изслѣдованія, коего резульшаты могутъ быть однако возведены къ слѣдующимъ весьма вѣроятнымъ положеніямъ:

1) Еще въ прекраснѣйшіе дни Греческой древности существовали пѣсни *Орфеевы*, которыя конечно имѣли сходство съ нашими и пѣвались обыкновенно при *таинствахъ* или мистеріяхъ. *Павзан.* IX. 30. *Плат.* и *другіе.*

2) Сіи пѣсни естественно должны были составлять исключительное достояніе Посвященныхъ и слѣдовательно не прежде могли сдѣлаться гласными и всеобще извѣстными, какъ по уничтоженіи таинствъ.

3) Хотя во все продолженіе существованія *таинствъ*, установленныхъ *Орфеемъ*, подлинныя пѣсни *Орфеевы* были передаваемы и сохраняемы: не смотря на то, весьма вѣроятно, что большая часть ихъ для

насъ погибла; что мы, коп могли уберечься, потерпѣли великія измѣненія; что позднѣйшіе Мистагоги подвергали ихъ многимъ преобразованіямъ или даже замѣнили новыми подражаніями; и что слѣдовательно въ томъ, что дошло до насъ, слышенъ только отголосокъ древней таинственной лиры Оракійскаго пѣснопѣвца.

4) Если обратить вниманіе: со стороны мыслей — на логическое образованіе и иногда слишкомъ нагое выраженіе философическихъ понятій; со стороны поэзіи — на аллегорическую отдѣлку, на отзывающуюся новизною пламенность, чувствительность и напряженную возвышенность, на сіе слишкомъ безформное объятіе безконечнаго, принадлежащее временамъ позднѣйшимъ; со стороны изложенія — на очевидную моложавость языка и нечистоту просодіи: то не льзя не признаться, что настоящее собраніе Орфеевыхъ таинственныхъ пѣснопѣній заклеймено глубоко печатію тѣхъ временъ, въ кои духъ древней Еллады уже состарѣлся и Поэзія уступила мѣсто Наукѣ.

5) Сродство вѣющаго въ нихъ духа съ Неоплатоническою и Стоическою философіею даетъ поводъ подозрѣвать, что сіи послѣднія имѣли на нихъ дѣятельное вліяніе: хотя конечно не возможно утверждать, чтобы все то, что находится въ нихъ сходнаго съ позднѣйшими мудрованіями, не могло произойти ранѣе.

6) Не должно также забывать и того, что изъ сихъ черты, кои кажутся намъ признаками новости, могутъ быть слѣдами глубокой древности и оригинальности; и что весьма трудно изрекать рѣшительный судъ о вещахъ, для которыхъ мы имѣемъ такъ мало пунктовъ сравненія. Намъ еще такъ мало извѣстенъ образъ мыслей и выраженій, употреблявшійся въ древнихъ мистеріяхъ, —

Даже — поелику крайности часто соприкасаются — даже очень возможно, что, путешествуя въ древнемъ Еллинскомъ мірѣ, не мудрено набресть на явленія, кои въ позднѣйшихъ вѣкахъ послѣ долговременнаго забвенія, снова воспроизведены были и приняты заново. Такъ — обращаясь къ вещамъ самымъ маловажнымъ — древній поэтическій языкъ эпопеи имѣетъ то общее сходство съ новѣйшимъ языкомъ придворнаго этикета, что и тотъ и другой не рѣдко возводитъ свойства предметовъ на степень существъ, или имена прилагательныя превращаетъ въ существительныя, поставляя лице при нихъ въ родительномъ падежѣ; такъ: *βιη Ἡρακλεους*, *сила Иракла* — есть самъ *Иракль*; у насъ: *Королевское Величество*, *Княжеская Свѣтлость* — суть сами *Король* и *Князь*.

7) Сіи пѣсни, сколь ни утомительными могутъ казаться по чрезмѣрному изобилію, съ коимъ расточаются въ нихъ эпитеты — драгоцѣнны не только для Антикварія, но и для всѣхъ любящихъ прекрасное и высокое въ природѣ и искусствахъ. Это суть цвѣты изъ міра, для насъ погибшаго: и мы можемъ судить по нимъ, сколь прекрасна была весна древности, коей одолжены они бытіемъ своимъ. Тогда Поэзія не была игрушкою бездѣльной фантазіи, но откровеніемъ высокихъ божественныхъ таинствъ! Гимны *Орфеевы* воспѣваютъ всеоживляющую вѣчную жизнь, дышущую во всѣхъ явленіяхъ видимаго міра. Сія великая громада представляется въ нихъ населенною таинственными живоносными существами: ето суть олицетворенныя *силы природы*! . . Имъ, какъ орудіямъ, чрезъ которыя благоизволитъ преливаться вѣчная жизнь, воскуряется ѳиміамъ и возсылается хвалебное пѣніе, дабы онѣ ниспосылали молящимся здравіе, питаніе, миръ, ду-

шевныя радости, благочестивый смыслъ и тихое безмятежное отшествіе изъ міра. *Для Орфея* истинный Богъ былъ *Великій Невѣдомый*; посему онъ и стремился, съ поэтическимъ одушевленіемъ, обнимать Его своею любовію въ видимыхъ представителяхъ Его мудрости и благости — въ силахъ природы!

Предлагаемые здѣсь переводы стоили великихъ трудовъ. Надлежало бороться съ упорностію нашего языка, отученнаго отъ составленія сложныхъ словъ, бывшаго прежде столько свойственнымъ языку Славянскому. Еще бо́льшая трудность предстояла — умѣстить сіи многосоставныя слова въ измѣренной рамкѣ экзаметра. Много пособило однако переводчику соображеніе съ Нѣмецкими переводами нѣкоторыхъ изъ сихъ гимновъ, помѣщенными въ давнишнемъ Нѣмецкомъ Журналѣ: *der Lihtbote*, издававшемся *во Франкфуртѣ на Майнѣ*, 1806. Изданія, кои имѣлъ онъ подъ руками, были слѣдующія: 1) Древній Сборникъ Греческихъ стихотвореній, безъ заглавнаго листа и общаго названія. *Venetiis* ex officina Frarrea, 1593. 2) Orphica, Procli Hymni, Musaei carmen de Hero et Leandro, Callimachi Hymni et Epigrammata. Editio Stereotypa. Lipsiae. Ad ductum Hermanni.

Примѣчанія.

(1) Сіи другія стихотворенія суть: *Аргонавтика*, *Лиѳика* и нѣкоторые отрывки, уцѣлѣвшіе въ другихъ писателяхъ.

(2) Кто не знаетъ о чудесной силѣ игры Орфеевой, о его нисхожденіи въ адъ за Евридикою, столь прекрасно воспѣтомъ Виргиліемъ, о его путешествіи съ Аргонавтами, о его злополучной и трогательной смерти?

ВОСКУРЕНІЕ ПРИРОДѢ.

Ароматы.

О всехудожная матерь, благая богиня, Природа,
Живоначальный (1), верховный, вседѣйственный демонъ, (2) царица,
Всеодержащая, неодержимая, кормчій всезрящій,
Всесамодержица, первоверховная, чтимая всѣми,
Первенецъ вѣчности вѣчный, мать славная славныхъ издревле (3),
Нощи сопутница дивная (4), свѣтлая, полная таинствъ (5),
Мирно текущая въ присномъ безмолвіи тихой стопою (6),
Чиноначальница горнихъ святая (7), конецъ безконечный (8),
Общая всѣмъ и едина общенія чуждая вѣчно (9),
Самоотецъ, безъ отца, мощь (10) всюду точащая радость,
Цвѣтъ присноюный, умъ горній, любви всеспрягающій узелъ,
Вождь всѣхъ, глава всѣхъ, всѣмъ пищу и жизнь подающая дѣва,
Самозаконная правда (11), Харитъ всеименная прелесть (12),
Власть предержащая небо и землю и бездны морскія,
Злымъ нестерпимая горечь, покорнымъ (13) премірная сладость,
Всераздающая мудрость, всецарственный домовладыка,
Тукъ и масть спѣющей жизни, всеразрѣшитель созрѣвшей,

Ты всѣхъ отецъ, всѣхъ и мать, всѣхъ нѣжный води-
тель и пѣстунъ,
Всеродотворная благость, всеплодный во время (14)
духъ жизни,
Зодчій всехитрый, всеобразующій, демонъ державный,
Вѣчный вседвижитель (15), многосовѣтный, всевѣду-
щій разумъ,
Вихрями бурными присноклубящая токъ быстропле-
ный (16),
Всеувлекая и всеобращая преобразительной дланью (17),
Дивно-престольная, вѣчныхъ судебъ непреложный свер-
шитель,
Мощная, грозная (18), первовладычица скипшродер-
жавныхъ,
Всенизлагающій, неумолимый рокъ, дышущій пла-
мень (19),
Неистощимая жизни пучина, негибнущій промыслъ;
Все принадлежишъ тебѣ: ибо ты одна все устрояешь:
И, въ благодатный сей часъ, тебя, о богиня! молю я,
Здравіе, миръ и преспѣяніе миспосылать всѣмъ обильно!

Примѣчанія.

(1) *Ἔγρανια.* Такъ читаетъ Нѣмецкій переводчикъ Орфеевыхъ гимновъ, Мейеръ, производя сіе слово отъ *ἐγειρω, ἐγρω, возбуждаю, воодушевляю.* Геснеръ читалъ здѣсь: *ἐργανία, дѣлательница*, основываясь на подобномъ эпитетѣ, приписываемомъ Аѳинѣ: *ἐργανη.*

(2) Слово: *демонъ*, не смотря на усвоенное ему въ нашемъ языкѣ недоброе знаменованіе, удержано здѣсь

по недостатку другаго слова, которымъ бы можно было вполнѣ выразить Греческое слово: *δαιμων*. Происходя отъ кореннаго слова: *δαιω*, *знаю*, *вѣдаю* — слово сіе, составляющее любимый эпитетъ боговъ у Орфея, постоянно указываетъ на *вѣдѣніе*, какъ на неотъемлемую черту *личности*, коея покровомъ древняя Миѳологія облекала всѣ обоготворенныя ею силы природы.

(3) *Παλαιφατε, κυδιανειρα.* Всѣ великіе и дивные мужи, украшавшіе древній міръ — эпоху полу-боговъ и героевъ, были неоспоримо любимые первенцы *природы*, кипѣвшей тогда неистощенною еще полнотою юной жизни.

(4) *Геката* или обоготворенная *луна* составляла для древнихъ символъ *природы*, коея творческія дѣйствія совершаются во глубинѣ сокровеннаго безмолвія, въ нѣдрахъ таинственной нощи.

(5) *Природа* есть святилище горнихъ таинствъ. Ея явленія суть священные іероглифы, въ коихъ око мудраго разгадываетъ таинственныя судьбы вѣчности, облеченія ризою времени.

(6) Продолженіе олицетворенія таинственной дѣятельности великой богини — *природы*, подъ многознаменательнымъ образомъ кроткаго и безмолвнаго теченія мирной царицы нощи!

(7) *Κοσμητειρα Θεων*. *Богъ*, какъ олицетворенныя силы *природы*, образуются по ея непреложнымъ законамъ въ стройный и гармоническій *чинъ* или порядокъ, коего прекраснѣйшее произведеніе есть дѣйствительный міръ (*κοσμος*).

(8) Она оканчиваетъ непрестанно все и сама никогда не кончается.

(9) Кто раздѣляетъ ея неизслѣдимые совѣты? Кто осмѣлится наименовать ее своею сестрою или супругою? Ни одинъ смертный не можетъ подъять ея

таинственнаго покрова. И между тѣмъ она присуща всему и во всемъ является.

(10) Ἀρετη. Мощь, исполненная благости — *добродѣтель*, не какъ нравственное совершенство, но какъ сила.

(11) Она одна есть законъ для всего и даже для самой себя; ея непреложные уставы изрекаются ею самою.

(12) Venustatum Suada — у Скалигера. Безчисленноразновидными кроткими ласками она манитъ все къ своимъ цѣлямъ.

(13) Повинующимся ея мудрымъ уставамъ.

(14) Природа есть мудрая и прозорливая матерь, знающая всему свое время: ея плоды всегда зрѣлы и спѣлы.

(15) Начало всемірнаго движенія, *primum mobile*.

(16) Безбрежный океанъ вещей и явленій, непрестанно волнуемый и клубимый вихремъ всеизмѣняющей преемственности! — Какое высокое изображеніе царства *природы!*

(17) Дивное волненіе великаго океана существъ природы древній отецъ поэтовъ умѣлъ изобразить дивно-составленнымъ словомъ: *αλλοτριομορφοβιαιτος*. На нашемъ языкѣ слово сіе равносильнаго имѣть не можетъ, и посему замѣнено перифразомъ.

(18) *Βαρυβρεμέτειρα. Грозно-ревущая*, въ своихъ ужасающихъ явленіяхъ — орудіяхъ горней кары.

(19) Животворящая *теплота*, животносный *огнь* — начало вещественной *жизни*.

ВОСКУРЕНІЕ ПРОѲИРЕѢ.

Стиракъ (1).

Призри, богиня всечтимая, всепрепрославленный демонъ,

Дѣторожденія скорби крошащая, брачныхъ ложь сладость,
Слабыхъ помощница женъ, чадолюбная, полная ласки,
Родотворящая, смертнымъ отрада въ скорбяхъ, Проэирея (2)!
Ключесдержавная, благопоспѣшная, нѣжная мать всѣхъ,
Мирныхъ семействъ покровительница, собесѣдница пиршествъ,
Поясъ рѣшащая дѣвъ, сокровенная, зримая всюду (3),
Дѣтородящихъ дѣлящая скорби и радость родившихъ!
О Илиѳія (4), люпыхъ страданій крошащая горечь!
Ты составляешь одна чревоносящихъ отраду:
Ибо въ тебѣ онѣ горькихъ забвеніе мукъ обрѣтаютъ!..
Артемида Илиѳія (5), добльственная Проэирея!
Призри, благая, на насъ! ниспосли благодатно намъ племя
И сохрани, какъ всегда сохраняешь и всюду!

Примѣчанія.

(1) Орфеевы гимны вообще называются *воскуреніями* (*Θυμιαματα*); поелику пѣніе ихъ обыкновенно сопровождалось благовоннымъ куреніемъ въ честь воспѣваемыхъ ими боговъ. Надъ каждымъ изъ нихъ находится также и имя вещества, коимъ куришь надлежало. Здѣсь это вещество есть *стиракъ* (*στυραξ*).

(2) *Проэирея*, на древнемъ миѳическомъ языкѣ, есть символъ всеродной силы природы, коея наипорженственнѣйшее проявленіе есть рожденіе человѣка. Это Римская *Люцина* (Lucina).

(3) *Сокровенная* — въ самой себѣ; *зримая всюду* — въ дѣйствіяхъ.

(4) Греческое имя *Илиѳія* (*Εἰλείθυια*) происходитъ отъ глагола: *ἐλεύθω*, *иду*, *прихожу*, и означаетъ дѣйственное соприсутствіе всеродной силы природы при *вхожденіи* въ жизнь человѣка.

(5) Многіе изъ древнихъ признавали *Илиѳію* особенною богинею и почитали ее дочерью Иры. *Пиндар.* Нем. 8. *Омир. Ил.* п. 187. Но обыкновеннѣе смѣшиваютъ ее съ *Артемидою*, или олицетвореннымъ образомъ луны, коея таинственное вліяніе на образованіе и рожденіе человѣковъ составляло предметъ вѣрованія для древнихъ. *Οἶμαι τὴν Ἄρτεμιν Λοχείαν, καὶ Εἰλείθυιαν, οὐκ οὖσαν ἑτέραν ἢ τὴν Σελήνην, ὀνομάσθαι. Плут.* Симп. III. 10. См. *Платон.* Θεαιτ. *Каллимах.* Гимн. Діан. У Римлянъ *Люцина* смѣшивалась иногда съ *Юноною*. *Діон. Галикар.* о Древн. Римск. IV. 12. *Цицер.* о Естеств. бог. III. 27.

ВОСКУРЕНІЕ НОЩИ.

Головня (1).

Нощь, боговъ и человѣковъ родительницу, воспѣваю:
Нощь всѣхъ начало: ее мы именуемъ Кипридой (2)!
Призри, благая богиня, сапфирная, звѣздноязлатая,
Дремлющихъ сладко пустынь и безмолвныя нивы подруга,
Мудрая (3), кроткая, всеощно-бдящая, мать сновидѣній,
Врачъ благодатный душевныхъ скорбей, утомленныхъ отрада,

Всѣмъ вожделѣнный сонъ льющая, сумракъ златый,
Быстролетучный,
Полъ полноты (4), то земли, то небесъ достойніе
горнихъ,
Круговращаясь, игриво текущая въ нѣдрахъ воздушныхъ,
То преисподнимъ свѣтъ льющая, то нисходящая снова
Въ пропасти ада, по вѣчнымъ судьбы непреложной
законамъ!
Днесь, о блаженная, всевожделѣнная, Нощь всеблагая,
Всеблагодашная, нашихъ молитвенныхъ пѣсней вонми
гласъ,
Благопоспѣшно снидь и прожени отъ насъ ужасы мрака!

Примѣчанія.

(1) Разумѣется — изъ благовоннаго дерева: кедровые бруски и т. п.

(2) *Нощь* (*Νύξ*) на миѳическомъ языкѣ имѣетъ многіе смыслы. Иногда она означаетъ обыкновенную ночь, противоположность дня; а иногда — исконную *перво-нощь*, тьму надъ бездною водъ, хаотическую матерію; а посему — матерь всѣхъ вещей и даже самыхъ боговъ или силъ природы. *Киприда* или *Венера* есть только другое имя одного и того-же понятія: страждущее начало и основное перво-вещество всѣхъ существъ. Египетское имя ея есть *Аворъ*. Даже и обыкновенная ночь является родотворною Кипридою: поелику въ ея священномъ безмолвіи зачинаются и предуготовляются величайшія таинства природы.

(3) По разумѣнію Геснера, Греческій эпитетъ *εὐφροσύνη*, приписываемый здѣсь нощи, не столько

означаетъ *радость*, сколько *мудрость*, или точнѣе, *благомудріе* — въ силу кореннаго своего словопроизводства. Посему слово сіе есть не что иное здѣсь, какъ синонимъ слову: *εὐφροντη*, коимъ Греки называли ночь, какъ время, наиболѣе располагающее къ мудрости и глубокомыслію.

(4) Т. е. половина сушокъ, составляющихъ полное цѣлое.

ВОСКУРЕНІЕ УРАНУ.

Анапесты.

Всеродотворный Уранъ (1), невешшающее звено міра,
Перворожденное искони всѣхъ начало, конецъ всѣхъ,
Космосъ отецъ (2), шаровидно ошвсюду объемлющій землю,
Свѣтлый блаженныхъ боговъ чертогъ, вихреобразно кружимый,
Земно-небесный, надъ всѣми поставленный бодрый блюститель,
Въ лонѣ носящій святые уставы воевластнаго рока (3),
Неодержимый, всесущный, лазурный, лѣпообразный,
Кроновъ всезрящій сынъ (4), демонъ блаженный, всепревознесенный!
Призри и жизнь новосвятимому благочестную даруй!

Примѣчанія.

(1) *Уранъ* есть символъ творящаго начала природы, изъ сочетанія коего съ Реею, какъ творимымъ на-

чаломъ, образовался весь сонмъ существъ. Это олицетворенный образъ *неба*, какъ блаженной отчизны животворящихъ невидимыхъ силъ, таинственно и вседѣйственно оплодотворяющихъ мать-землю.

(2) На миѳическомъ языкѣ *Уранъ* есть мужеское, дѣйствующее, осѣменяющее — *Рея* женское, страждущее, осѣменяемое начало вселенныя.

(3) Даже самое видимое *небо* составляло для древнихъ таинственный свитокъ, въ коемъ непреложные уставы судьбы изображены неизгладаемыми яркими буквами.

(4) Уранъ и Рея суть дѣти *Хроноса*, или овременившейся вѣчности.

ВОСКУРЕНІЕ ПРОТОГОНУ.

Смирна.

О Протогонъ (1)! двоесущный (2), великій, эфиробѣжный,
Яицеродный (3), крилами златыми носимый! тебя призываю!
Вологласный (4), и смертныхъ и безсмертныхъ начало,
Свѣтъ препрославленный, всепоклоняемый Ирикапсонъ (5),
Неизреченный, таинственный, звукородитель, цвѣтъ яркій (6),
Мрачную мглу разгоняющій присно-златыми очами,
Всюду парящій на быстрыхъ крилахъ по обителямъ міра,
Дѣйственный свѣтъ лія! И по сему я тебя величаю Фанисомъ (7),

Круглоокимъ Антавгисомъ (8), царедержавныхъ Пріа-
помъ (9)!
Сниди-жъ днесь, мудрый, благій, животворящій, къ намъ
радостотворно
На совершеніе таинствъ всепразднественныхъ, дивныхъ, священныхъ!

Примѣчанія.

(1) Сей гимнъ, по сознанію мудрѣйшихъ испытателей древности, принадлежитъ къ наидревнѣйшимъ; и между тѣмъ предметъ его неоспоримо составляетъ *свѣтъ*, *первородный* (*πρωτογόνος*) сынъ хаотической перво-нощи! Тогда какъ сія исконная перво-матерь существъ именуется Венерою, *свѣтъ* есть оный животворящій Амуръ или Еросъ (*Ἔρως*), окрыленный духъ всесдружающей любви, торжественно носящійся надъ неустроенной бездною борющихся элементовъ. Въ Египетской Миѳологіи *Ѳоасу* предоставлена сія таинственная дѣятельность.

(2) *Перво-свѣтъ*, какъ и вся природа въ своихъ явленіяхъ, *двоесущенъ*, или точнѣе, *двуполъ* (*δίφυης*): поколику двойственность есть существенный законъ бытія феноменальнаго. Quicquid existit est synthesis oppositorum.

(3) Произникшій изъ великаго первобытнаго *яйца*, означавшаго на іероглифическомъ языкѣ Египтянъ первобытную хаотическую матерію.

(4) *Ταυροβοιν*. Германъ читаетъ вмѣсто сего слова, находящагося въ самомъ древнѣйшемъ изданіи Орфея (Venet. 1593): *ταυροπων*, безъ всякой основательной причины и правъ несправедливымъ предлогомъ: *viam monstrante codice Voss.* Тамъ напро-

тивъ стоитъ: *καυρσαν*, изуродованное слово, указывающее скорѣе на пропускъ слога *βο*, чѣмъ на чтеніе Германово. Понятіе звучности ни мало не несовмѣстимо съ понятіемъ *свѣта*: древняя мистическая физика имѣла уже предощущеніе о тождествѣ начала свѣта и звука.

(5) Весь стихъ сей въ древнемъ изданіи читается совершенно иначе:

Ος τε πολύμνηστον πολύογριον εὕρηκε παγὰν.

Но сіе чтеніе, нарушающее самый стихотворный метръ, естественно должно уступить чтенію, возстановленному *Мейеромъ* (Blät. f. höh. Wahrh. T. 1. p. 318):

Φὼς τε πολύμνηστον, πολύογριον, Ἡρικεπάϊον.

Дѣло только состоитъ въ открытіи настоящаго значенія послѣдняго весьма страннаго слова: *Ἡρικεπάϊον*, или *Ἡρεκαπάϊον*. *Геснеръ* переводитъ оное: den gefeyerten Frühlingsgärtner; но гораздо можетъ быть справедливѣе производить оное съ *de Rossi* (Etymol. Aegypt. p. 53) отъ Коптскаго *Erkepaï* — *жизнодавецъ*, *животворящій*. Cn. *Creuzers Symbolik*, *Th.* III, S. 308. Что-жъ касается до перваго слова, коимъ начинается стихъ; то перемѣна *ὃς τε* на *φὼς τε* опирается на достаточныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ критическихъ основаніяхъ. Напротивъ, Германово чтеніе: *σπέρμα πολύμνηστον*, слишкомъ натянуто и дипломатически невѣроятно.

(6) Отношеніе *свѣта* къ міру растѣній и цвѣтамъ очень понятно.

(7) *Φανης* — являющійся и начало всякаго явленія.

(8) *Λνταυγης* — яркій, блестящій.

(9) *Πριαπος* — богъ садовъ, сынъ Вакха и Венеры — начало оплодотворенія.

ГИМНЪ ГЕКАТѢ (1).

Славлю Гекашу (2) драгую, пушей и распушій царицу (3),
Горнюю, дольнюю, моредержавную, лѣновлашую,
Мирныхъ подругу гробовъ, сликовашельницу душъ усопшихъ (4)
Рьяную, любопусшынную, сшрасшную къ бысшрымъ еленямъ,
Мракодружную ловчую (5), власшную нодолимо,
Волоносимую, ключехранишельницу всего міра,
Дѣволюбивую дѣву, царсшвенную горъ подругу!
О! соприсущсшвуй молящихся священнодѣйсшвію, дѣва!
Пасшыря духъ исполняя чисшымъ веселіемъ присно!

Примѣчанія.

(1) Въ древнемъ изданіи Орфеевыхъ сшихошвореній гимнъ сей соединялся неразрывно съ *молишвою*, посвященною Орфеемъ Мусею и сосшавляющею какъ-бы всшупленіе въ его гимны. Посему онъ и не имѣешъ заглавія подобнаго прочимъ. Въ Германовомъ изданіи онъ сосшавляешъ первый Гимнъ, подъ заглавіемъ: Ὕμνος εἰς ἑκάτην.

(2) *Гекаша* есшь олицешворенная луна, сесшра и сопушница живошворнаго *Иліоса*. Имя ея происходишъ ошъ: ἑκάς, *далеко*, и означаешъ дальномешносшь сшрѣлъ ея.

(3) Пуши и распушія сосшояли подъ благодашнымъ покровишельсшвомъ *Гекаты* и украшались ея жершвенниками; вѣроящно пошому, что въ знойныхъ сшранахъ Восшока пушешесшвія совершаюшся обы-

кновенно подъ прохладнымъ покровомъ ночи, при дружественномъ сопутствіи луны.

(4) Между мирнымъ свѣтомъ луны, борющимся кротко съ нощными мраками и временнымъ усыпленіемъ безсмертныхъ душъ въ мрачныхъ нѣдрахъ безмолвныхъ могилъ — находится нѣкое таинственное соотношеніе, легко постигаемое чувствомъ и воображеніемъ. Отсюда — на поэтическомъ языкѣ всѣхъ временъ и народовъ — луна есть подруга гробовъ, царица тѣней, мать призраковъ.

(5) Лунныя ночи наиболѣе благоприятны охотѣ. Отсюда — охотничій костюмъ, коимъ древняя Миѳологія облекаетъ Гекату.

ВОСКУРЕНІЕ РЕѢ.

Ароматы.

Рея (1) державная, многообразнаго дщерь Протогона (2),
Священноральнымъ ярмомъ воловъ единящая выи (3),
Тимпаношумная, кимвалозвучная, бурная (4) дѣва,
Мать Олимпійскаго эгидоносца, владыки Зевеса (5),
Лѣпообразная, чтимая всѣми, супруга блаженная Крона (6),
Дикихъ утесовъ и шумныхъ, неистовыхъ воплей подруга,
Браннозвучащая, яростнобурная (7), міроцарица,
Лестію спастая все (8), всеразрѣшительница и всеначало;
Ты и безсмертныхъ и смертныхъ едина блаженная матерь:
Ибо тобой рождены и земный долъ и горній сводъ неба
И море; ты вихрями дышешь, царица воздушная бѣга (9)!
О! преклони-жь къ намъ, благая богиня, свой взоръ благодатный,

Миръ имъ послю низлей на насъ непреходящія блага,
Грѣхъ же и смерть прожени далеко за предѣлы вселенной!

Примѣчанія.

(1) Рея есть символъ природы вообще, и въ особенности — земли. Сіе послѣднее значеніе имѣетъ она въ символикѣ древнихъ преимущественно тогда, когда смѣшивается съ Цибелою.

(2) Протогонъ есть символъ первосвѣта: природа есть дщерь его.

(3) Сей стихъ въ нашемъ экземплярѣ читается слѣдующимъ образомъ:

Нт' ἐπὶ ταυροφόρον ἱεροτροχον αἷμα τιταίνεις;

Но сіе чтеніе не представляетъ совершенно никакого смысла; поелику слово: *αἷμα*, означающее: кровь, ни въ буквальномъ, ни въ переносномъ смыслѣ не можетъ имѣть никакой связи съ представляемыми здѣсь понятіями и образами. Мейеръ читалъ вмѣсто *αἷμα* — *ἅμμα*, узелъ, союзъ, петля, и потому перевелъ стихъ сей такъ:

Die du das heilige Farrengespann mit dem Joche beherrschest;

я старался удержать въ своемъ переводѣ тотъ-же самый смыслъ. Но между тѣмъ самъ Мейеръ сознаётся, что другіе читаютъ здѣсь вмѣсто *αἷμα* не *ἅμμα*, а *ἅρμα*, колесница, возница; что однако кажется несовмѣстнымъ со всеобщепринятымъ въ древности изображеніемъ Реи, коея колесница влечется не волами, а львами. Германъ хотѣлъ разумѣть подъ словомъ: *ἅρμα* — плугъ или рало; но сіе изъясненіе, впрочемъ довольно натянутое, совпадаетъ съ принятымъ у Мейера смысломъ: и посему чтеніе Мейерово, какъ болѣе обыкновенное и спо-

собнѣйшее къ легкому и естественному изъясненію, кажется, заслуживаетъ предпочтеніе.

(4) Празднества въ честь Реи совершались всегда при звукѣ тимпановъ и кимваловъ съ буйными и неистовыми воплями.

(5) Сего стиха недостаетъ въ нашемъ экземплярѣ.

(6) Рея — супруга Крона, по древней Миѳологіи: сіе символъ сочетанія природы съ временемъ, произведшаго рожденіе всѣхъ вещей.

(7) Оргіи Реи совершались преимущественно на дикихъ и пустыхъ утесахъ. Природа, коея она символъ, является вездѣ благодѣтельною и достолюбезною; но на горахъ и въ пустыняхъ она облекается ужасами премірнаго величія и внушаетъ благоговѣйный страхъ и трепетное изумленіе. Туда-то стекались шумныя толпы празднующихъ: и дикіе, буйные вопли, сопровождаемые звукомъ музыкальныхъ и бранныхъ орудій, оглашали пустынные холмы въ честь грозной всематери — природы.

(8) Извѣстное баснословное преданіе о спасительномъ обманѣ, посредствомъ коего Рея спасла дѣтей своихъ отъ ярости всепожирающаго Крона.

(9) *Φιλόδρομε*, любительница бѣга, бѣголюбивая: я перевелъ сіе слово выраженіемъ: *царица бѣга*, которое уже введено въ нашъ языкъ и означаетъ точно сіе же самое понятіе. Здѣсь очевидно изображаются атмосферическія явленія природы.

(1)

ГИМНЪ КУРЕТАМЪ.

Горніе лики Куретовъ (1), скачущіе въ строяхъ бранныхъ;

Вьющіеся, стопозвучные, шумные гости утесовъ,

Лиробряцающіе, легконожные, чуждые лада (2),

Ликовожди свѣтлогласные, оруженосные стражи,
Спутники матери горолюбивой (3), жрецы буйныхъ Оргій:
Благоприятно къ намъ снидьте на гласъ нашихъ радостныхъ пѣсней
И благодатнымъ на пастырей окомъ всегда призирайте!

Примѣчанія.

(1) Кажется, что Куреты древней Миѳологіи суть не что иное, какъ олицетворенные вѣтры. Симъ легко изъясняются всѣ символическіе эпитеты, здѣсь имъ приписываемые.

(2) *Παράρυθμοι*, несоблюдающіе риѳма, мѣры, лада къ своихъ вопляхъ и движеніяхъ.

(3) Это Рея, обыкновенно сопровождаемая Куретами въ древнихъ Миѳахъ. Она именуется *ὀρειομανῆς*, любящая горы до безумія, горонеистовая, горобѣснующаяся.

ВОСКУРЕНІЕ ЗВѢЗДАМЪ.

Ароматы.

Звѣздъ (1) небесныхъ святый свѣтъ днесь призывать я дерзаю,
Благоговѣйныя пѣсни горнимъ духамъ возсылая!
Звѣзды небесныя, мрачныя ноши любезныя чада,
Кругообразно віющіяся окрестъ горняго трона,
Свѣтлозлатыя, огнистыя, всеродотворныя присно,
Рокочреватыя (2), вседержащаго вѣстницы рока,

Правящія по велѣніямъ вышнимъ сшези земнородныхъ,
Седмосвѣтлыя (3) очи, стрегущія міръ изъ странъ горнихъ,
Земнонебесныя, неутомимыя въ пламенномъ бѣгѣ,
Нощи сквозь мрачный покровъ прозирающія непрестанно,
Блескъ искрометный лiющія (4), зоркія спутницы мрака:
Снидьте къ намъ, въ священнодѣйственный часъ изъясняющихъ таинствъ,
И начинаемый путь благихъ дѣлъ благодатно совершите!

Примѣчанія.

(1) Здѣсь призываются Звѣзды, какъ обладательницы низшей натуры, какъ представительницы рока и устроятельницы временъ, ради благодѣтельнаго ихъ вліянія на міръ, преимущественно оказывающагося въ часы совершенія таинствъ.

(2) *Μοιρίδιοι*, роконосныя, роковыя. Мейеръ перевелъ: schicksalschwangre: и я осмѣлился, по примѣру его, составишь подобное Русское слово, которое точь въ точь выражаетъ смыслъ Нѣмецкаго и силу Греческаго слова.

(3) Это конечно относится собственно къ такъ называемымъ семи планетамъ.

(4) *Μαρμαρυγαῖς στιλβοντες*, собственно: испускающія блестки подобно мрамору. У Мейера просто: Flimmernd mit regem Geschimmer.

ВОСКУРЕНІЕ ОБЛАКАМЪ.

Смирна.

Сонмъ облаковъ (1) плодотворныхъ, воздушныхъ, блудящихъ по небу,
Дождеиосящихъ, гонимыхъ по шверди дыханіемъ вѣтровъ,
Громочревящихъ, пламеиосящихъ, ревущихъ, всевлажныхъ,
Въ лонѣ воздушномъ клубящихся грозно съ грохотомъ ярымъ,
Вихрями рѣемыхъ всюду, рокочущихъ въ бурныхъ раскатахъ:
Васъ я молю, росоносныя! крошкимъ дыханьемъ зефировъ
Плодообильные ниспосылать дожди на нашь — землю.

Примѣчаніе.

(1) Орфеевъ Пантеизмъ, уже искаженный, *опоэтизированный* (облеченный въ пінтическія формы) осшанокъ древняго шаинственнаго ученія, обоготворяешъ не шолько всѣ силы природы, но и всѣ ея явленія. Посему и самыя облака сушь для него превышеземныя силы, коимъ подобаешъ воскуреніе. Подобныя олицешворенія имѣюшъ цѣну шолько какъ игривыя мечшы фаншазіи и какъ опышы шого неподражаемаго искусства, съ каковымъ Греки умѣли сообщашь прекрасную оболочку искажающимся осшанкамъ древней мудросши.

3. ЗОЛОТЫЕ СТИХИ ПИѲАГОРА.

Впе́рвые — горнимъ безсмертнымъ богамъ, по законному чину,
Честь воздавай! Свяши клятву! Вкупѣ и дивныхъ героевъ
И преисподнихъ чти демоновъ жертвой святою законной;
Чествуй родившихъ тебя и ближайшихъ твоихъ однокровныхъ:
Дружбы жъ ко прочимъ мѣриломъ да будетъ тебѣ добродѣтель!
Рѣчь да красуется скромностью, дѣйствія — общею пользой!
Бойся расторгнуть цѣпь дружбы за малый, ничтожный проступокъ,
Сколько возможно; гдѣ жъ нужда, намъ есть и возможность!
Вѣдай сіе и храни! — Приучайся быть также владыкой —
Чрева вопервыхъ, и сна, и плотскихъ вожделѣній нечистыхъ,
Вкупѣ и гнѣва! Постыдныхъ дѣлъ берегись и предъ другими
И предъ самимъ собой! Себя, паче прочихъ, стыдися!
Правды и словомъ и дѣломъ подвижникомъ будь неослабнымъ!
И возбраняй себѣ безъ разсужденія браться за дѣло!
Вѣдай, что всѣмъ суждено намъ быть жертвами смерти:

Наши жъ богатства — нынѣ копятся, а завтра погибнутъ!
Многія бѣдствія смертнымъ ниспосылаются свыше:
Сколько бъ тебѣ ни досталось, сноси терпѣливо и кротко!
Можешь конечно по силамъ и врачевать ихъ. — Такъ мысли:
„Не расточительна слишкомъ для добрыхъ судьба на напасти.“
Много и добрыхъ рѣчей и худыхъ доводится слышать
Намъ отъ людей: не смущайся ты ими и не попускай имъ
Разубѣждать тебя! Самую ложь, если слышать придется,
Кротко сноси! наипаче же то сохраняй, что скажу я:
„Да не возможетъ никто преклонить тебя словомъ иль дѣломъ
Ни къ словамъ, ни къ дѣламъ, твоему благу противнымъ!“
Прежде начатія дѣла, размысли: не глупо ли дѣло!
Признакъ безумія — слово иль дѣло весть не размысливъ.
То начинай и свершай, въ чемъ каяться послѣ не нужно!
Что не извѣстно, за то не берися; но выучись прежде
Нужнымъ вещамъ! и тогда потруится жизнь твоя сладко! —
Не небреги и о здравіи слабаго смертнаго тѣла!
Мѣру и въ пищѣ блюди и въ питьѣ и въ тѣлесныхъ рабошахъ:

Мѣрою жъ то называю я, что изнурить насъ не
можетъ.
Къ чистому, строгому образу жизни привыкнуть
старайся!
Остерегайся поступковъ, родящихъ ревнивую за-
висть!
Не безразсчетенъ въ издержкахъ будь, какъ безраз-
судные люди;
И не скупись же однако! Вѣнецъ совершенства есть
мѣра!
Предпринимай лишь безвредное, строго размысливъ
ши прежде!
Не попускай утомленнымъ очамъ предаваться по-
кою,
Прежде чѣмъ прижды весь день проведенный тобой
не осмотришь:
„Гдѣ я былъ? что я сдѣлалъ? и что несвершен-
нымъ оставилъ!“
Такъ начиная обзоръ свой отъ ранняго утра, окончи
Скорбью о злѣ, совершенномъ тобою, весельемъ —
о благѣ!
Это да будетъ трудовъ и заботъ и любви твоей
цѣлью!
И тогда на стезѣ добродѣтели ты утвердишься! —
Тотъ мой свидѣтель неложный, кто внѣдрилъ въ
нашъ духъ четверицу —
Вѣчной природы источникъ! — Ты жъ исходи самъ
на дѣло,
Съ чистой мольбою къ богамъ, да успѣешь! Когда жъ
окрѣпнешься,
Уразумѣешь тогда и боговъ безсмертныхъ и смерт-
ныхъ

Свойства: какъ все здѣсь преходитъ и чьею все держится силой!
Проразумѣешь святое единство природы повсюду,
Такъ что не будетъ въ ней тайнъ для тебя и пытливость исчезнетъ!
Уразумѣешь, что мы себѣ сами бѣды накликаемъ!
Бѣдныя твари! ко благамъ, разсыпаннымъ щедро вокругъ насъ,
Слѣпы и глухи!.. а противъ золъ рѣдко спорить умѣемъ!..
Горькая доля тягчитъ земнородныхъ!.. Какъ вихри кружатся,
Рѣясь туда и сюда, въ суетахъ, неусыпно грызущихъ!
Имъ безотлучно сопутствуетъ злобная тайная сила
Соприрожденная!.. Не раздражать ее, но убѣгать отъ ней!..
О всеблагій Зевесъ! иль изсуши для насъ бѣдствій пучину,
Иль покажи намъ, къ какому хранителю-духу прибѣгнуть! —
Ты же, о смертный! дерзай!.. нашъ корень въ божественномъ лонѣ:
Въ вѣно священныя тайны даны намъ: все вѣдать мы можемъ!
Если причастенъ ты ихъ, то моихъ не отринешь совѣтовъ,
Здравіе стяжешь, усталому сердцу дашь сладостный отдыхъ.
Снова напомню: стрегись запрещенныхъ яствъ! съ чистой душею

И разрѣшенной ощъ узъ, обсужай и осматривай
вещи!
Вождь швой верховный да будешъ всегда очищенный
разумъ! . .
И — когда свергнувъ шѣло, въ чистый эѳиръ вос-
паришь шы —
Будешь не смершный, но богъ присно-живый и
безсмершный!

*

Жизнь свою строго блюди, да не пожрушъ ее страсши!

Н. Н.

IV. СМѢСЬ.

1. Торжественное Посольство Англійской Королевы Анны къ Царю Петру, въ удовлетвореніе за оскорбленія, нанесенныя въ Лондонѣ Россійскому Посольству (*).

Объявленіе аудіенціи, какову имѣлъ у Его Царскаго Величества, нынѣшняго 1710 года, февраля въ 5 день, Ея Королевина Величества Великобританскаго, Чрезвычайной Посолъ, Комисаръ и Полномочной господинъ Карлъ Витвортъ.

1. Посыланъ по него Посла, съ Его Великаго Государя каретою, Кравчій Василей Ѳедоровичь Салтыковъ. А съ нимъ вмѣсто Мастера церемоніи, Стольникъ Аѳанасей Михайловъ сынъ Дмитреевъ. Да посылано-жъ было съ ними къ Послу 20 каретъ, знатнѣйшихъ особъ сего Государства, для Секретаря посольства, и дворянъ посольскихъ, ради того, что онъ господинъ Посолъ не имѣлъ публичнаго въ Москву въѣзду.

(*) Россійскій Посолъ Графъ Матвѣевъ въ Лондонѣ былъ посаженъ въ тюрьму по недоразумѣнію и дерзости заимодавца своего. Царь Петръ требовалъ удовлетворенія, и Англійскій уполномоченный Посолъ доставилъ ему торжественно извинительное письмо отъ Королевы Анны, на что Царь изъявилъ свое удовольствіе. — Подлинникъ сей нынѣ весьма рѣдкой книги, изъ которой есть выписка въ Дѣяніяхъ Петра Великаго, собранныхъ Голиковымъ, хранится въ библіотекѣ Коммиссіонера Московск. Универ. А. С. Ширяева. Помѣщаемъ ее вполнѣ.

2. Во время шея аудіенціи стояло въ замкѣ 2 полка гвардіи, которые поднявъ ружье на караулъ, и играя на инструментахъ, и поднявъ знамена, ему Послу надлежащую честь отдали.

3. Какъ Посолъ пріѣхалъ къ крыльцу Его Царскаго Величества палашъ, и у самой лѣстницы вышелъ изъ карешы, гдѣ его встрѣтилъ Комнатной господинъ Нарышкинъ.

4. На верху лѣстницы встрѣтилъ въ другой рядъ Околничей Князь Щербатовъ.

5. Въ сѣняхъ передъ палатою аудіенціи встрѣтилъ его Тайной Совѣтникъ, господинъ Мусинъ-Пушкинъ.

Его Царское Величество въ то время изволилъ стоять непокровенною главою подъ балдахиномъ у стола, гдѣ посторонь стояли Его Царскаго Величества кресты. Такожъ и онъ Посолъ при вступленіи въ палату аудіенціи былъ предъ Его Царскимъ Величествомъ непокровенною-жъ главою.

И какъ онъ, Его Царскому Величеству, три обыкновенные поклона отдалъ, и потомъ вступя на рундукъ говорилъ онъ Посолъ Его Царскому Величеству рѣчь послѣдующую, на Англинскомъ языкѣ, которая дабы отъ всѣхъ иностранныхъ и при томъ сущихъ иныхъ Полномочныхъ, Министровъ, выразумлена была, отъ его Секретаря Посольства на Нѣмецкомъ, а потомъ ради Россійскаго народа, отъ Секретаря Посольскихъ дѣлъ, по русски чтена.

Всепресвѣтлѣйшій, Вседержавнѣйшій Цесарь!

Не безъ особливаго сожалѣнія есть то, что я нынѣ Вашему Цесарскому Величеству о безчестіи, приключившемся господину Послу Вашему въ Великобританіи, напоминати принужденъ, и еще бы мнѣ гораздо чувствеппѣе было, ежелибы не имѣлъ имянной указъ и полную мочь предъявити, коль прилѣжно Ея Королевино Величество Великобританская, моя милостивѣйшая Государыня, трудилася, довольное за то награжденіе, и таковое учинити, каковое бы съ присущствующею оной справедливостію и великодушіемъ согласно было, такожъ и о непремѣнномъ приятствѣ, которое она всегда къ Вашему Цесарскому Величеству имѣла, и непремѣнно и непрестанно содержати намѣрена, явное свидѣтельство подало, и сколь скоро первая вѣдомость о семъ злодѣйственномъ безчестіи къ Двору дошла, то принужденъ преступники Королевинъ жестокій гнѣвъ чувствовати. Ибо оныхъ въ то-жъ окомгновеніе взяли, и предъ Ея Королевина Величествомъ въ судѣ разспрашивали, и въ заключеніе ввертли, и по вящей жестокости нашихъ земскихъ уложеній оные гонимы были, и какъ оные права не могли достаточны быти, то за безчестныхъ объявлены общимъ согласіемъ всего народа, въ Парламентѣ собранномъ, которой свѣту чрезъ приговоръ свой прошивность свою о учиненномъ далъ знати, и къ предбудуще-

ну помѣщанію шакоцыхъ самовольствъ потребное предъусмотрѣніе учинилъ. Такожъ оные напослѣдки, яко люди, всякія милости и защищенія недостойные отъ генеральнаго прощенія, которые Ея Королевино Величество всѣмъ своимъ подданнымъ, и весьма тѣмъ, которые наинесточайше противъ Ея освященной Особы погрѣшили, милостивѣйше соизволила дать, выключены и принуждены инымъ въ страхъ, Ея Королевина Величества, въ вышнемъ гнѣвѣ до сего числа пребывати. И дабы сія Королевская справедливость и пріятство въ свѣтѣ болѣе разгласилось, и знатнѣе быти могло, сего ради Ея Королевино Величество, меня высокимъ чиномъ своего Чрезвычайнаго Посла, Комисара, и Полномочнаго почтити, и полную мочь дати изволила, свою Королевскую Особу представляти, якобы она сама въ прибытіи была, дабы напередъ Ея достойномѣрное, высокое неудовольствованіе, и противность, о томъ безразсудномъ поступкѣ, надъ публичнымъ Министромъ учиненное объявити, а особливо надъ тѣмъ, котораго Ея Величество толь высоко почитаетъ; такожъ недостатокъ и недовольство нашихъ прежнихъ земскихъ уложеній въ такомъ чрезвычайномъ нарушеніи вселенародныхъ правъ, которыя бы достойно было по Вашего Цесарскаго Величества желанію, и по крайней жестокости принадлежало наказано быти, извинити, и послѣди Ваше Цесарское Величество усерднѣйше обнадежить, сколь

склонна она есть древнее между обоими Государствы, толь долго и счастливо бывшее цвѣтущее пріятство, и доброе согласіе содерживати; якоже сіе Ваше Цесарское Величество пространнѣе изъ настоящаго писанія, которое яко непремѣнно пребывающее напоминаніе Ея Королевина Величества, къ Вашему Цесарскому Величеству имѣющей великой склонности, и высокопочитанія, да будешъ усмотрѣнъ соизволите, и яко же мнѣ никоимъ образомъ сумнѣвашися не достоитъ, сице принадлежитъ мнѣ прилежнѣйше просити (имянемъ Королевы моей), чтобъ Ваше Цесарское Величество, все сіе обыкновенною брацкою склонностію воспріяти. Сей несчастливой случай отъ нѣкоторыхъ бездѣльныхъ людей учиненный Ея Королевину Величеству, и народу Брипанскому не причитати, но всеконечному забвенію предати, и оной паки Вашею высокою склонностію почтити великодушевнѣйше соизволите. Я же съ моей страны наивяще себя счастлива почитати буду, ежели къ сему великому дѣлу, еже обоимъ Государствамъ толь полезно и согласію Европы толь потребно, нѣкоторымъ образомъ что вспомощи возмогу.

Во время прежняго моего чину, отъ Вашего Цесарскаго Величества, мнѣ уже многократно воспріятые высокіе благодѣянія и знаки милости (которые я всегда со всякимъ возможнымъ благодареніемъ напоминати долженъ), подающи мнѣ упова-

ніе въ моей мовонаступленной комисіи, прочее время моего пребыванія, здѣ таковое-жъ склонное доступленіе получати, сколь часто я по указу моей милостивѣйшей Королевы при Дворѣ Вашего Цесарскаго Величества, что доносити имѣти буду въ заключеніе, принужденъ я о позволеніи просити, здѣ обрѣтающихся Британскихъ подданныхъ съ Вашего Цесарскаго Величества высокое защищеніе, ради ихъ свободнаго купечества вручити, къ чему ихъ предки, первой путь, чрезъ Архангельскую пристань, великими проторми и ущербомъ многихъ людей открыли.

Послѣ того Посолъ подалъ Его Царскому Величеству грамоту Королевина Величества Великобританской, въ которой написано:

Анна, Божіею милостію Королева Великобританская, Франціи и Ирландіи, защитительница вѣры, поздравляетъ и желаетъ всякаго счастливаго благополучія Пресвѣтлѣйшему и Державнѣйшему Князю, Нашему дражайшему брату, Великому Царю, и Великому Князю Петру Алексѣевичу, и прочее все полное титло.

Державнѣйшій, Нашъ дражайшій и любезнѣйшій Государь, брате! Мы уже къ Вашему Кесарскому Величеству писали, и наше чувствіе о несчастливомъ безчестіи, которое Вашему господину Послу предъ его отъѣздомъ отъ Нашего Двора случилося, дали знать. Мы послѣ того получили оное писаніе, которое Ваше Кесарское Величест-

во о томъ къ намъ отправить потрѣли, и обнадеживаемъ Ваше Кесарское Величество, что Мы со усерднымъ сестринскимъ сожаленіемъ изъ онаго усмотрѣли, коль досадно Вамъ сіе грубое преступленіе было, еже противо Вашея собственныя особы и величествія въ достоинствѣ Вашего Посла учинено, и Мы сіе толь наивяще къ сердцу восприяли, понеже Мы усмотрѣли, что Наши уложенія недовольны были толь совершенное удовольство подати, яковое Мы охотно хотѣли какъ ко объявленію Нашего вящаго чувствованія и немилости, о учиненномъ безчестіи, такъ и Вашему Цесарскому Величеству показати, коль желательны Мы есмы всякое надлежащее удовольствіе за учиненную толь доброму другу и союзнику досаду учинити. Но Мы принужденны признать, что въ тожде время Намъ особливое удовольство возбудило, когда Мы увѣдали, что Ваше Цесарское Величество желаете упредити всего несогласія, еже ради сего дѣла между Нами произойти можетъ. И коль высоко Вы Наше приятство имѣете, и како Вы тщитеся оное содержати, и явленіемъ знаковъ приятства и склонности основати. Мы уповаемъ сего ради Вашего братскаго приятства, что объявленіями учиненными отъ Нашего при Дворѣ Вашемъ пребывающаго Чрезвычайнаго Посланника, отъ времени до времени Нашимъ именемъ, уже Вашему Кесарскому Величеству о семъ дѣлѣ правое и подлинное состояніе увѣдомлено, изъ чего Ваше Ке-

царское Величество усмотрите, что Мы ни мало преступниковъ оправдати не мыслили, и оныхъ отъ суда отвлещи, но необходимые трудности древнихъ и основательныхъ уложеній надлежащихъ къ правленію Нашихъ земель, и людей помѣшательствомъ были, которые по своему чаемому не довольны будутъ, приговоръ толь жестокій учинити, яко Ваше Кесарское Величество по видимому сначала ожидали, и имѣемъ Мы надежду, что Ваше Кесарское Величество, какъ ради милости, такъ и справедливости, славный Государь, отъ Насъ, иже явно на себя переняли святымъ защищеніемъ уложеній быти, истязати не будете Нашихъ подданныхъ такимъ наказаніемъ наказовати, къ которому Мы по уложеніямъ права не имѣемъ. Однакожде Мы въ то-жъ время не оставили все оное исполняти, еже Мы мнили за вяще важно быти, дабы обое Вашему Кесарскому Величеству, и всему свѣту о усердности Нашего мнѣнія и попеченіи въ семъ дѣлѣ доказати, и дабы преступники къ таковому наказанію приведены были, елико тогда важнѣе уложенія сихъ Нашихъ государствъ позволяли, и дали Нашимъ Чиновнымъ, и Министрамъ Нашъ именный и повторительный указъ, оныхъ вящею жестостію гонити. И сей судъ потомъ съ вящимъ прилеганіемъ продолженъ, и ничего не оставлено, что токмо къ толь скорѣйшему рѣшенію вспомощи могло. Однакожде Мы обрѣтаемся принужденны Вашему Кесарскому

Величеству объявити, что ради частаго представленія за преступниковъ, и ради продолжительнаго и необходимаго образа въ судахъ и слушаніяхъ судебныхъ, о толь великой важности, и чрезвычайной натуры сего дѣла, въ которомъ въ древнихъ уложеніяхъ сего государства недовольно усмотрѣно, до сего числа еще не было въ силѣ Нашихъ въ правахъ обученыхъ совѣтниковъ, конечный приговоръ и рѣшеніе о семъ получити, и понеже Мы въ сей недостатокъ признаваемъ, и медленіе напередъ видимъ, которые по всему видимому во обыкновенномъ теченіи Нашихъ уложеніи произойти могутъ. И въ тожде время мы вяще желаемъ, прямый примѣчанію достойный знакъ, Нашего собственнаго чувствованія и немилости объявити и показати, коль зѣло сей случай Нашей всей землѣ и людямъ противенъ есть. Сего ради утвердили Мы актъ Парламентовой, которой торжественнымъ образомъ Великаго Совѣта и собранія Нашего государства Великобританскаго изготовленъ, въ которомъ вяще подлиннѣйшее объявленіе справедливой противности учинено, и уже Наши подданные всѣ о семъ насильствіи имѣютъ, и всѣ такожъ акты и поступки персональное заарестованіе Вашего Кесарского Величества Посла надлежаще уничтожены, и изъ записокъ Нашего Надворнаго Суда почернены, и винные яко злодѣйные преступники вящимъ голосомъ всего народа оглашены, и къ наказанію тогда важнаго на-

казанія опредѣлены, и ежели впредь которые люди таковой вины приточны будутъ, или коимъ образомъ, привиліямъ Пословъ, или чуждыхъ иныхъ Министровъ ущербъ учинятъ, то оные наижесточайшимъ наказаніемъ подвержены будутъ, которыми свободная и необязанная сила судей, которымъ въ семъ новомъ уложеніи границъ не предписано наказати за благо ихъ изобрѣтутъ таковымъ образомъ, что все досажденіе таковой натуры впредь упреждены, и безопасность которую Министромъ всѣхъ Государей имѣни, симъ торжественнымъ не давно учиненнымъ учрежденіемъ утверждена и сохранена и сіе напамять всѣмъ предкомъ пребудетъ, какую великую честь Вашему Кесарскому Величеству являли и такожде всѣ будущіе Министры, сіе чрезвычайное уложеніе къ своему защищенію, особливому почитанію, которое Мы и Наше государство Вашему Кесарскому Величеству къ чести имѣемъ приписати принуждены. И понеже Вашему Кесарскому Величеству не можетъ безвѣстно быти, что Мы всѣ возможное прилѣжаніе прилагали преступниковъ гонити и наказати, хотя не съ такимъ дѣйствомъ яко Мы желали, и понеже Мы сіе къ тому привели, что оные которые всѣхъ Нашихъ подданныхъ Великобританскихъ представляютъ, акту изготовили какъ ко утишенію учиненнаго, яко ко остереженію будущихъ своевольствій, сего ради просимъ Ваше Кесарское Величество, все оное еже Мы съ Нашей стороны

учинили, яко вящее еже къ Вашему удовольствію, здѣ учинитися могло, склонно восприяти, чѣмъ Ваше Кесарское Величество Намъ вящій опытъ Вашей братской непременной склонности подалите. и можете обнадежены быть, что Мы съ Нашей страны не оставимъ лучшимъ образомъ, и во всякихъ случаяхъ равномѣрныя знаки Нашего постояннаго пріятства и высокоподражанія показывати. И дабы Мы ничего еже еще въ Нашей силѣ къ надлежащему удовольству не оставили, сего ради Мы за потребно изобрѣли достойную особу избрати явственнѣйше, и торжественнѣйше, Вашему Кесарскому Величеству обое, Нашу противность о учиненномъ злодѣяніи объявити, и коль Намъ печально есть, что не въ Нашей силѣ обрѣтается преступниковъ по достоинству наказати. И понеже Нашъ вѣрнолюбезный Карлъ Витвортъ Гербонсецъ, такъ ради своего искусства во всѣхъ ему повѣренныхъ дѣлѣхъ, и ради своихъ добрыхъ поступокъ, уже многіе лѣта при Вашемъ Кесарскаго Величества Дворѣ, Наше благоволеніе заслужилъ, сего ради Мы ему особливое достоинство, и комисію дали, Нашу особу яко Нашъ чрезвычайный Посолъ въ семъ случаѣ представляти, и таковыя извиненія и изъясненія Нашимъ именемъ учинити, которыя уповаемъ совершенно къ Вашего Кесарскаго Величества удовольству будутъ. И мы просимъ симъ Ваше Кесарское Величество, пріятно помянутаго Карла Витворта, яко Нашего къ сему дѣлу

опредѣленнаго Чрезвычайнаго Посла допустити, и приняти, и оному еже онъ Нашимъ Королевскимъ именемъ доносити будетъ, совершенную вѣру придагати яко-бы Мы особою присутственно оное чинили.

Мы хощемъ еще сіе, яко знакъ Нащего подражанія къ Вашему господину Послу, которому сія досада учинилася присовокупити, что понеже Намъ его персональное искусство и достоинство, когда онъ при Нашемъ Дворѣ резидовалъ, извѣстно было, того ради Намъ толь болѣзненнѣе, что такая досада обое особѣ, таковой заслуги и отмѣнности, и Послу толь великаго Государя и добраго союзника случилася. При заключеніи желаемъ Мы, дабы Всемогущій Податель всѣхъ счастливостей свое небесное благословеніе на Вашего Кесарскаго Величества особу и Королевства подать изволилъ, и вручаемъ Васъ во Онаго святое защищеніе.

Дано въ Нашемъ Дворѣ Нашего Королевскаго замка Винзора, Августа въ 15 день, 1709 го году, государствованія Нашего 8го году.

Ваша склоннѣйшая сестра

Анна Королева.

Его Царское Величество послѣ того изволилъ учинить самъ ему господину Послу послѣдующей отвѣтъ.

Надлежало было Ея Королевину Величеству Намъ дать удовольство, и по желанію Нащему тѣхъ преступниковъ по обыкаю всего свѣта наиместочайше наказати;

однакожъ понеже Ея Величество чрезъ васъ Посла своего Чрезвычаинаго извиненіе Намъ приносить повелѣла, что того за оскудѣніемъ прежнихъ правъ государственныхъ учинити не могла и для того общимъ согласіемъ Парламента новое право о томъ для впредь будущаго учинила — того ради присылемъ Мы то за знакъ Ея приязни и награжденіе, и повелимъ Министромъ своимъ съ вами въ конференціи то дѣло ко окончанію привесть.

Потомъ господинъ Посолъ отпущенъ с такимъ-же поведеніемъ какъ и принятъ назадъ провоженъ. И господину Салтыкову отъ Его Царскаго Величества указъ былъ данъ его три дни тракговать.

При той публичной аудиенціи были всѣ знатнѣйшіе господа сего Государства какъ и всѣ при Его Царскаго Величества дворѣ пребывающіе чужестранные Министры к тому призваны были.

И Февраля въ 9 день былъ онъ Посолъ на конференціи съ Его Царскаго Величества Министры въ дому у его Высокографскаго Сіятельства Государственнаго Канцлера Графа Головкина, при которой конференціи то досадительное дѣло ко обоихъ Высокихъ странъ удовольству окончаніе восприяло, и заходящіе несогласія между Ими всѣ пресѣченны, и древняя дружба и согласіе между обоихъ Величествъ возобновлена.

Печатано въ Москвѣ 1710 въ Маіи.

2. Іоаннъ Ексархъ Болгарскій.

Въ библіотекѣ Князя М. Н. Голицына хранится Сборникъ, писанный полууставомъ, подходящимъ въ срединѣ книги къ скорописи, на лощеной бумагѣ, въ листъ, безъ означенія числа страницъ. Сборникъ сей содержитъ слѣдующее:

1. Іоанна прозвитера ексаръха болгарьскаго предословие книзѣ с҃таго іоанна дамаскіна, иже и приложи ея. — 2 лис. съ $\frac{1}{4}$.

2. Іоанна дамаскина, сказаніе главамъ, еѯарха. — 1 листъ съ $\frac{1}{4}$, съ малою фигурною виньеткою предъ началомъ.

3. *Святаго іоанна дамаскина слово* первое о бозѣ, іоанна, еѯархъ. — За симъ слѣдуютъ прочія слова (всѣхъ 54), въ строку, отдѣляясь однимъ киноварнымъ заглавіемъ. Предъ первымъ изображеніе Дамаскина красками и большая фигурная виньетка. 101 листъ. (Означенное здѣсь и ниже курсивомъ, въ подлинникѣ написано стенографически.)

4. *Книга с҃таго іоанна дамаскина философская* о осмих҃ частехъ слова. — 7 листовъ съ $\frac{1}{4}$; предъ началомъ большая фигурная виньетка.

5. Посланіе с҃таго іоанна дамаскина, с҃тому и б҃гопочтенному козмѣ с҃щенному епк҃пу малоумскому, іоаннъ инокъ сл҃о.а҃. гл҃а. а҃. — Сіе посланіе не отдѣляется отъ

предыдущей книги и состоитъ изъ множества главъ философскаго содержанія; первая глава не имѣетъ особеннаго надписанія, кромѣ вышеозначеннаго, вторая о разумѣ, третья о мысли, четвертая о философіи, пятая о сущемъ, существѣ же и случаи; прочія не занумерованы. Первыя изъ сихъ главъ снабдѣны многими примѣчаніями и поправками, по видимому позднѣйшими. 23 листа съ $\frac{1}{4}$; на седьмомъ недописка и пробѣлъ, слѣдующій за тѣмъ листъ вырѣзанъ.

6. М҃ца декабря, въ д҃ день, житие і жізнь прп҃бнаго о҃ца н҃шго іоанна дамаскина, списано іоанномъ патріархомъ антиохіискимъ. — 25 листовъ съ $\frac{1}{2}$; предъ началомъ малая фигурная виньетка.

7. *Сія книга принесена бысть из внутрьняя ефіопия гл҃емыя индіискія страны, во с҃тыи градъ іер҃лим іоан҃номъ мнихомъ, мужемъ честнымъ, и добродѣтельнымъ, сущаго м҃н҃тыря с҃тагo савы. Изоображеніе душе полезно. Сія книга ц҃ря іоасафа дѣяніе, ему же наказател пустынникъ, авва вар'ламъ.* — Предъ симъ изображеніе царя Іоасафа красками съ золотомъ и большая фигурная виньетка. 113 листовъ.

Сей списокъ Богословія Дамаскина и Грамматики его, особенно же предсловія Іоанна Ексарха Болгарскаго, разнится во многомъ съ древнѣйшимъ спискомъ, отысканнымъ и объясненнымъ К. Ѳ. Калайдовичемъ (см. Іоаннъ Ексархъ Болгарскій. Из-

слѣдованіе, объясняющее исторію Словенскаго языка и литтературы IX. и X. столѣтій. М. 1824 года). Предлагаемъ для сравненія отрывки изъ того и другаго.

Синод. спис.	*Голиц. спис.*
Прологъ, сътворенъ Иооаномъ прозвутеръмь, Ексархомь Българьскомь, иже есть и прѣложилъ книгы сия.	Іоан'на проз'витера ексаръха бол'гарьскаго предословие книзѣ ст҃аго іоан'на дамаскіна, иже и прѣложи ея.
Понеже оубо святыи человѣкъ Бж҃ии Къстянтинъ, философъ река, мъногы троуды прия, строя писмена Словѣнскыхъ кънигъ, и отъ Евангелия и Ап҃ла прѣлагая изборъ: еликоже достиже, живый въ мирѣ семь тьмьнѣмь, толико же прѣложь, прѣстоупивъ бес коньця, и свѣтъ приятъ дѣлъ своихъ мьздоу. Съ сими же сы и оставль его, прѣложи вся оуставьныя кънигы ѯ҃ отъ Елиньска языка, еже есть Гръчьскъ, въ Словѣньскъ.	Понеже оубо с҃тый б҃жіи чл҃вкъ кон'стян'тинъ философъ гл҃авъ многи труды приятъ. іоустрояя писанія словен'скихъ книгъ отъ еа҃лія. і отъ Ап҃ла прелагая и собирая, еликоже достиже живый вмирѣ семъ темнѣм'. толико и прелоҗи и преиде в'бесконечныи живот' пріимъ трудовъ своихъ мъзду. по от'шествии же его к' б҃гу. оста вжитии семъ великіи б҃жіи ар'хиеп҃пъ мефодіи братъ его. прелоҗи оуставныя книги ѯ҃ отъ ел'линьскаго

Синод. спис.

Азъ же се слыша мъногашьды, хотѣвъ окоуситі оучительская съказания, готова прѣложити въ Словеньскъ языкъ; оны бо ѯ҃-тъ прѣложилъ бѣаще оуже Меѳодии, якоже слышаахъ, оубояхъся помышляя, е́да въ него мѣста хощоу потрудивъся на оуспѣхъ чади преложити въ свои языкъ съказания оучительская, еда боудуть имъ на исказоу: вѣдѣ бо своего ума тоупость и гроубость и плътьноую немощь и лѣность, се вьсе погонивъ, остахъся сего. Миноувъшу же нѣколикоу лѣтъ, чьстьныии чл҃вкъ Доуксъ чрьноризець прилеже мънѣ, дохожьшоу мі на присѣщение его, веля ми и моля преложити оучительская съказания, и въспоминая ми рече: попови чьто есть ино дѣло,

Голиц. спис.

языка на словен'скі. азъ же се слышавъ многажды восхотѣхъ покушаяся. оучител'ска сказания готова преложити в'словен'скіи языкъ. онъ оубо ѯ҃ преложилъ бяше чт҃ныи мефодіи, иякоже слышах' сия помышляя оубоях'ся. да некако хотя и потрудитися на оуспѣхъ чл҃комъ. преложити в' свой языкъ. сказанія оучител'ская буду имъ на́вредъ. вѣдѣ бо своего оума неразумие и грубость. и пло́тьскую немощь і лѣность сия вся помышляя. оудер'жевах'ся. минув'шиже нѣколико лѣтъ. чт҃нѣйши инок' дук'съ. прилѣжаще мнѣ ходив'шу ми на посѣщеніе его. повелеваще ми и моля преложити оучител'ская сказания. и воспоминая ми рѣчь с҃щен'ником'. что есть ино дѣло развѣ оуче

Синод. спис.

развѣ оученья? да ельма же еси слоужбоу тоу приялъ, то и се ми ноужда есть дѣлати. Азъ же средѣ дъвою стоя, грубости рекоу и лѣности, оубояхъся паче лѣнения и прещенья Пр҃ркъмь рекъша Б҃а: д҃ша сихъ отъ роукъ вашихъ въпрошоу, и якоже мя отъриноусте, не быти вождю людьмъ моимъ и владыцѣ, такоже и азъ отъриноу васъ, якоже не быти вамъ ц҃рю; и якоже не послоушаете гласа моего, нъ въдасте плещи жестоцѣ, и ослоушаетеся, тако боудеть егда призы мя, азъ же не призьрю къ молитвѣ вашеи, ни послоушаю. А и ксемоу притъчоу приповѣда самъ Г҃ь, ны и лѣнивыя рабы възбуждая, и се же мл҃тню твори, да не придемъ въ се прѣщение, (гл҃еть

Голиц. спис.

ния. да ельмаже еси оуслужение си приялъ, нужда ти е҃ и сие творити. азъ же посреди стоя двою неразумия и лѣности. оубояхся паче лѣнивых' запрещения. б҃гу рек'шу пророкомъ. д҃ша си отъ рукъ ваших' изыщу. и якоже мя от'ринусте. не быти вожду людемъ моимъ и вл҃цѣ, такоже і аз от'рину васъ. якоже не быти вамъ ц҃рю. якож' не послушасте гласа моего. но в'дасте плещи мои жестоцѣ. и ослушастеся тако будете. егда призовете мя азъже не призрю мл҃твѣ вашеи ни послушаю. ксемуже и прит'чю рече самъ г҃ь. на лѣнивыя рабы воставляя. и сейже мл҃тив'нѣ сотворяя. да не прiидет' на насъ сие прещенiе. (яже бо о талантахъ притча. сего ради ре-

Синод. спис.	*Голиц. спис.*
въ чьстьныихъ Еваньгелиихъ, рекыи: яко чл҃вкъ отходя призъва своя рабы, и т. д. вся притча о талантахъ. Вся она пропущена въ Голиц. спискѣ и замѣнена тѣмъ, что помѣщено здѣсь въ скобкахъ). Сего ся прещенья вельми съдрьзаю, си ми боязнь, и мозгъчить, и вѣкъ соушить; ни даждь Б҃ъ Г҃ь семоу прегрѣшению прити ни на когоже насъ, имьже есть слоужьба си пороучена. и пр.	чена бысть. яко дѣлавшимъ добрѣ. и оусугубивъшим' тала'нтъ многа м'зда предлежитъ. ленивому же рабу скрыв'шему той вземли. а приобрѣтения тѣмъ не сотвор'шему. мученіе послѣднее запрещено бысть.) сего оубо прещения вельми оубояхся. сними страхъ и мозгъ оуязвляетъ и болѣзнуетъ. и не даже г҃ь сему прещению никакову насъ пріити. имже есть служба сия поручена. и пр.
Преподобьнаго чьрноризьця и прозвутеря Іоанна Дамаскиньска слово о правѣй вѣрѣ, яко неислѣдимо Божество:	Святаго іоанна дамаскина слово пер'вое. о б҃зѣ, іоанна, еѯар'хъ,
Бога никтоже николиже не видѣ; иночадый Сынъ, сый въ ядрѣхъ Отчіихъ, тъ исповѣда о немь. Неизглаголано Божьст-	Бг҃а ник'тоже невидѣ николиже. едіночадыи с҃нъ. сыи в'нѣдрехъ от'чихъ. той исповѣда онемъ. И неизгл҃но оубо б҃жество

Синод. спис.	*Голиц. спис.*
во и невѣдомо. Не вѣсть бо никътоже Отца, развѣ Сына, ни Сына вѣсть кто, развѣ Отца. И Святый же Духъ тако вѣсть Божь все, якоже душа человѣчьска вѣсть вьсе, еже есть въ человѣцѣ. По пьрвѣмь же и блаженѣмь естьствѣ, не увѣдѣ никтоже николиже Бога, развѣ емуже тъ самъ яви; не отъ человѣкъ тъкъмо, нъ и отъ тѣхъ самѣхъ Аньгелъ. и т. д.	и недовѣдомо. Несвѣстьбо ник'тоже от'ца раз'вѣ сн҃а, ни с҃на вѣсть кто развѣ от'ца, и с҃тыиже д҃хъ тако вѣсть б҃жіе все. якоже и д҃ша чл҃ча вѣсть еже въ чл҃вцѣ. Попервомъ же и бл҃жнемъ естествѣ, неоувѣдѣ ник'тоже николиже бг҃а. развѣ емуже той самъ яви, неотчл҃къ ток'мо ноиот'тѣхъ самѣх агг҃лъ. и т. д.
Книга святаго Ивана Дамаскина философскаа, о осмихъ частехъ слова, преведе же еа Иванъ презвитеръ, Ексархъ Болгарскій, отъ Еллинскаго языка въ Словенскій.	Книга с҃таго іоанна дамаскина философская о осмих частехъ, слова.
По Божію образу създанному человѣку и слова почтенному саномъ, сего части, имиже състоится, не	Поб҃жію образу создан'ному чл҃ку. ислова почтенному саномъ сего части имиж' состоится. небез'оуче-

Синод. списк.

безъ ученіа оставити потреба. Аще бо и кромѣ сихъ въ души состоится слово, якоже учатъ богоносніи отцы, но къ второму роженію плоти, еже устнами и гласомъ изъявляему и прочими сего орудми плоти, тогда и частей къ съставленію требуетъ, кромѣ бо сихъ изъяснити о нихже слово немощно. Суть же убо слова частей осмь, ѥлика глаголемъ и пишемъ, внѣ сихъ ничтоже есть. Суть же сіа: имя, рѣчь, причастіе, различіе, мѣстоимене, предлогъ, нарѣчіе, съузъ. И сихъ осмь частей нѣкіа имутъ и въ себѣ раздѣленіа, якоже се. Имя убо дѣлится натрое: въ мужеско, и женско, и среднее. Имя же глаголется, яко имать подлежащее существо, о немъже есть слово. и пр.

Голиц. спис.

нія оставити потреба. аще бо якромѣ сихъ въ дши состоится слово, якоже оучатъ бгоносніи отцы. моковторому роженію плоти, еже оустнами и гласомъ изъявляему. и прочими сего оруд̀ми плоти, тогда и ча̀стіи къ составленію требуетъ кромѣ бо сихъ изъяснити оних̀же слово немощно, сут̀же оубо слово ча̀стіи осмь. елика гл̃ем̀ ипишемъ, внѣ сихъ ничтоже есть, сутьж̀ сія, имя р̃ѣ причастіе раз̀личіе. мѣстоимене, предлогъ нарѣчіе съязъ. исихъ̀ осм̀ ча̀стіи нѣкія имутъ и в̀себѣ раздѣленія. якоже се, имя оубо дѣлѝтся на̀трое, въ мужьско, женьско, исреднее. имяже гл̃ется яко имать подлежу̀щее су̀щество, о немъже есть слово. и пр.

Выпишемъ изъ посланія Дамаскина.

О мысли, г҃лва г҃.

Понеже в'сякъ без'мысли начиная и вещъ, якоже вотмѣ шествует'. ибо без'мысли трудяйся соборнѣ повсему обнищаетъ. принеси предлежащую мысль слова, первіе даречемъ. яко дабл҃гопріятна будуть (поправка: будеть) гл҃емая, мысль оубо намъ есть философію начати. и всяческіи разум' елика сила сокративъ, внастоящей написати кнізѣ. тѣмъже источникъ разума данарицается, рекубо (попр. реку) оубо мое якоже рѣхъ ничесоже посѣяніаже (попр. посѣяніа еже) б҃жественыхъ) (попр. б҃жественныхъ) и пр҃мудрыхъ мужій (попр. мужеи) из'бран'на, совокупивъ изложу. луч'ше оубо первѣе разумѣти абіе что есть философія. (Выноска на полѣ: о философіи внимай разумно данепогрѣшиши. Впостѣ и в'жажди і в'воздѣржаніи, и в'чистотѣ іцѣломудріи. івооупраздненіи, ів'безмол'віи и болѣзньми, и труды и мл҃твами и слезами и сострахомъ б҃жіим' началоположим'. Ѳилософия любомудріе пословен'скому тол'куется языку. Ѳилософия б҃жіе дѣло есть и мысль непрестанноя к'б҃гу.). Ѳилософія любомудріе пословен'ску (попр. пословен'скому) тол'куется языку.

О ѳилософіи, глава. д҃.

Ѳилософія есть разумъ сущих' поемуже сущая сут', сирѣч' разумъ сущих' естества. и паки. Философія есть разумъ б҃жествен-

ных' и человѣческих' вещеи, сирѣч' видимых'же и невидимых'; Филосоѳія паки есть поученіе смерши. произ'волител'но иже іестьственной (попр. естествеой) двоя бо жизнь (приписка: есть), естествена (попр. естественна), оубо понеиже и живемъ (попр. живемъ) и произволителна (попр. произволителнаже). поне иже (попр. понеже) пристрастнѣ настоящее (попр. настоящия) жизни дер'жимся. двое (попр. двоя) и смерть, яже (вычеркн.) естественна еже есть раз'лученіе д҃ше (попр. д҃ши) от' тѣла. и произ'волителна понеиже (попр. понеже) настоящую жизнь презирающе к'будущи (попр. к'будуще҃ нудимся. и пр.

Выпишемъ еще одно мѣсто (послѣ 68 й главы: о составе, рек'ше о стихіи), напоминающее Шестодневъ Іоанна Ексарха Болгарскаго.

Источникъ поисти'нѣ от҃цъ іоан'нъ мыслен'ных' вод' струя проливая, і вѣрных' ср҃дца напаяя. аще и в'посланіи ст҃ыи сіе рече. Яковоеже представиши, яж' от'премудрыхъ еллинѣскихъ соблазнъ изложу, неяж' ересе ино яже истин'ны. ібо мы рече размѣнне сотворихом' поѳилосоѳѣхъ яж' истин'ны представльше, паче яже ересей. нес'противящеся ст҃ому от'ступи. Но паче изволи яже истин'ны істин'ною извѣстнѣ вѣдати, неже яже ересей; Воистинну бо начинаетъ гл҃ати, виждь же оубо и слыши вначяло сотвори Б҃гъ н҃бо и землю. яко сотвореніе н҃бу сказа и земли. іоаннъ же громовныи ст҃ымъ д҃хомъ от'рыгну и рече.

исконибѣ слово, виж'же яко не сотворенъ ни созданъ Б҃жіи с҃нъ, но искони соот'ц҃емъ бяше. моисейже рече оубо въ, в҃, д҃нь сотвори швер'дь. іоаннъ рече, і слово бѣ оу б҃га. моисейже рече, въ, г҃, д҃нь сотвори г҃ъ море и рѣки, и явися суша і прозябе земля. іоаннъ рече и б҃гъ бѣ и слово. И моисей рече, въ д҃, д҃нь сотвори г҃ъ свѣтила. іоаннъже рече вся тѣмъ быша. моисей рече въ, е҃, д҃нь сотвори б҃гъ рыбы і птица і всякъ гадъ. іоаннъ рече без' него не бысть ничтоже. виж'дьже оубо раз'ньство иж' о твари бесѣдоваше. моисей гл҃аше рекіи, сотвори б҃гъ иж' ли о творцы самом'. іоаннъже рече, Б҃гу оубо и лѣпо есть бѣши пр҃сно а созданію бывати. то бо небыв'шее преже, потом' создано бысть. а еже искони бяше слово, той ні созданъ ни сотворенъ. но и в'послѣдняя дни ясно, но рожденъ из' м҃ріи дв҃цы. не привидѣніемъ плоти но и поистиннѣ яко чл҃къ. но силу б҃жества, в'нутрь имѣя даносему знати есть, яко б҃гъ и чл҃къ бысть. и пр.

Форма буквъ въ Голицынскомъ спискѣ, часто запѣйливая и измѣняющаяся, не показываетъ глубокой древности; особенно же, начиная съ Философіи Дамаскина, гдѣ сбивается на позднѣйшій почеркъ. Не входя въ подробное разсмотрѣніе списка сего, замѣшимъ нѣкоторыя отличія онаго.

Въ Синодальномъ спискѣ часто встрѣчаются ъ и ь въ срединѣ словъ и на концѣ предлоговъ, или замѣняя гласныя *о*, *е*,

или означая произношеніе предшествующей согласной, или указывая на происхожденіе слова. Въ Толицынскомъ спискѣ встрѣчается и то и другое, но рѣже (ексаръха, бол'гарскаго, мъзду, ел'линьскаго, плотьскую, естьственноu). Чаще попадается *ерикъ* (мы замѣнили его запятою вверху въ срединѣ словъ; запятая вверху-же на концѣ значитъ, что согласная поставлена вверху), замѣняющій особенно букву *ъ*, какъ знакъ твердаго произношенія (іоан'на, проз'витера, убояхъ'ся, рек'шу, от'чихъ).

Буквы *е* умягченной (*іе*) нигдѣ нѣтъ; *я* двоякаго начертанія; *ы* обыкновенное изъ *ь* и *і*; въ гласныхъ *и*, *ю*, *я* поперечная черта косая; иногда употребляется *я* за *а* и наоборотъ (чѧстіи осмь, посѣяніаже); вмѣсто *и* почти вездѣ і, однако случается и напротивъ (дамаскінъ, еділочадыи); попадается и буква *й*.

Послѣ *г*, *к*, *х* не встрѣтишь *ы* или *ь*, но иногда *ерикъ* (ник'тоже, ток'мо).

Случаются соединенія двухъ буквъ въ одну. Изъ знаковъ препинанія употребляются точка и запятая безъ различія, а индѣ точка съ запятою — вмѣсто заключительной точки. Ударенія часто указываютъ на коренное произношеніе (плóтьскій, запрещéно, сýщество, подлежýщее — отъ плоть, прещу, сущь, лежу), иногда повидимому произвольны (живы́й, сты́й вмѣсто живый, святый); за то встрѣчаются слова и безъ ударенія (погониша, немощно).

Соединенія словъ воедино иногда весьма правильны (навредъ, напрое); но вообще правописаніе непостоянно (мужьско и мужъское, женьско и женъское, ексаръхъ и е҃архъ, подлежущее и подлежащее). и пр.

3. *Грамата Царя Алексѣя Михайловича.*

Н. Сов. С. А. Масловъ имѣетъ довольно значительное собраніе грамотъ или писемъ Царя Алексѣя Михайловича. Особенно драгоцѣнны изъ нихъ собственноручныя грамоты сего Государя. Въ предлагаемой здѣсь есть приписка Царскою рукою (отмѣчена курсивомъ).

„Отъ Царя и Великого Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи столнику нашему Аѳанагею Ивановичю Матюшкину. Какъ ся наша грамота придетъ, и тебѣ взять взолотой полатѣ на окнѣ трои обносцы (*), да запичатать и прислать ко мнѣ тотъ часъ; да чернильницу мою съ трупками. А чернилъ возми у Григорья у Львова, да и перья ему вели очинить. Да сказываю тебѣ, что утокъ безчислена много по лужамъ, а ѣздить по полямъ топко, а изымать нѣчемъ, и ястребы не поспѣли. А тебѣ отъ меня: будь здоровъ; да и сынъ у тебя вскорѣ будетъ, а стану звать Никулою.“

„Писано на нашемъ стану въ селѣ Покровскомъ, лѣта зрнд҃, Апрѣля въ г҃.“

‡

(*) Обносцы или обносцы — пушла для молодыхъ ловчихъ птицъ. *Об — нога или об — носить?*

„Да съѣзди и Василью Сергѣеву, да отъ меня спроси о здоровья; да отпиши ко мнѣ обо всемъ.“

4. Глаголическая рукопись.

Въ числѣ рукописей, принадлежащихъ Ст. Сов. А. П. Курбатову, находится ветхій пергаминный листъ, исписанный глаголическими буквами, доставшійся нынѣшнему владѣльцу онаго отъ его дѣда Ст. Сов. П. В. Курбатова, служившаго при Петрѣ Великомъ въ Посольскомъ Приказѣ. Листъ сей принадлежалъ по видимому къ молитвослову, ибо содержитъ краткія молитвы. Сличая характеры буквъ онаго съ глаголическою азбукою, приложенною къ Грамматикѣ Добровскаго, мы замѣтили между ними нѣкоторое различіе. Для любопытныхъ предлагаемъ чтеніе двухъ первыхъ стиховъ 69 го Псалма, между прочимъ тамъ находящихся. (Литеры, отмѣченныя курсивомъ, въ подлинникѣ написаны киноварью).

Бе҃ впомощь мою вънмі. Гі҃
кпомощі мнѣ поспѣшісе.
дапостідетсе іпосра
мотое вразі моі. іщеку
щеі д҃ше моее. *вх҃.* *Д*авв
ратетсе въспетъ іпос
тідетсе. хотящеі мнѣ
зла.

Къ сожалѣнію въ числѣ многихъ книгъ и рукописей Г. Курбашова, въ 1812 году утратилась „книга, содержащая азбуки многихъ, особливо восточныхъ языковъ, собранныя Андреемъ Миллеромъ Гриффенгагскимъ, мужемъ ученымъ, скончавшимся въ Штетинѣ 1694 года. Книга сія издана по смерти его Севастіаномъ Готфридомъ Штархіемъ, въ Берлинѣ, 1703 года." Сіе послѣднее извѣстіе заимствовали мы изъ предисловія къ азбукамъ Глаголической и Кирилловской, готовленнымъ было къ изданію покойнымъ Симеономъ, Архіепископомъ Ярославскимъ.

5. *Письмо Черногорскаго Митрополита Даніила.*

Прилагаемое письмо Черногорскаго Митрополита принадлежитъ также Г. Курбашову. Оно писано на одной сторонѣ малаго листа простой сѣрой бумаги, и три строки приписаны на сторонѣ поперекъ. Характеръ письма странный: буква *а* напр. походитъ на цыфру 9, *д* на 4, *б* лежитъ бокомъ, *в* имѣетъ фигуру квадрата, *ц* (отмѣченная курсивомъ) какъ будто *в* безъ нижней горизонтальной черты, буквы ъ и ь не различаются; удареній нигдѣ нѣтъ. На оборотѣ сего листа, внизу, приложена копотью печать, изображающая Святаго, вокругъ коего можно еще разобрать стенографическія слова: Митрополитъ. скендріа и приморіа.

Високо сиятел'неиши г҃нь и господарь петарь кур'батов.

Мы ниже подписани еще важивихь обретаемьсе: такое васе бл҃гаго ба҃ воля: г҃нъ б҃ь насъ милуе: и дароваеть животь намь: ради своего милосрьдиа: и поради утврьждениа: исабраниа овога попленіенога народа: бисмосе споменули ичесто писати: залюбва и милость ц҃рьскога величаства: ивашее любови небисма заборавили: коюсте намь наносили когда есмо били привисочаишему двору ц҃рьскому: али паки разумелисте какое била ова нова скора рать и воина: стурчином исцесаром исвенетияномь: итое намь многу сметнь учинило: инами инашему народу: иниесмо могли прежде писати: амногусмо муку итрошакь и на путь имали: доклесмо донемачкие земли дошли: иумало прекополячке земліе све неизгубисмо: иживотасе нелишисмо: писалисмо високо сиятельнеищему г҃ну моему графу головкиню: све право иистино б҃ь намь есть сведетель: иде тамо от҃цъ леонтие архимандрить требински: онцеви изьусть сказать щосе деет насихь странахь нашихь: молю вась г҃не мои предраги: будитему ходатаи дабисе пожаловало ему оно щое паваль арьколео узео: атакоцерь и прочее монастирско: и скоро дасе намъ пише щасе тамо деетъ: 1721 ген. 1. даниль митрополит скандарие и приморья: ва . . . . . вашь б҃гомолець вачрьнеи гори: — : — : —

6. Дополненіе къ статьѣ: О мѣстѣ рожденія Петра Великаго, помѣщенной въ 1 мъ и 2 мъ NN. Зрителя.

„Рожденіе Царя и Самодержца, потомъ перваго Всероссійскаго Императора Петра I го Алексѣевича, Великаго, близъ Москвы въ загородномъ селѣ Измайловѣ, Мая 30 числа, въ четвертокъ, предъ ущромъ, за два часа съ половиною до свѣта. Восприемниками отъ святой купели были: большой братъ Его Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь и тетка Царевна Ирина Михайловна. Крещенъ въ Москвѣ въ Чудовѣ монастырѣ, Іюня 29 го числа, въ день тезоименитства своего, Всероссійскимъ Патріархомъ Іоакимомъ.“

Изъ книги: Ядро хронологическое Исторіи всемірной отъ начала свѣта до кончины Екатерины II. Изд. Дѣй. Сш. Сов. Кн. Алексѣя Голицына. Москва, 1805 года, въ вольной тип. Гарія и компаніи. Часть IV. (Сообщено Его Высокопреподобіемъ Архимандритомъ Аполлосомъ.)

7. Цыфирное письмо.

Было время, проявился нѣкто великій знатокъ въ наукѣ числъ. Онъ объявилъ, что будетъ отвѣчать на всѣ вопросы, предлагаемые ему цыфрами, неизвѣстной азбуки, по которой сіи вопросы написаны. Искусникъ въ самомъ дѣлѣ отвѣчалъ, только отвѣты его походили на оракульскіе: много таинственности и ума и ничего прямо

и опредѣленно. Въ чемъ же состояло великое искусство его? Онъ *дешифрировалъ* задаваемые ему вопросы.

Всѣмъ извѣстно, что пишутъ цыфрами, но не всякъ умѣетъ разобрать написанное цыфрами; однакожъ Археологу это бываетъ нужно. Искусство дешифрировать основано *на догадкахъ*, къ которымъ, для Русскаго языка, ведутъ слѣдующія замѣчанія.

1. Словъ изъ одной, двухъ, даже трехъ буквъ, немного; они суть: *и, а, о, у, я; въ, до, за* и т. д.

2. Частыя повторенія одной и той-же цыфры, особливо въ одномъ и томъ-же словѣ, означаютъ почти всегда гласныя буквы.

3. Удвоеніе цыфръ въ срединѣ слова означаетъ почти всегда буквы *нн*; удвоеніе цифръ на концѣ означаетъ *ве, іи, ою, ня*.

4. Начинаются слова чаще съ буквъ *п, о, в, с, к, н, з*, рѣдко съ *і, ѣ, э, ю, ф, ц, щ*, никогда съ буквъ *ъ, ы, ь*.

5. Вообще чаще другихъ встрѣчаются буквы: *о, а, е, и, м, с, в, ъ*, рѣдко: *щ, ц, ф, х*, и т. д.

Правило одно: найдя по догадкѣ хотя одну букву, тотчасъ вставить оную во всѣхъ словахъ, гдѣ находится изображающая ее цыфра, и по сей, догадкою-же, отыскивать другія, въ связи съ нею находящіяся. Само собою разумѣется, что навыкъ необходимъ въ этомъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ можно дешифровать написанное вообще всякими знаками, кои, однакожъ, лучше напередъ изобразить цифрами. Такимъ образомъ разобрана надпись на Звенигородскомъ колоколѣ. — Въ Макарьевскомъ монастырѣ на Волгѣ, въ 1812 году, хранились двѣ рукописныя книги, писанныя Славянскими буквами на неизвѣстномъ языкѣ. Желательно-бъ было имѣть списокъ книгъ сихъ; быть можетъ, это также криптографія.

8. *Метрическія мѣры.*

Изобрѣтенія болѣе полезныя для рода человѣческаго, часто бываютъ и болѣе простыя. Что проще напр. *счетовъ* нашихъ? и однакожъ вся Европа введеніемъ оныхъ согласилась въ великой ихъ пользѣ. Но простота и полезность изобрѣтенія не всегда служатъ порукою скораго распространенія онаго: книгопечатаніе даже терпѣло гоненія. — Въ концѣ прошедшаго столѣтія Французскіе математики оказали незабвенную услугу наукамъ — изобрѣтеніемъ мѣръ метрическихъ. Всякой, сколько-нибудь образованный человѣкъ, ни мало не сомнѣвается въ величайшей пользѣ десятернаго способа измѣреній. Отъ чего жъ способъ сей не введенъ во всеобщее употребленіе? Отъ чего Правительства не утвердили оный своимъ согласіемъ? Быть можетъ, мы ошибемся, если скажемъ, что причиною сему наша *привычка къ словамъ*—

привычка, освященная вѣками, противъ которой благоразумно медлящія верховныя власти еще не рѣшаются дѣйствовать. Замѣшательства почти неизбѣжны въ началѣ нововведеній, и сихъ-то замѣшательствъ уклоняются Правительства. Но если мысль сія справедлива, мы думаемъ, есть средство произвести благодѣтельную перемѣну въ способахъ измѣреній, безъ большаго затрудненія. Пусть Правительства выдадутъ образцы новыхъ Французскихъ мѣръ; пусть Греко-Латинскія названія оныхъ останутся при Ученыхъ; въ общежитіи всякъ, на своемъ языкѣ, будетъ называть ихъ по своему. Смѣтливые тотчасъ поймутъ, чѣмъ новыя мѣры болѣе или менѣе старыхъ, но не будутъ устрашены странными для ихъ слуха названіями. Разумѣется, что въ семъ случаѣ должны быть изданы сравнительныя таблицы старыхъ мѣръ и новыхъ.

И такъ, положимъ, что *метръ* (равный 1 ар. + 6 вер.) названъ аршиномъ: тогда декаметръ можно назвать саженью, гектометръ — *десяткомъ* саженъ, километръ (437 с. 1 а. 8 в.) — верстою, децимметръ — вершкомъ. Центиметръ и миллиметръ — мѣры, нужныя немногимъ, удержатъ свое ученое названіе.

Пусть теперь *аръ* будетъ аромъ, ибо мы не имѣемъ подобной малой мѣры для поверхности; декааръ (220 кв. саж. и $\frac{9}{10}$) прилично будетъ назвать десятиною, гектоаръ — *сотнею*, а дециаръ и прочія назва-

мія, то неупотребленію мѣръ сихъ въ общежитіи, останутся въ своей силѣ.

Назовемъ *литръ* ведромъ (равенъ около $\frac{1}{2}$ ведра), декалитръ будетъ *боченокъ*, гектолитръ *бочка* (44 ведра), децилитръ бутылка, центилитръ *чашка*, миллилитръ *ложка*.

Граммъ останется граммомъ (равенъ 0,23443 зол., т. е. менѣе $\frac{1}{4}$), декаграммъ будетъ золотникъ, гектограммъ — лотъ, килограммъ — фунтъ, 10 килограммовъ составятъ пудъ (24 ф. и $\frac{4}{10}$). Дециграммъ и прочія низшія мѣры останутся съ учеными своими названіями.

Подобно и въ монетахъ: десятая доля лигатуры въ каждой. Раздѣленіе рубля и гривны на десять частей мы уже имѣемъ.

Сказанное относится къ Россіи. Но что, если бы всѣ Правительства Европы нарядили *ученый конгрессъ* и согласились ввести подобнымъ образомъ одинакія метрическія мѣры и монеты въ своихъ владѣніяхъ? Какъ кому, а намъ мысль эта кажется заслуживающею вниманія.

9. О сочиненіяхъ Шатрова.

Николай Михайловичь Шатровъ (*), почтенный ветеранъ нашей Словесности,

(*) Колл. Совѣтникъ, Членъ Моск. Общества Любителей Россійской Словесности и Кавалеръ.

намѣренъ издать собраніе своихъ стихотвореній. Любители изящнаго давно ожидали сего подарка.

Стихотворенія Шатрова всѣ нравственнаго содержанія. Чистота языка, благозвучіе стопосложенія, сила чувства, зрѣлость мыслей — даютъ ему не послѣднее почетное мѣсто между немногимъ числомъ классическихъ нашихъ поэтовъ. Его дидактическія стихотворенія отличаются какою-то оригинальною простосердечностію. Характеръ ихъ сходствуетъ нѣкоторымъ образомъ съ характеромъ сочиненій И. М. Долгорукова; но въ нихъ нѣтъ той сатирической соли, какою напитана поэзія Князя — шутливость Шатрова приправлена любезнымъ добродушіемъ. Въ отдѣлкѣ же послѣдній превосходитъ перваго: не видать неопрятности въ слогѣ, нѣтъ плебеизмовъ, которые весьма замѣтны у Князя Долгорукова.

Важнѣйшія его стихотворенія суть подражанія Псалмамъ. Со времени Симеона Полоцкаго до сихъ поръ — многіе наши стихотворцы прелагали въ стихи богодухновенныя пѣсни Царственнаго Пророка. Изъ нихъ Симеонъ остался въ памяти потому только, что Псалмы его пробудили геній Ломоносова, подобно какъ ударъ желѣза въ алмазъ извлекаетъ искру. Сумароковъ, Ломоносовъ, Державинъ буквально слѣдовали тексту. Отдаленность вѣка, неизвѣстность языка, нравовъ, обычаевъ,

мѣстности и современности — поставляли сильную преграду для прелагателей. Отъ того ихъ Псалмы отзываются рабскимъ подражаніемъ превосходному подлиннику. Шатровъ избралъ путь надежнѣйшій: онъ не переводитъ буквально *непереводимые* Псалмы, а *подражаетъ* имъ. Мысль Царя Давида онъ раскрываетъ, распространяетъ, примѣняетъ къ нашимъ обстоятельствамъ, къ нашему вѣку, и Подражанія его содержатъ наставленія для всѣхъ случаевъ общежитія. А. Ѳ. Мерзляковъ, Критикъ — учитель, какихъ у насъ весьма немного, отдаетъ имъ должную справедливость. Мы не говоримъ о преложеніяхъ И. И. Дмитріева и А. Крылова: они написали только *по-одному* Псалму; но кстати замѣтимъ обиліе мыслей Шатрова: у него 49 й Псаломъ содержитъ 280 стиховъ, у Дмитріева 40, въ подлинникѣ 23.

Слѣдующіе отрывки достаточно напомнятъ Читателямъ нашимъ о прекрасномъ талантѣ Г. Шатрова.

Изъ 28 Псалма.

Внемлите Князи Завулона,
Племенъ Халдейскихъ Мудрецы,
И вы, Владыки Вавилона,
И вы, Дагоновы Жрецы!
Услышьте чадъ Сіонскихъ пѣнье!
Воздайте славу, поклоненье
Творцу вселенной одному!

Возвысьте разумъ къ просвѣщенью,
И, вѣры чистой внявъ ученью,
Воспойте съ нами въ честь Ему!

*

Богъ славы возгремѣлъ, и шумѣ,
Какъ парусъ тонкій, вдругъ свились;
Пустынные лѣса, дремучи,
Безъ грозной бури сотряслись;
Дубы столѣтніе нагнулись,
Скалы кремнистыя шатнулись,
Распреснулись хребты холмовъ,
Горамъ подобно волны встали,
Безстрашные вострепетали
Отъ Божьихъ всемогущихъ словъ.

*

И кто изъ смертныхъ не смутится
Отъ гласа Бога своего?
Куда нашъ слухъ ни обратится,
Вездѣ гремитъ глаголъ Его:
И въ словѣ — міръ земной судящемъ,
И въ воплѣ милости просящемъ,
И въ звонѣ грознаго меча,
И вѣтра быстраго въ стремленьи,
И соловья въ пріятномъ пѣньи,
И въ шумѣ горнаго ключа.

Изъ 32 Псалма.

Стройте гусли, славы чада!
Гряньте въ праздничный тимпанъ!
Пойте Богу! — Онъ отрада,
Стражъ и Царь Сіонскихъ странъ.
Пойте Богу! — Онъ всесиленъ;

Правосуденъ, милосердъ;
Съ Нимъ Израиль въ бранихъ твердъ
И богатствомъ изобиленъ.
Пойте Богу! — Имъ крѣпка
Царства нашего держава,
И побѣды дивной слава
Знамениша и громка.

*

Словомъ Божьимъ утвердилась
Звѣздныхъ сводовъ высота;
Духомъ устъ Его свершилась
Сила, жизнь и красота.
Онъ изрекъ: „да будетъ время,
Тьма ночная, дневный свѣтъ;
Да прозябнетъ, возрастетъ
Кедра и былинки сѣмя;
Да прольются токи рѣкъ,
Птицы въ воздухъ воскрылятся,
Звѣри въ дебряхъ поселятся
И явится человѣкъ!“

*

Рекъ — и вдругъ хаосъ ужасный
Видъ прелестный восприялъ:
Солнца краснаго лучь ясный
Надъ землею возсіялъ,
Милліоны звѣздъ зажглися,
Засвѣтилася луна,
Темныхъ пропастей со дна
Къ небу горы вознеслися,
Океанъ въ брега вошелъ,
Пальмы осѣнили сушу,

Все приняло образъ, душу:
Міръ родился и зацвѣлъ.

*

Да трепещетъ и смирится
Предъ Творцемъ своимъ вся тварь!
Да повсюду воцарится
Богъ единый — міра Царь!
Онъ одинъ въ могущей длани
Держитъ жребій царствъ земныхъ;
Онъ одинъ караетъ злыхъ
И судьбами правитъ брани.
Не забудьте Божій страхъ,
Свѣта срочнаго Владыки!
Вы для смертнаго велики,
Но предъ Богомъ — тотъ же прахъ.

Псаломъ 19й.

Воскликнемъ Богу въ день печали!
Услышитъ — и Царя спасетъ.
Хотя бъ мечи вездѣ звучали,
Хотя бы весь пространный свѣтъ
Противу насъ вооружился,
Въ границы наши устремился
Какъ моря шумнаго приливъ, —
Онъ не коснется вратъ Сіона!
Тамъ врагъ не поколеблетъ трона,
Гдѣ Властелинъ благочестивъ.

*

Гдѣ въ разумахъ свѣтильникъ вѣры
Сомнѣніемъ не потушенъ,
Тамъ всѣ благоуспѣшны мѣры
И средствъ вредитъ злодѣй лишенъ;

Тамъ презрѣнъ всѣми льстецъ ничтожный;
Тамъ Сильный — другъ Царю надежный;
Присягѣ вѣренъ гражданинъ,
Судья не страшенъ для народа,
Надеженъ въ брани воевода,
И каждый воинъ — исполинъ.

Въ часъ грозный, воружась мольбою,
Усилимъ вѣрой Царску длань,
Изыдешь ты безъ страха къ бою
И счастливо окончишь брань,
Безсмертную заслужишь славу.
Самъ Богъ вовѣкъ твою державу
Всѣхъ паче царствъ превознесетъ:
Онъ жертвъ твоихъ не позабудетъ,
Хранитель твой всегдашній будетъ
И онъ льстецовъ твой тронъ спасетъ.

Тогда побѣды звукъ гремящій
Гражданъ твоихъ возвеселитъ,
И врагъ, плѣненьемъ намъ грозящій,
Какъ вѣтръ гонимый убѣжитъ;
Смирятся духи своевольны;
Льстецы, измѣнники крамольны
Исчезнутъ всѣ, падутъ во адъ;
Тогда увѣрятся языки,
Что свѣта цѣлаго Владыки
Безсильны прогнѣвъ Божьихъ чадъ.

Пускай враги числомъ гордятся,
Мечи и громъ въ рукахъ несутъ —
Одни на колесницахъ мчатся,

Другіе на коняхъ текутъ;
А мы, вооружась мольбою,
Подъ сильною Твоей рукою
Изыдемъ нѣтіе на нихъ,
И предъ стѣной Ерусалима;
Какъ нову рать Сеннахерима
Сразимъ и уничтожимъ ихъ.

*

О Ты, владѣющій Судьбами!
Услышь мольбу своихъ людей!
Мы всѣ, едиными устами,
Взываемъ къ благости Твоей:
Спаси Царя отъ бѣдъ случайныхъ,
Избави отъ навѣтовъ тайныхъ,
Предохрани отъ явныхъ золъ;
Продли, продли Сіона славу,
Любовью укрѣпи Державу,
А вѣрой огради Престолъ!

Изъ Посланія къ Сосѣду.

Не тужи, Сосѣдъ любезный,
Что фортуна къ намъ строга;
Грозный случай, вѣкъ желѣзный
Хоть кому сшибутъ рога.
Зло подъ солнцемъ неизбѣжно,
Утѣшенье съ горемъ смежно;
Счастіе, какъ вешній лёдъ,
По которому чрезъ воду
И въ хорошую погоду
Рѣдкій безъ хлопотъ пройдётъ.

*

Самъ ты человѣкъ учёный
Много слышалъ и видалъ;
Самъ ты знаешь міръ крещёный;
Кто путь славы прошекалъ
Безъ худаго приключенья?
Кто избѣгнулъ огорченья,
Иль мудрецъ, или герой?
Ахъ! Сократы и Катоны
Цезари и Сципіоны
Были случая игрой.

*

Какъ-же счастьемъ тутъ хвалиться?
Какъ тутъ славу заслужить?
Самъ ты долженъ въ томъ признаться —
Мудрено на свѣтѣ жить!
Трудно въ время такое
Намъ, Сосѣдъ, руно златое
Честнымъ образомъ достать.
Страсти хуже, чѣмъ драконы:
Мы съ тобою не Язоны;
Что-жъ напрасно хлопотать?

*

Самъ ты видишь — нѣтъ надежды
Спѣну лбомъ проколошить,
Чувство сильнаго невѣжды
На добро оборотить.
Страсти цѣлый міръ дурачатъ;
Ничего при нихъ не значатъ
Знаменитые Умы.
Наша жизнь — опасно море;
Если всѣхъ удѣлъ есть горе,
Такъ потерпимъ-же и мы.

*

Будь увѣренъ — достаётся
Всѣмъ сестрицамъ по серьгамъ;
Зло по свѣту шлетъ и льётся,
Покоримся временамъ!
Не одни мы промахъ дали,
На худыхъ людей попали:
Сами боги, въ злые дни,
Жертвой случая бываютъ;
Государства исчезаютъ,
Какъ воздушные огни!

*

Право пóпусту трудишся
Умъ Судьбу пересудишь:
Можно ль карлѣ умудришься
Исполина побѣдить?
Человѣкъ - слѣпецъ мечтаетъ,
А Судьба опредѣляетъ.
Такъ и быть! И льзя ли намъ
Взять въ опеку Провидѣнье,
И другое направленье
Дать развратнымъ временамъ?

*

Остановимся - жъ на этомъ,
Отдадимъ поклонъ мечтѣ,
И, простясь съ коварнымъ свѣтомъ,
Возвратимся къ простотѣ;
Познакомимся съ природой,
Съ добродѣтелью, свободой —
Погостимъ, хоть день у нихъ.
Ахъ! пора за умъ приняться,
Жить и жизнью наслаждаться
Посреди друзей своихъ.

*

Не желай ушéхъ излишнихъ
Милліоновъ и льстецовъ,
Не желай чертоговъ пышныхъ,
Громкихъ почестей, вѣнцовъ:
Тамъ, на бархатныхъ диванахъ
Съ милліонами въ карманахъ
Пришупя и вкусъ и взоръ,
Дремлетъ въ нѣгѣ пресыщенье
Какъ ночное привидѣнье
На верху пустынныхъ горъ!

*

Вѣрь, Сосѣдъ! блаженства розы
Въ свѣтѣ шумномъ не цвѣтутъ;
Я слыхалъ, что горьки слёзы
Черезъ золото текутъ. . . .
Что такое наше счастье?
Говорятъ — одно пристрастье
Только къ выгодамъ своимъ.
Коли такъ — по сей причинѣ,
И у бѣднаго въ подклѣтѣ
Можно повстрѣчаться съ нимъ.

*

Не трудись летать высóко,
Милый, умный мой Сосѣдъ!
Не ищи ушéхъ далёко
Самому себѣ на вредъ.
Счастіе не за горами,
Не за темными лѣсами,
И не въ тѣхъ большихъ домахъ,
Гдѣ къ хозяину безъ спроса

Показать не можно носа:
Милый другъ! оно — въ сердцахъ!

Изъ Посланія къ Софьѣ.

Какъ бѣла сія бумага,
Такъ душою будь бѣла;
Отличай добро отъ зла,
Безъ того нѣтъ въ жизни блага.

*

Не надѣйся, что прекрасна,
Если зла въ тебѣ душа:
Будешь все нехороша,
Въ дружбѣ и любви несчастна.

*

Наши взоры привлекаетъ
Праксителевъ истуканъ,
Но надолго ли обманъ?
Умъ взглянулъ — и забываетъ.

*

Не надѣйся, что богата,
Если къ золоту жадна;
Будешь ввѣкъ грустить одна
И зѣвать на кучи злата.

*

Сребролюбцу не доставитъ
Мирныхъ дней и царскій тронъ;
Креза пристыдитъ Солонъ,
Если счастіе оставитъ.

*

Не надѣйся, что дворянствомъ
Можешь хвастать за сто лѣтъ;
Сердцу въ титлахъ нужды нѣтъ,
Разумъ презираетъ чванствомъ.

*

Мѣсяцъ свѣтитъ, но не грѣетъ;
Такъ дворянство безъ ума.
Знатность гордая сама
Споритъ въ этомъ не посмѣетъ.

*

Не надѣйся, что ученьемъ
Разумъ твой обогащенъ:
Если онъ собой прельщенъ,
Поздравляю съ заблужденьемъ.

*

Просвѣщеніе безъ свѣта,
Острота безъ доброты,
Красота безъ простоты —
Есть подложная монета.

*

Гдѣ есть страсти, тамъ страданье;
Легче тигра усмирить,
Чѣмъ разсудку покорить
Своенравное желанье.

*

На пути, гдѣ всѣхъ превозмѣтъ
Буря пагубныхъ страстей,
Тамъ утонетъ и ручей.
Все, мой другъ, случиться можетъ.

Но довольно. Еслибъ мы вздумали выписывать все хорошее, намъ должно бы списать почти всѣ Псалмы и философскія Посланія. Конечно есть и у Шапрова свои недостатки (кто-жъ ихъ не имѣетъ?); но они исчезаютъ въ красотахъ.

V. ПРИБАВЛЕНІЕ (*).

1. *Нѣчто о низовьяхъ Дуная.*

Дунай, у Древнихъ Исперъ, Истръ, извѣстный Иродоту и описанный симъ Отцемъ Исторіи, принимая въ себя воды Серета и Пруса, то есть почти всѣхъ рѣкъ, орошающихъ обѣ Валахіи, Молдавію и Бессарабію — въ окрестностяхъ Браилова становится великимъ. Славная рѣка сія, опредѣленная рокомъ, отъ временъ самой отдаленной древности до лѣтъ настоящихъ, вбираетъ въ свои воды кровь человѣческую, льющуюся въ войнахъ отъ пышной Вѣны до унылыхъ для пловца Гирлъ Сулина, образуетъ большія острова, изъ коихъ Чатал и Лети сушь достопримѣчательнѣйшіе. Разные бродячіе воинственные народы любили берега Дуная; здѣсь обыкновенно они останавливались на отдыхъ, или жили.

Но берега сей рѣки Римлянамъ были почти неизвѣстны, или они мало обращали на нихъ вниманія до временъ Траяна. Сей Государь, преисполненный добродѣтели и дѣятельности, какъ говоритъ Плиній, получилъ воспитаніе воина и обладалъ талантами военачальника. Въ его правленіе завоеванія защмили миролюбивую систему Августа, и легіоны Рима,

(*) Двѣ слѣдующія статьи прилагаются особо, по причинѣ позднаго дополненія.

опустя долгое время, наконецъ увидѣли среди себя Императора, достойнаго повелѣвать ими. Траянъ прежде всего ознаменовалъ себя противъ Даковъ, народа воинственнаго, который обитаетъ за Дунаемъ и который въ царствованіе Домиціана ненаказанно оскорблялъ величіе Рима. Къ силѣ и отважности варваровъ Даки присоединяли сіе презрѣніе къ жизни, которое вдыхала имъ увѣренность въ безсмертіи, или переселеніи душъ. Безсмертными называютъ они себя потому, говоритъ Отецъ Исторіи (*), что думаютъ, будто они не умираютъ, но, отходя отсюда идутъ къ богу *Залмоксу* (**), коего нѣкоторые изъ нихъ почитаютъ за одно съ *Гебелейцисомъ*. Чрезъ каждыя пять лѣтъ они посылаютъ къ Залмоксу по жеребью изъ среды себя посла, наказывая ему каждый, чего желаетъ отъ своего бога. Вотъ какъ посольство сіе отправляется. Одни изъ нихъ стоятъ со стрѣлами въ рукахъ; другіе, взявъ посылаемаго къ Залмоксу за руки и за ноги, раскачавши его, бросаютъ по воздуху на копья. Если пронзенный умретъ, то они почитаютъ сіе знакомъ благоволенія къ нимъ сего бога; если же

(*) Иродотъ перев. Н. И. Мартынова, книга IV, глава 94. *Прим. Сост.*

(**) Залмоксъ, на Ѳракійскомъ языкѣ значитъ *медвѣжью кожу*. Порфирій въ жизни Пивагора (CXIV, стр. 16) говоритъ, что ему имя сіе дали для того, что покрыли его шкурою сего животнаго при самомъ его рожденіи. Ibid. *Прим. Сост.*

не умретъ, винивъ въ томъ самого посланнаго, называя его злымъ человѣкомъ. Обвинивъ сего, посылаютъ другаго, и доколѣ онъ еще живъ, даютъ ему порученія. Сіи народы имѣютъ обычай, когда бываетъ громъ или молнія, стрѣлять изъ лука вверхъ къ небу, угрожая богу, потому что они другаго бога, кромѣ сего, не признаютъ.

На сихъ-то страшныхъ народовъ предпринялъ напасть Императоръ. Они имѣли Царемъ Децебала, не недостойнаго соперника Траяну. Децебалъ не отчаявался въ счастіи своемъ и своихъ подданныхъ, доколѣ не истощилъ, по признанію самихъ враговъ его, всѣхъ средствъ и пособій своего мужества и помышленія. Сія достопамятная война продолжалась безпрерывно пять лѣтъ: Траянъ, который по произволу могъ располагать всѣми силами Государства, оставался побѣдителемъ и совершенно покорилъ варваровъ. Тогда Дакія, вопреки правилъ Августа, снова вошла въ составъ Имперіи и получила естественныя границы: Днѣстръ, Тейсъ, Нижній Дунай и Понтъ Евксинскій. Прекрасное описаніе сей провинціи можно читать съ удовольствіемъ и великою пользою для каждаго Россіянина въ настоящее время въ сочиненіи знаменитаго д'Анвиля, къ сожалѣнію еще ни кѣмъ не переведенномъ на языкъ отечественный (*). Еще валъ Траяновъ суще-

(*) Memoire de M. d' Anville, sur la Province de Dacie, dans le recueil de l' Academie des Inscriptions. Tom. XXVIII, pag. 444 — 468. *Прим. Сот.*

стоитъ за Дунаемъ; на немъ развѣвается знамя побѣды Славянъ Сѣверныхъ; и окопы Траяна, осѣняющіеся въ рукахъ нашихъ залогомъ будущихъ великихъ успѣховъ — окопы, чрезъ кои безстрашно переступилъ на дальнѣйшій подвигъ Царь Россіи, видѣли черты великаго Римскаго Императора въ образѣ Николая, устремляющагося на Востокъ, загроможденный кочевьемъ Варваровъ.

Послѣ Траяна другой великій Мужъ явленся на сей поприщѣ — сынъ Сирміумскаго пахаря, одинъ изъ знаменитѣйшихъ Римскихъ Императоровъ, побѣдитель прекрасной мудрой героини Пальмиры, Авреліянъ, который удалилъ войска изъ Дакіи, благоразумно оставивъ сію обширную провинцію Готѳамъ и Вандаламъ. Онъ предвидѣлъ всю пользу, какую получатъ Римляне, сжавъ, такъ сказать, чрезмѣрно пространные предѣлы Государства — и независимая Дакія не однажды служила ему самымъ надежнымъ оплотомъ противу дикарей Сѣвера. Между тѣмъ оба берега Дуная нечувствительно пребывали въ обоюдномъ между собою сношеніи: языкъ и торговые обороты требовали того и покровительствовали сію взаимность. Сюда принодитъ нашъ Несторъ Словенъ: „Помнозѣхъ же временѣхъ (т. е. отъ разделенія по языковъ) сѣли суть Словѣни по Дунаеви.“ Къ сожалѣнію, неопредѣлительна сія хронологія. *Волохи* (*) по-

(*) О сомнѣніяхъ, что за народъ были эти Волохи, см. прекрасный разборъ Шлецера въ его Несторѣ. Часть I, Глава IV, стр. 140—143. *Прим. Сост.*

песнили здѣсь Славянъ, которые и перекочевали къ Вислѣ.

При Императорѣ Деціи (по Р. Х. 250 годъ) Готѳы проложили для себя путь къ Дунаю. Свирѣпые Гунны изгнали большую часть ихъ, и Валентъ имѣлъ неблагоразуміе принядь въ нѣдра Имперіи народъ, бѣгущій изъ-за Дуная. Явились Угры или Маджары, за ними Булгары, Хазары, и съ 900 года по Р. Х. Печенѣги, народъ хищный, овладѣвшій частію береговъ Дуная.

Въ сіи годины переселенія и обоюдной смѣны народовъ, при Дунаѣ кочующихъ, не открываемъ ни слѣдовъ жизни благоустроенной, ни законовъ общежитія. Нарушеніе спокойствія живущихъ, грабежъ, презрѣніе ко всему, что священно для гражданскаго человѣка, къ искусствамъ, рукодѣлію, письменамъ — ознаменовываютъ вѣки жизни Ордъ, бродившихъ здѣсь, въ низовьяхъ Дуная, съ мѣста на мѣсто.

Но можетъ быть и сіи вѣки были богаты своими мирными добродѣтелями; можетъ быть, здѣсь нѣкогда существовали гражданскія общества — по крайней мѣрѣ все это для насъ утрачено. Писатели, лишенные основательныхъ матеріаловъ Исторіи, передѣлали все по своему воображенію (ибо неестественно, кому бы то ни было, удержать въ памяти всѣ занимательныя или поучительныя происшествія нѣсколькихъ вѣковъ) — и такимъ образомъ колыбель семействъ многихъ милліоновъ людей осталася окруженною, говоря языкомъ

Поэзіи, столько-же густымъ мракомъ, какъ и ночь гроба!

Впрочемъ, какъ естественны сіи переселенія въ климатахъ благословенныхъ! Дѣти природы имѣли основательную привычку покидать угрюмыя дебри Сѣвера; и, не имѣя нигдѣ своей отчизны, при одномъ воспоминаніи о коей сильно бьется сердце гражданскаго человѣка, они домогались однихъ только избыточныхъ пастбищъ и изобилія водъ: сіе было однимъ изъ необходимѣйшихъ условій для ихъ счастія! Такимъ образомъ все время варварскаго нашествія, равнины низовьевъ Дуная оставались одними только безгласными памятниками непостоянства судебъ человѣческихъ. Въ XIII вѣкѣ явилось на Дунаѣ поселеніе Купцевъ-Республиканцевъ, которые, основавъ (въ исходѣ того-же вѣка) Кафу, не удовольствовались посѣщать однѣ уединенныя равнины того берега Чернаго моря, гдѣ величественный Днѣпръ платитъ ему дань своими обильными водами; но вошли въ Дунай, увидѣли привлекательный край Булгаріи, замѣтили богатства его и основались въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Замокъ въ Журжѣ и понынѣ именуется *Донъ-Жуаномъ*; сверхъ того многія укрѣпленія, болѣе на правомъ высокомъ берегу Дуная, были построены вооруженными купцами для выгодъ торговли, и слѣдственно переѣхавшими туда съ своими капиталами и просвѣщеніемъ. Богатство дало имъ уваженіе жителей всего края; но оружіе служило вѣрнѣй-

мою защитою противу недоброжелателей — Варваровъ. Впрочемъ Исторія поселенцевъ на Дунаѣ чрезвычайно скудна; можетъ быть по той причинѣ, что Генуезцы здѣсь занимались болѣе торговлею, нежели бытописаніями.

Нашествіе изъ нѣдръ Азійскихъ на Европу Турковъ, сихъ бичей просвѣщенія, расположившихся кочевать въ отечествѣ Плутарха и Платона, гдѣ процвѣтали науки, искусства и художества — снова покрыло сію землю густымъ мракомъ невѣжества.

Скоро Магометъ II покорилъ для себя новую столицу. Участь столицы содѣлалась участію Имперіи и дала средство пылкому завоевателю обратить всѣ силы Оттоманскія на Италію и противъ Албаніи. Онъ предположилъ покорить Кандію и Родосъ; готовился поработить Тавриду и истребить морскія ополченія Италіянцевъ, для него на Черномъ морѣ весьма опасныя. Магометъ зналъ искусство возбуждать умы своего воинственнаго народа; его Оттоманы пылали одною войною, коей притягательная сила находилась въ покоренной столицѣ, послѣдняго по царствованію, перваго по доблестямъ, Палеолога; и какъ Дунай, рѣка великая, съ сей стороны достаточно ограждала предѣлы новой Азійской въ Европѣ Имперіи, то Турки отошли отсюда внутрь земли, наблюдая по берегамъ оной только нѣкоторыя мѣста, важныя для нихъ въ военномъ отношеніи. Но какъ разрушителямъ обойтись безъ разрушеній?

Ударъ стѣнобойныхъ орудій, молотовъ сливался съ ревомъ рѣки шумной: зданія Италіянцевъ и вельможъ Греческихъ падали подъ сокрушающими орудіями Азійскихъ разбойниковъ, которые всюду гордились истребленіемъ чего бы то ни было. Съ паденіемъ Константинополя Греки утратили свое истинное счастіе: ибо можно ли наслаждаться счастіемъ на развалинахъ своего отечества?

Новые Европейскіе Султаны, взлелѣянные рабы счастія, предавались только однимъ военнымъ занятіямъ. Они чуждались гражданскихъ мирныхъ добродѣтелей — и на всѣ вещи своего достоянія взирали со стороны военной; они передали свой деспотизмъ Пашамъ провинцій — и слабый злой смертный хладнокровно, безъ суда повелѣвалъ казнить собратій своихъ, человѣковъ! Страшась многочисленности праздной, буйной, готовой каждый часъ возмутиться и каждую минуту искавшей на то предлога, нѣкоторые изъ умныхъ Султановъ вели войны наступательныя противу Венгровъ и Поляковъ. Одному изъ нихъ счастіе показало башни Вѣны; но Собіескій спѣшно шелъ выручить градъ Христіанскій. Турки вторгались и въ область Кіевскую, осаждали Чигиринъ; но сіи походы только тѣшили честолюбіе Падишаховъ, ибо настоящій перевѣсъ былъ на сторонѣ Австрійскаго и Московскаго Государей.

Въ сіи войны Турки однакоже ознакомились съ пограничными владѣніями своихъ сосѣдей, и, открывая въ нихъ своихъ естественныхъ враговъ, готовыхъ соединиться противу нихъ съ враждебными Христіанскими племенами, имъ подвластными, укрѣпили противу Россіи берега двухъ большихъ рѣкъ: Днѣстра и Дуная. Тогда явились на Днѣстрѣ крѣпости: Хотинъ, Бендеры и Аккерманъ, укрѣпленіе Паланка, замокъ Сороки и еще нѣкоторыя. Браиловъ, Измаилъ и Килія начали составлять вторую линію ихъ оборонительной системы на Дунаѣ. Всѣ сіи крѣпости слишкомъ извѣстны, впадая въ руки наши во всѣ войны, которыя отъ царствованія Петра Великаго до нынѣшнихъ временъ Россія вела противу Турковъ; но, не отвлекаясь отъ начертанія гражданскаго образованія въ низовьяхъ Дуная, я нѣсколько подробнѣе изложу объ Измаилѣ.

Славная крѣпость сія прикрываетъ собою собственно такъ называемую Бессарабію отъ всякихъ непріятельскихъ покушеній, которыхъ можно ожидать изъ-за того берега Дуная, отъ Тулчи, по острову Чаталу, гдѣ, между камышемъ и садами, есть твердая, покрытая дорога: ибо мѣстное положеніе Измаила одно только по нашей Дунайской границѣ отъ мѣстечка Рени до Калейскихъ Гирлъ Дуная (*),

(*) Ихъ три устья или Гирла: Калейское, Егорьевское и Сулинское, обыкновенно называемое Сулинскимъ Дунаемъ. *Прим. Соч.*

способно для высадки. Измаилъ, служитъ прикрытіемъ, и прикрываетъ нашу флотилію, которая при началѣ военныхъ операцій, быстрымъ движеніемъ занимаетъ Егорьевскій Дунай, разстояніемъ отъ крѣпости верстахъ въ двадцати, чрезъ что непріятельскія суда, которыя найдутся вверху Дуная, всѣ будутъ заперты. Для Турковъ сія крѣпость представляла выгоды не менѣе значительныя, но, въ политическомъ отношеніи, противуположныя. Измаилъ для нихъ былъ пунктъ весьма нужный, потому что здѣсь были ихъ арсеналы и военное депо — и потому болѣе важный, что онъ удерживалъ въ повиновеніи Татаръ, живущихъ на Буджакѣ и, въ случаяхъ нужды, принуждалъ ихъ къ военнымъ дѣйствіямъ. Европейцы любили замѣчать недостатокъ сей крѣпости въ ея обширности (она имѣетъ въ окружности болѣе пяти верстъ и 14 бастіоновъ); но сіе едва ли основательно въ отношеніи Турковъ, ибо у нихъ, во всѣхъ крѣпостяхъ, всѣ жители защищаютъ городскіе валы обще съ присылаемыми войсками. Измаилъ строенъ Европейскимъ Инженеромъ Кауфертомъ, и нѣкоторыя линіи того самаго Измаила, который штурмовалъ Суворовъ, теперь видны внутри крѣпости. Впрочемъ и Кауфертъ не избѣжалъ ошибокъ въ своемъ планѣ, напр. многія части укрѣпленнаго города совсѣмъ не фланкированы, другія дурно, и профиль мѣстами слабъ.

Слѣдуя отъ Аккермана къ границамъ Россіи, по Дунаю, вступаете въ южный

пустынный міръ! Вмѣсто извивистаго Днѣстра, вмѣсто богатыхъ селеній, виноградныхъ садовъ, облекающихъ Днѣстровскій Лиманъ, предстоитъ единообразная степь; нѣтъ ни кусточка зелени, нѣтъ нигдѣ ни прутика, нѣтъ воды, нѣтъ жилья, ежели исключить землянки на почтовыхъ станціяхъ; словомъ, нѣтъ ничего кромѣ неба и земли. За Булгарской колоніею Татаръ-Бунаромъ, нѣсколько далѣе, въ разныхъ направленіяхъ и разной величины стелятся большія озера: Кагулъ, Ялпухъ, Катлабугъ, Сасикъ, Сафьянъ, большею частію ознаменованныя событіями въ военной Исторіи нашего Отечества. Отъ сихъ прекрасныхъ водъ начинаютъ далеко мелькать высокія горы Тульчинскія и на ровной плоскости темнѣютъ земляные оплоты Измаила. Сколько воспоминаній славныхъ и горестныхъ!... Сколько на семъ полѣ пролито крови братій нашихъ!... Здѣсь внутри крѣпости, между изкривленными узкими улицами, въ сей смиренной обители Вѣры, въ храмѣ ея, сыны Россіи! опочиваетъ прахъ Вейсмана! Еще нѣтъ памятника Вождю знаменитому — но дайте свободу чувствамъ вашимъ; да не возмутятся способности души вашей! Устремите внимательные взоры ваши на сіи величественныя горы Исакчи и Тульчи, на равнины Карасу (*): онѣ суть лучшіе, неизгладимые монументы Вейсмана!

(*) Журналъ кампаніи Графа Румянцева-Задунайскаго. *Прим. Сов.*

Довольно о войнѣ. Поидемъ насладимся новымъ городомъ, подобно магическому явленію вышедшимъ изъ недръ земли на этомъ пустырѣ. Не протекло еще двухъ десятилѣтій, какъ сіе мѣсто было полемъ битвъ упорныхъ, кровопролитныхъ. Теперь здѣсь нѣсколько церквей, правильныя улицы, площади, лавки и богатыя складочные купеческіе магазины; на каждомъ шагу видны слѣды довольства, чистоты.

Здѣсь, на предѣлахъ Бессарабіи, изстари намъ непріязненной и пріобрѣтенной отъ Порты только въ 1812 году, вы слышите свой національный языкъ. Вамъ говорятъ, что сіи соотечественники наши очень недавно были злѣйшими нашими непріятелями, что они сражались неутомимо и мужественно противу полковъ Русскихъ на противулежащемъ островѣ Татаѣ, дѣйствовали противъ Русской флотиліи, подъ Измаиломъ находившейся — и вы узнаете въ жителяхъ Измаильскаго предмѣстія нашихъ Некрасовцевъ.

Сергій Алексѣевичъ Тучковъ, въ прошедшую войну съ Турками, когда наша армія, дѣйствуя за Дунаемъ, покорила Измаилъ, основалъ это поселеніе. Геній сего друга человѣчества и просвѣщенія могъ подѣйствовать надъ умами одичалыхъ Некрасовцевъ. Генералъ, владѣющій даромъ слова (*), часто бесѣдовалъ съ ними, указалъ

(*) Прекрасный переводъ трагедій Расиновыхъ, объ Горація, Военный Словарь и другія сочиненія —

имъ мѣсто будущей селитьбы ихъ, и они приняли предложеніе и стали строиться на приятномъ возвышеніи близъ крѣпости. Сей подвигъ Тучкова тѣмъ болѣе достоинъ удивленія, что бури политическія столь же трудны бываютъ къ утишенію, какъ и бури въ природѣ! Изобиліе Дунайскихъ лѣсовъ, т. е. здѣшнихъ благодѣтельныхъ камышей, скоро дало пришельцамъ новые домы; богатѣйшіе рыбные промыслы и сбытъ произведеній по судоходной рѣкѣ преимущественно споспѣшествовали къ увеличенію новаго города, который и въ началѣ своемъ уже не страшился ничего подъ защитою грознаго Измаила и своихъ воинственныхъ гражданъ. Такимъ образомъ послѣ оттѣсненія Европейцевъ изъ странъ Придунайскихъ, Тучковъ насѣялъ здѣсь первыя сѣмена гражданственности! Какой предметъ для Историка! Здѣшніе жители не дѣти Девкаліона, происшедшіе изъ камней, и не воины Кадма, вышедшіе изъ зубовъ драконовыхъ (*) — они коренные Россіяне, нѣкогда озлобленные противу своей отчизны, слишкомъ ожесточенные противу оной, можетъ быть чрезъ мѣру злопамятные, но теперь вышедшіе изъ сна невѣжества и снова призванные подъ сѣнь Отечества геніемъ одного великаго человѣка! Вотъ одна черта прекрасная изъ Исторіи человѣчества отъ самой колыбели

поставляютъ С. А. Тучкова въ числѣ нашихъ знаменитѣйшихъ Писателей. *Прим. Соч.*

(*) Metamor. d' Ovide. Liv. III. *Прим. Соч.*

его! Кажется, здѣсь оправдывается изреченіе Гезіода, что слова имѣютъ болѣе силы, нежели руки.

Однакожъ не всѣ Некрасовцы изъ-за Дуная переселились къ Измаилу, въ предѣлы Россіи; часть ихъ, удерживаемая привычкою къ мѣсту, осталась при озерахъ Бабадагскихъ. Наши братья еще склоняли трепещущія колѣна, еще повергались въ уничиженіи предъ надменными Пашами. Прибывшіе Государя Императора на берега Дуная было ознаменовано вольностями и великодушными наградами, дарованными имъ побѣдоноснымъ Императоромъ. Бабадагскимъ Некрасовцамъ дана двадцатилѣтняя льгота: они пожелали остаться мирными поселянами.

А. М.

г. Варна.

И такъ! послѣ трехъ сотъ восьмидесяти четырехъ лѣтъ, когда войска Венгріи и Польши были разбиты Турками на поляхъ Варны, Царь Славянъ Сѣверныхъ отмстилъ пораженіе неустрашимаго Владислава. Его тѣнь ушѣшена! Пятно безславія Христіанъ въ книгѣ бытописаній — всегда священной своими истинами для потомковъ — смыто кровію враговъ вѣры Іисусъ-Христовой, и Виновникъ побѣды славной, здѣсь на упорныхъ оплотахъ древняго Одис-

суса (*) является намъ подобно Цезарю Германику, отыскивающему место, где погибли легіоны Квинтилія Вара, и воздающему последній умилительный долгъ падшимъ подъ ударами свирепаго Арминія (**)! Безъ союзниковъ, кромѣ своего мужества, въ довѣріи къ Государю Великому, Россіяне получили ключъ Византіи, и границы Балкановъ, оплотъ ненадежный для Азійскихъ варваровъ, отнынѣ послужатъ матеріалами для сооруженія пышнаго памятника славѣ Россіи!

Варна пала — и въ грозномъ пожарѣ своемъ осветила свободу потомковъ Ѳемистокла, Леонида и Тимолеона; съ высокихъ башенъ Варненскихъ перешагнувъ стопою твердою на Луну, склонившуюся долу, Ангелъ Креста и вольности уже воспарилъ на проясняющемъ горизонтѣ Эллады!

Оставимъ падшую Варну; раскроемъ лѣтописи народовъ, и изъ нихъ извлечемъ событія, здѣсь въ 1444 году случившіяся, великія по своей занимательности. Чтобы знать происшествія временъ давно-прошекшихъ, надобно, такъ сказать, совершить путешествіе въ царство Мертвыхъ: въ одной только бесѣдѣ съ мертвецами мудрыми, наблюдатель открываетъ достовѣрность или мнимость повѣсти. Вторая эпо-

(*) Варна, въ древности Одиссусъ, населенная Милетскими выходцами и названная симъ именемъ въ честь Улисса. *Прим. Сост.*

(**) Tacite Tom. 1, pag. 127. *Прим. Сост.*

ка, счастливѣйшая первой эпоха покоренія сей знаменитой крѣпости, да обрѣтешь писателя-очевидца; дѣла славныя сухопутныхъ и морскихъ ополченій Царя Русскаго, совершенныя предъ очами Представителей первостепенныхъ Державъ Европейскихъ, заслуживаютъ кисти искуснаго художника, тѣмъ паче, что воспоминанія и самое оживленіе въ листахъ Исторіи знаменитыхъ подвиговъ раждаютъ новые, или подобные!

Флоренцинскій соборъ, послѣ бывшаго въ Феррaро, снова убѣдилъ о невозможности соединенія Церквей Западной съ Восточною. Не смотря на внѣшность согласія и клятвенныя удостовѣренія Чиновъ обоихъ вѣроисповѣданій, соединеніе ихъ воедино скоро исчезло, какъ сонъ. Греческій Императоръ съ властями духовными и гражданскими, по двухлѣтнемъ пребываніи въ Италіи, отправился на Венеціанскихъ галерахъ въ свое отечество; но, приставая къ берегу, онъ былъ встрѣченъ крикомъ всеобщаго негодованія. Во все время, какъ столица оставалась безъ Государя, безъ святителей, безъ начальниковъ, нѣкоторые неспокойные, смутливые монахи, руководимые фанатизмомъ, исподволь старались произвесть безначаліе, управляя совѣстію людей преклонныхъ годами или слѣпо набожныхъ, а также женщинъ и дѣтей; они знали искусство вездѣ, при всякомъ случаѣ, внушать имъ ненависть къ *Латинамъ*. Между тѣмъ, какъ пламя гибельна-

го раскола переступило за предѣлы Греческой Имперіи — Патріархи Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій съ твердостію отвергли постановленія Феррарскаго и Флорентинскаго соборовъ, даже угрожали отлучить Императора отъ Церкви Восточной. Палеологъ, хотя и встревоженный столь рѣшительными мѣрами блюстителей паствы своего Царства, все еще думалъ противуборствовать господствующему вѣроисповѣданію; но постоянное отверженіе народомъ догматовъ Католическихъ открыло ему всю великость его ошибки — принять ученіе Папистовъ. Страсти кипѣли въ Византіи — думали о расколѣ, горячились, спорили — и оставляли мірское дѣло, чтобы развязывать такія духовныя истины, ясное понятіе коихъ въ то время не было удѣломъ человѣка.

Евгеній весьма помнилъ объ исполненіи обѣтовъ, данныхъ имъ Грекамъ. Сей Первосвященникъ Рима питалъ нѣжную привязанность къ Греческой Имперіи, между тѣмъ душа старца колебалась при помышленіи, что Турки могутъ ворваться въ Италію и опустошить ее. Но духъ крестовыхъ походовъ уже не существовалъ болѣе и Франки, вмѣсто энтузіазма, явили теперь какую-то неизъяснимую, ничѣмъ неизвиняемую холодность. Слабый Фридерикъ, какъ Императоръ, не имѣлъ къ себѣ никакого почтенія отъ народа Нѣмецкаго, уже взволнованнаго Іоанномъ Гусомъ; продолжительныя войны истощили силы Фран-

ціи и Англіи; Италія занималась дѣлами церковными и торговыми; Португалія мореплаваніемъ и открытіями въ Африкѣ; только Венгрія и Польша изъявили благородную готовность ополчиться противу Турковъ. Онѣ желали остановить успѣхи ихъ, становившіеся страшными для Христіанства.

Но слишкомъ чрезмѣрный порывъ ихъ къ сему состязанію содѣлывалъ оба сіи народа въ частности неспособными ни къ согласію, ни къ повиновенію. Земли ихъ изнищали и Король не имѣлъ столько власти и средствъ, чтобы содержать устроенную армію. Иррегулярной Венгерской и Польской конницѣ не доставало иного вооруженія и тѣхъ чувствованій, которыя въ иныхъ случаяхъ давали Французской кавалеріи ничѣмъ несокрушаемое мужество. Одинъ Владиславъ, юный, честолюбивый, мужественный, соединявшій на своей главѣ корону Польскую и Венгерскую, и Іоаннъ Гунніадъ, коего имя уже славилось между Христіянами, было грозно для Турковъ — одни сіи мужи ручались за успѣхъ будущаго предпріятія. Греческій Императоръ, съ твердостію, чуждою для предковъ его, принялъ на себя защиту Босфора, и далъ слово выступить изъ Константинополя, предводительствуя собственными и наемными войсками.

Война священная! былъ единственный кликъ на сеймахъ Польши и Венгріи; и Владиславъ, переправясь за Дунай, по-

велѣ армію своихъ подданныхъ-союзниковъ къ Софію, столицу Булгаріи. На семъ походѣ онъ одержалъ двѣ блестящія побѣды, которыя, по справедливости, были отнесены къ мужеству и дѣйствіямъ Гунніада. Въ первомъ дѣлѣ онъ командовалъ авангардомъ изъ десяти тысячъ человѣкъ, съ коими ударилъ въ расплохъ на лагерь Турецкій; въ другомъ Гунніадъ поразилъ и плѣнилъ одного изъ прославившихся Пашей Турецкихъ, не взирая на двойную невыгоду и мѣстнаго положенія и числа войскъ. Приближающаяся зима и препятствія естественныя и искусственныя горъ Гемусъ остановили сего героя, котораго шестидневный переходъ могъ бы привести отъ подошвы ихъ до непріятельскихъ башенъ Адріанопольскихъ, или въ столицу приязненную Греческой Имперіи. Армія побѣдителей, ни кѣмъ не превоженная, спокойно отступала, и вступленіе полковъ въ Буду въ одно время имѣло видъ и воинскаго тріумфа и духовнаго шествія. Король, сопровождаемый воинами, пѣшешествовалъ между двухъ рядовъ духовенства; на вѣсахъ правосны онъ взвѣсилъ заслуги и далъ награды обоимъ народамъ, и набожное смиреніе Христіанина здѣсь умалило тщеславіе побѣды. Тридцать тысячъ Оттоманъ пало въ сихъ сраженіяхъ, какъ свидѣтельствуютъ письма Венгерцовъ къ Императору Фридерику III. Но самымъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ успѣховъ Владислава было прибытіе посланниковъ Турецкихъ, уполномоченныхъ ис-

просишь миръ, выкупишь плѣнныхъ, очистишь Сербію и границы Венгріи. По сему трактату, заключенному на сеймѣ Сегединa, Король, Деспотъ, удалившійся изъ Сербіи, и Гуниадъ, получили всѣ выгоды, какихъ могли желать въ отношеніи общественномъ и частномъ. Въ Сегединѣ условились о перемиріи на десять лѣтъ; ученики Іисуса Христа и послѣдователи Магомета произнесли клятву, первые на Св. Евангеліи, послѣдніе на Коранѣ; обѣ стороны равномѣрно призывали имя Бога, доборника истины и мстителя вѣроломства.

Онъ Римскаго Двора присутствовалъ на народномъ сеймѣ Кардиналъ Цезарини. Какъ онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ при заключеніи упомянутаго трактата и виновникомъ новой войны противу опрашнаго Амурата, то мы представимъ нѣкоторый очеркъ характера сего знаменитаго своего времени мужа.

Юліанъ Цезарини происходилъ изъ знатнѣйшей Римской фамиліи. Гибкій умъ его обнималъ всѣ отрасли науки Юридической и Теологической Грековъ и Латиновъ, а сила его генія давала ему вѣрный и полный успѣхъ въ Академіяхъ, при Дворѣ и въ лагеряхъ. Какъ достойнѣйшій изъ Кардиналовъ, онъ былъ посланъ въ Германію убѣдить Императора принять оружіе противу мятежниковъ и ересиковъ Богемскихъ. Хотя духъ преслѣдованія не достоинъ Христіанина и ремесло войны не приличествуетъ сану духовному; но обычаи вѣка из-

нанія первое, и Юліанъ облагородилъ другое своею неустрашимостію, оставаясь однимъ непоколебимымъ среди послѣдняго пораженія Нѣмцовъ. Въ качествѣ Легата Папскаго, Цезарини открылъ соборъ въ Базелѣ, и какъ предсѣдательствующій на онomъ, явилъ себя ревностнѣйшимъ поборникомъ свободы духовенства, и своею ревностію и умъньемъ далъ оппозицію въ продолженіе сей лѣтъ. Предпринимая мѣры строгія противу власти и особы Папы Евгенія, по какому-то тайному побужденію, а можетъ быть по совѣсти, Кардиналъ оставилъ народную сторону, удалился изъ Базеля въ Феррару, и на тамошнемъ соборѣ, во время прѣній Грековъ и Латинъ, обѣ стороны удивлялись его глубокому познанію въ наукѣ Богословской. Отселѣ онъ былъ назначенъ въ Венгрію, и былъ присутствующимъ на послѣднемъ сеймѣ.

Кардиналъ видѣлъ, что онъ одинъ не въ силахъ воспротивиться волѣ народа и Государя, и потому во время разсужденій о постановленіи мира наблюдалъ глубокое молчаніе. Еще сеймъ не былъ распущенъ, какъ къ нему прибылъ нарочный съ извѣстіями весьма важными, что Султанъ Караманскій, врагъ Амуратовъ, произвелъ сильную диверсію въ Анатоліи, и Императоръ Греческій напалъ на Ѳракію; что флоты Венеціанской, Генуэзской и Бургонской заняли Геллеспонтъ, и что союзники, знавшіе о побѣдѣ Владислава, но неизвѣстные о мирѣ, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возвращенія его

арміи. „Такимъ-то образомъ — вскричалъ Кардиналъ Королю, возвеличась при сихъ счастливыхъ вѣстяхъ — такимъ-то образомъ вы обманываете надежды союзниковъ и покидаете ваше собственное счастіе! Вы дали клятву имъ, вашему Богу и Христіанамъ, братіямъ вашимъ; и первый обѣтъ присяги вашей отравленъ присягою неблагоразумною и святотатственною, произнесенною врагамъ Іисусъ-Христовымъ. Въ семъ мірѣ Папа Его Намѣстникъ; вы не властны законно ни обѣщать, ни дѣйствовать безъ благословенія Святаго Отца. Его именемъ я освящаю оружіе ваше и слагаю съ васъ клятвопреступленіе. Слѣдуйте за мною стезею спасенія и славы, и если остается въ васъ безпокойство совѣсти, на меня сложите преступленіе и наказаніе!“

Народныя собранія никогда не бываютъ постоянны, и война скоро была рѣшена въ томъ-же самомъ мѣстѣ, гдѣ клялись Туркамъ о мирѣ. Правила вѣка, общественный восторгъ при одномъ помышленіи освободить отъ нападенія невѣрныхъ Св. Церковь, служили Владиславу главнымъ оправданіемъ въ семъ случаѣ; но трактатъ, долженствующій разрѣшить его совѣсть, уменьшилъ силы сего Государя. Поляки, чувствовавшіе усталость послѣ отдаленнаго похода, спѣшили воспользоваться позволеніемъ обратиться въ отечество; ихъ воеводы соскучились о своихъ помѣстьяхъ и сверхъ того, кажется,

имъ не нравилося оставаться долѣе въ повиновеніи у иностранныхъ начальниковъ. Нѣмецкіе и Французскіе охотники удалились съ ропотомъ негодованія, едва услышавъ о мирѣ; междоусобіе раздѣляло Венгерцовъ, — и такимъ образомъ число оставшагося войска не превышало двадцати тысячь. Одинъ Валахскій Господарь, присоединившійся съ своими васаллами къ арміи Королевской, осмѣлился замѣтить, что Султанъ, выѣзжая на охоту, часто бываетъ сопутствуемъ не меньшимъ числомъ войска, какъ Королевская армія, и что двѣ лошади удивительной быстроты, присланныя отъ него въ даръ Владиславу, могутъ означать, что онъ предсказывалъ о будущемъ. Но Деспотъ Сербіи, получившій свое царство и своихъ дѣтей, льстился приобрѣтеніемъ новыхъ владѣній. Неопытность Владислава, энтузіазмъ Легата, самомнѣніе храбрѣйшаго Гуніада, убѣдили Короля, что всѣ преграды должны рушиться предъ несокрушаемымъ могуществомъ его меча и Креста. Переправясь черезъ Дунай, двумя путями достигаютъ Константинополя и береговъ Геллеспонта. Одна дорога, прямая, идетъ чрезъ горы Гемусъ, но она чрезвычайно гориста и затруднительна; другая, дальнѣйшая, но гораздо удобнѣйшая ближней, проложена по берегамъ Чернаго моря — послѣдняя была предпочтена первой. Армія Католическая проходила Булгарію, предавая огню все встрѣчающееся, немилосердо истребляя

церкви и нимошнія Христіанскія селенія, и занила свою послѣднюю позицію близъ Чернаго моря у Варны — мѣста, содѣлавшагося извѣстнымъ пораженіемъ и смертію Владислава и славными побѣдами Николая Пятаго чрезъ 884 года послѣ того несчастнаго событія.

На сихъ роковыхъ поляхъ, вмѣсто того чтобъ узрѣть многочисленный флотъ, долженствующій содѣйствовать арміи сухопутной — союзники узнали, что Амуратъ, вышедши изъ своего уединенія, коему посвятилъ было дни свои въ Магнезіи, прибылъ со всѣми силами своей Азіи на помощь завоеваніямъ своимъ въ Европѣ. Здѣсь объясняютъ нѣкоторые писатели, что Императоръ Греческій, устрашенный или совращенный, отдалъ ему переправу черезъ Босфоръ и что Генуэзскій Адмиралъ, Кардиналъ и племянникъ Папы, былъ купленъ, и не могши смыть съ себя пятна позорнаго преступленія, не смѣлъ уже охранять Геллеспонтъ.

Амуратъ, предводительствуя шестьюдесятью тысячами человѣкъ, приближался усиленными переходами, и когда Гуніадъ и Цезарини изблизи могли осмотрѣть устроеніе и число Турковъ, сіи пылкіе воины подали голосъ о ретирадѣ; но уже всякое отступленіе содѣлалось неудобоисполнимымъ. Только одинъ Король съ твердостію объявилъ, что наступилъ часъ побѣдить или пасть, и чуть было его великодушная рѣшимость не была увѣнчана по-

бѣдою. . . . Оба Государя сражались въ срединѣ, другъ противу друга; Паши Румелійскіе и Анатольскіе начальствовали на лѣвомъ и правомъ крылѣ противу дивизій Гуніада и Деспота Сербскаго, и въ первомъ ударѣ оба крыла Турецкой арміи были прорваны. Но сія поверхность содѣлалась несчастіемъ. Побѣдители, въ пылу преслѣдованія, слишкомъ занеслись впередъ за убѣгающимъ непріятелемъ, и потому не было возможности подкрѣпить ихъ. Когда Амуратъ увидѣлъ, что его конница бѣжитъ, онъ отчаялся въ счастіи своемъ и своей Державы; но одинъ старый янычаръ остановилъ за поводъ его лошадь, и Султанъ великодушно простилъ, даже наградилъ рядоваго воина, который дерзнулъ примѣшать робость своего повелителя и воспрепятствовалъ его побѣгу. Владиславъ съ корпусомъ, меньшимъ числомъ и уже разстроившимся, мужественно ударилъ на непріятеля и проникъ до непроницаемой фаланги янычаръ, гдѣ, если вѣрить лѣтописямъ Турецкимъ, Амуратъ пронзилъ своимъ копьемъ его лошадь. Владиславъ палъ подъ ударами непріятельской пѣхоты, и одинъ рядовой Турокъ, отрубивъ ему голову, вскричалъ громогласно; „Венгерцы! вотъ голова вашего Короля!“ — Смерть Владислава была знакомъ ихъ пораженія, и Гуніадъ, примчавшійся изъ своего необдуманнаго преслѣдованія, увидѣлъ всю чрезмѣрность своей ошибки, причинившей общую гибель. Тщетно онъ усиливался вы-

ручить тѣло Короля; подавленный громадою и безпорядкомъ побѣдителей и побѣжденныхъ, Гунніадъ употребилъ послѣднія усилія своей неустрашимости и искусства, чтобы спасти остатокъ своей Валахской конницы. Десять тысячь Христіанъ погибло въ губительную Варненскую битву; уронъ Турковъ былъ значительнѣе, но въ соразмѣрности ихъ числа менѣе чувствителенъ. Амуратъ сознался, что другая подобная побѣда сокрушитъ побѣдителя. Онъ повелѣлъ воздвигнуть колонну на томъ мѣстѣ, гдѣ палъ Владиславъ; въ наше время она уже не существуетъ, но сіи подробности, думаю, не посторонни для Владислава — онѣ суть титла его истиннаго благородства!

Главный виновникъ сей брани, Юліанъ Цезарини, погибъ въ общемъ пораженіи подъ Варною. О смерти его разсказываютъ различно; но вообще согласны въ томъ, что золото, коимъ былъ отягченъ Кардиналъ Легатъ, затрудняло его бѣгство, и прельстило нѣкоторыхъ изъ бѣжавшихъ злодѣевъ лишить его жизни.

Спустя четыре года послѣ несчастнаго сраженія подъ Варною, Гунніадъ вторично проникъ въ сердце Булгаріи, и даже до третьяго дни удерживалъ всѣ усилія Оттоманской арміи, *вчетверо его сильнѣйшей*, на равнинахъ Коссовіи. Герой, здѣсь всѣми покинутый, бѣжалъ одинъ чрезъ лѣса

Валахскіе, и на пути былъ задержанъ двумя разбойниками; но между тѣмъ, какъ они завели споръ, кому доставаться золотой цѣпи, висѣвшей у него на шеѣ, онъ выхватилъ свой мечь и пронзилъ одного разбойника, другой обратился въ бѣгство. Избѣгая послѣ того новыхъ опасностей, угрожавшихъ его свободѣ и самой жизни, Гунніадъ ушѣшилъ опечаленный народъ своимъ явленіемъ. Защита Бѣлграда противу всѣхъ силъ Оттоманскихъ, предводительствуемыхъ Магомешомъ II, была славнѣйшимъ и послѣднимъ изъ подвиговъ его жизни. Турки, по сорокадневной осадѣ достигнувшіе даже до самаго города, были принуждены къ отступленію. Народы, преисполненные радости, прославляли Гунніада и Бѣлградъ, какъ оплотъ Христіанства; но за симъ великимъ избавленіемъ, спустя около мѣсяца (4 Сент. 1456 г.), послѣдовала кончина того, кто произвелъ оное. Гунніадъ раздѣлялъ славу защиты Бѣлграда съ Капистраномъ, монахомъ Францисканскаго ордена, и наилучшею эпитафіею героя можно считать то соболѣзнованіе, которое явилъ могущественный Магомешъ, услыша о смерти Гунніадовой, отчаясь въ надеждѣ отмстить только одному изъ всѣхъ своихъ противниковъ, *никогда* имъ непобѣжденному. При первомъ упраздненіи трона, признательные Венгерцы избрали и короновали своимъ Королемъ его сына Матіаса Корвина, тогда еще бывшаго осьмнадцатилѣтнимъ юношею. Царствованіе его было продолжи-

пельно и благополучно. Маціасъ покровительствовалъ науки, и память знаменитаго Гунніада одолжена своимъ блескомъ краснорѣчію Ораторовъ и Историковъ Латинскихъ, которыхъ великодушный сынъ его пригласилъ къ себѣ изъ Италіи.

А. М.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Въ исходѣ 1827 года К. Ѳ. Калайдовичъ возвратился было къ изданію журнала, посвященнаго отечественной Исторіи, Археологіи и Словесности; но нижняя болѣзнь, поспѣшившая его въ началѣ предпріятія, остановила труды его. Друзья К. Ѳ., желая, чтобы доброе намѣреніе его осталось нещетнымъ, рѣшились соединенными силами составлять журналъ, предоставляя ему всѣ выгоды отъ онаго. Вотъ имена сихъ особъ, которымъ предъ лицемъ Публики приносимъ мы искреннѣйшую благодарность отъ имени брата нашего: С. Т. Аксаковъ, М. А. Дмитріевъ, И. В. Кирѣевскій, М. А. Максимовичъ, В. И. Оболенскій, Д. П. Озеровъ, М. П. Погодинъ, С. Е. Раичъ, А. Ѳ. Томашевскій, С. П. Шевыревъ и А. С. Ширяевъ, принявшій на себя изданіе (*).

Такимъ образомъ журналъ воспріялъ начало и продолжался. Все, что было изготовлено К. Ѳ. К., о чемъ мы знали навѣрное, все то напечатано въ первыхъ нумерахъ; прочія книжки Гда Издатели составляли изъ собственныхъ матеріаловъ. Хорошо ли исполнили они добровольно принятую на себя обязанность, мы не смѣемъ судить, будучи сами въ числѣ ихъ. Труды литературные подлежатъ сужденію Публики, которая, уважая обстоятельства, по крайней мѣрѣ не скучала замедленіемъ журнала, и мы обязаны ей благодарностію за сіе снисхожденіе (**).

(*) С. Н. Глинка, подавшій первую мысль — издавать журналъ общими силами, В. Н. Каразинъ и Н. А. Полевой также изъявляли готовность свою участвовать въ составленіи Зрителя; но всѣ нумера онаго были уже разобраны. Приносимъ и имъ благодарность нашу.

(**) Одинъ только Г. Свиньинъ отозвался весьма невыгодно и даже неприлично о великодушіи, можетъ быть

Остановка первыхъ нумеровъ Зрителя прекратила подписку, которая сначала шла успѣшно. Собранная сумма, за исключеніемъ предварительныхъ издержекъ, такъ мала, что по уплатѣ за печатаніе, бумагу и прочее, едва ли будетъ какой остатокъ въ пользу К. Ѳ. К. Но есть еще нѣсколько десятковъ непроданныхъ экземпляровъ журнала; а потому, обращаясь къ великодушію Публики, мы смѣемъ надѣяться, что покупкою оныхъ благотворительные люди доставятъ ему пособіе, необходимое въ теперешнемъ его положеніи, когда еще слабость тѣлесныхъ силъ не позволяетъ ему ничѣмъ заниматься.

Между тѣмъ мы собрали нѣсколько статей для *альманаха*, который предполагаемъ издать на будущій годъ въ пользу брата нашего, если число занимательныхъ пьесъ будетъ достаточно. Почему усерднѣйше просимъ всѣхъ Литтераторовъ нашихъ содѣйствовать намъ въ семъ предпріятіи. Положеніе К. Ѳ. К.,

---

единственномъ подвигѣ Московскихъ Литтераторовъ. Въ Февральской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ 1829 года, на стр. 325, сказавши, что Б. М. Ѳедоровъ, по несостоянію журнала, имъ преднамѣреннаго, принялъ мѣры возвратить сполна деньги подписчикамъ, онъ продолжаетъ: „къ сожалѣнію не такъ поступили пріятели Г. Калайдовича, взявшіеся, по болѣзни его, продолжать предпринятый имъ Зритель въ Москвѣ. Напечатавъ *двадцать четыре* книжки сего журнала Богъ знаетъ чѣмъ, помѣстивъ даже слово въ слово статьи, напечатанныя въ другихъ журналахъ, какъ напримѣръ: Поѣздку В. К. Елены въ В. К. Литовскому Александру, помѣщенную въ XXVII части Отечественныхъ Записокъ, и пр. и пр., они услужили Г. Калайдовичу какъ Мишка своему пріятелю, въ Баснѣ Г. Крылова.“

Всякой воленъ думать, какъ ему угодно; замѣтимъ однакожъ, что почтенный П. П. *ошибся въ счетѣ*; при появленіи Февральской его книжки было отпечатано только *шестьнадцать* нумеровъ Русскаго Зрителя.

живущаго всегда учеными трудами своими, таково, что одни пособія людей благотворительныхъ могутъ поддержать его и семейство его. Просимъ всѣхъ, желающихъ украсить альманахъ нашъ стихами своими, объявлять намъ адресы свои: мы поставимъ пріятнѣйшимъ для себя долгомъ сообщить всѣмъ безденежно по одному экземпляру онаго. Адресъ нашъ: Колл. Ассесору Ив. Ѳедор. Калайдовичу, въ книжную лавку Коммисіонера Императорскаго Московскаго Университета А. С. Ширяева.

Благодаримъ усерднѣйше всѣхъ особъ, помогавшихъ намъ въ составленіи нашихъ нумеровъ Зрителя.

Петръ Калайдовичъ.
Иванъ Калайдовичъ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ КАРТИНКИ.

Сіи изображенія, снятыя съ отличною точностію Г. Адъюнктомъ Галлеромъ и литографированныя въ литографіи Моск. Унив., находятся на картѣ древней Лифляндіи слѣдующаго заглавія: Livland nach der Eintheilung Heinrich des Letten und zu den Zeiten der Bischöffe u. Ordensmeister bis 1562. Сочин. Трубе, рисов. Краузе, гравир. Рамбергомъ; годъ не означенъ. — Карта сія принадлежитъ К. Ѳ. Калайдовичу.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

ИСТОРІЯ.

Стр.

Сказаніе о побоищѣ В. К. Димитрія Іоанновича Донскаго. (*И. М. Снегирева*). 3

КРИТИКА.

Замѣчанія на Словарь Академіи Россійской. (*И. О. Калайдовича*) 60

СЛОВЕСНОСТЬ.

1. Эпикуреецъ — романъ Томаса Мура. (*В. И. Мальцева*). 105

2. Гимны Орфея (*Н. И. Надеждина*). 143

3. Золотые стихи Пивагора. (*Н. И. Надеждина*). 165

СМѢСЬ.

1. Торжественное Посольство Англійской Королевы Анны къ Царю Петру, въ удовлетвореніе за оскорбленія, нанесенныя въ Лондонѣ Россійскому Посольству. 171

2. Іоаннъ Ексархъ Болгарскій. 184

3. Грамата Царя Алексѣя Михайловича. . . . 196

4. Глаголическая рукопись. 197

5. Письмо Черногорскаго Митрополита Даніила. 198

6. О мѣстѣ рожденія Петра Великаго. . . . 200

7. Цыфирное письмо. . . . . —

8. Метрическія мѣры. 202

9. О сочиненіяхъ Шапрова. 204

ПРИБАВЛЕНІЕ.

1. Нѣчто о низовьяхъ Дуная. (*А. И. Мартоса*). 217

2. Варна (*А. И. Мартоса*). 230

Отъ издателей. 245

Изъясненіе картинки. 247

Проза.

[illegible] Щепъ въ Москвѣ 1812 года . . . 72
Темиръ — повѣсть. (*Оболенскаго*). . . . 90
О романахъ (*В. Измайлова*). . . . 208
Отрывки изъ путевыхъ записокъ. (*З. Р.*) . . 224
Двѣ главы изъ Певериля (*Романа Валтера Скотта. — С. А.*) 241

ТЕОРІЯ ИЗЯЩНЫХЪ ИСКУССТВЪ.

Объ эпической поэзіи (*оконч.*). 103

КРИТИКА.

О характерѣ Русскихъ лѣтописей. (*И. В.*) . 114
Замѣчанія на нѣкоторыя Армянскія книги. (*А. А.*) 120

СМѢСЬ.

Анекдоты. 127
Прибытіе въ Египетъ ученыхъ Французовъ и Флорентинцевъ. Открытіе неизвѣстнаго языка. Свадьба обезьянъ. Періодическіе листки Австраліи. Взглядъ на Турцію. . . . 134
Анекдотъ о Байронѣ. Мата-Мата Че-Лаутъ. Футтихъ Али Ханъ. 263

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

ИСТОРІЯ.

Стр.

Сказаніе о побоищѣ В. К. Димитрія Іоанновича Донскаго. (*И. М. Снегирева*). 3

КРИТИКА.

Замѣчанія на Словарь Академіи Россійской. (*И. Ѳ. Калайдовича*) 69

СЛОВЕСНОСТЬ.

1. Эпикуреецъ — романъ Томаса Мура. (*В. И. Мальцева*). 105
2. Гимны Орфея (*Н. И. Надеждина*). 143
3. Золотые стихи Пиѳагора. (*Н. И. Надеждина*). 165

СМѢСЬ.

1. Торжественное Посольство Англійской Королевы Анны къ Царю Петру, въ удовлетвореніе за оскорбленія, нанесенныя въ Лондонѣ Россійскому Посольству. 171
2. Іоаннъ Ексархъ Болгарскій. 184
3. Грамота Царя Алексѣя Михайловича. . . . 196
4. Глаголическая рукопись. 197
5. Письмо Черногорскаго Митрополита Даніила. 198
6. О мѣстѣ рожденія Петра Великаго. . . . 200
7. Цыфирное письмо. . . . . —
8. Метрическія мѣры. 202
9. О сочиненіяхъ Шатрова. 204

ПРИБАВЛЕНІЕ.

1. Нѣчто о низовьяхъ Дуная. (*А. И. Мартоса*). 217
2. Варна (*А. И. Мартоса*). 230
Отъ издателей. 245
Изъясненіе картинки. 247

ПОГРѢШНОСТИ.

На стран. 82, стр. 14, пропущено: *Свѣточъ*: фонарь; а *пламенникъ*: свѣточъ — въ Алф. прибавлено: изъ воску, сала или смолы, и пр.

На стран. 98, стр. 31, 32, надъ буквами *іе* должна быть *облеченная* (circonflexe).

На стран. 99, стр. 7, въ третьемъ словѣ, удареніе должно быть надъ буквою *ѣ*; а въ стр. 9, надъ буквою *ы*, въ словѣ *міра*.

Прочія опечатки Читатели благоволятъ исправить сами.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ,

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, АРХЕОЛОГІИ, СЛОВЕСНОСТИ

И

СРАВНИТЕЛЬНЫХЪ КОСТЮМОВЪ.

Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ Отечество; *желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твёрдое основаніе нашего величія; да правила Мудраго* Самодержавія *и* Святой Вѣры *болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія . . . по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!*

Карамзинъ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1830.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра сей книги.

Москва, 26 Января 1830.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ XXI и XXII.

I.

ОБЪ УЧАСТІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА ВЪ ПРОСВѢЩЕНІИ РОССІИ.

Рѣчь, говоренная Адъюнктомъ Михаиломъ Максимовичемъ въ Университетскомъ Собраніи 1830 г. 12 Января.

Ежегодно въ сей день собирались мы, достопочтенные Наставники и Начальники и любезные Сотоварищи! праздновать день основанія нашего Университета, и приносили моленіе ко Всевышнему, да осѣнитъ и укрѣпитъ насъ благодатію своею на грядущій годъ.

Для сего собрались мы и въ настоящій день новаго года. Подѣлимся же тѣми чувствами, коими исполнены сердца наши въ сей *незабвенный* день.

Въ сей день начинается послѣдняя четверть вѣка сего святилища наукъ, коего 75-лѣтняя жизнь, теперь свершившаяся, была толикою пользою для Отечества. Нынѣ Музы Московскія празднуютъ побѣды воинства нашего и возносятъ благословенія свои ЦАРЮ, Который, вѣнчаясь побѣднымъ лавромъ, даритъ насъ оливами благодатнаго мира.

Избранный вами почтишь достойнымъ словомъ такой день, чѣмъ всего приличнѣе могу занять вниманіе ваше, какъ не воспоминаніемъ тѣхъ заслугъ, какія оказалъ Отечеству нашъ Университетъ, и того участія, какое имѣлъ онъ въ просвѣщеніи Россіи? — Знаю, что не по силамъ и не по свѣдѣніямъ моимъ изобразить вполнѣ картину сію, и что полная Исторія Университета приготовляется однимъ изъ Членовъ сего сословія; но избираю предметъ сей, будучи увѣренъ, что, по важности онаго, и слабый очеркъ мой удостоится вниманія вашего.

*

Просвѣщеніе Русское (какъ и вообще Науки по ихъ возрожденіи) сначала принадлежало Духовенству. Духовныя Академіи *Кіевская* и въ Москвѣ *Заиконоспасская* были первыми школами, гдѣ воспитывалось младенчество нашего просвѣщенія. Отъ того почти всѣ первые писатели наши были духовные отцы.

Великій Петръ вывелъ сего *младенца* на свѣтъ гражданскій. Вдвинувъ Россію въ политическій составъ Европы, и соединивъ навсегда судьбу ихъ, онъ хотѣлъ и долженъ былъ дать просвѣщенію Русскому иное воспитаніе и другихъ учителей. Для всеобщаго преобразованія Россіи, ему надобно было иныхъ только одѣть поевропейски, а на новое поколѣніе всѣхъ званій распространить образованность, хотя

первоначальную. И онъ учредилъ: особыя училища для дѣтей духовнаго званія, гарнизонныя школы для дѣтей солдатскихъ и народныя училища по разнымъ городамъ для прочихъ званій, кромѣ Дворянства, для коего въ особенности Петръ назначилъ училища военныя, которыя, будучи и въ послѣдствіи совершенствуемы и распространяемы, доставляли Отечеству отличныхъ воиновъ.

Понятно, что Петръ имѣлъ здѣсь просвѣщеніе не столько цѣлію, сколько средствомъ къ тому, дабы утвердить силу Россіи. Но дѣйствовавъ такимъ образомъ для своего времени, онъ мыслилъ о будущей судьбѣ — своей, такъ страстно имъ любимой, Россіи, и заготовляль пособія къ ея просвѣщенію для наукъ и художествъ. По совѣту знаменитаго Философа Лейбница, онъ предположилъ учредить Академію Наукъ съ двоякою цѣлію: для изданія полезныхъ книгъ и образованія наставниковъ, и для приведенія въ извѣстность Россіи въ разныхъ отношеніяхъ. Но сію мысль суждено было привести въ дѣйствіе Екатеринѣ Iй.

Академія, состоявшая наиболѣе изъ ученыхъ иностранцевъ, могла содѣйствовать одной цѣли и была дѣйствительно полезна для наукъ: она въ состояніи была образовать нѣсколько ученыхъ людей; но не могла дѣйствовать непосредственно на распространеніе просвѣщенія въ Россіи. При-

званные чужеземцы болѣе любили науки свои, чѣмъ Россію; болѣе лестно было для нихъ обогатить свою науку свѣдѣніями о великой и неизвѣстной еще странѣ, чѣмъ распространять науку въ сей невоздѣланной и для нихъ чуждой землѣ; притомъ они не знали языка нашего и нашихъ потребностей.

Въ Академіи только заготовлялись науки; въ прочихъ заведеніяхъ только подготовлялись люди для принятія наукъ; но не было мѣста, гдѣ бы сіи двѣ стихіи соединились въ единую жизнь, и отнуда бы жизнь сія разлилась по всей Россіи, какъ живая кровь изъ сердца разноситъ жизнь по всему тѣлу. И гдѣ же могло совершиться сіе, какъ не въ Москвѣ, въ семъ средоточіи Россіи, въ семъ древнемъ, національномъ и первопрестольномъ градѣ? Въ *новой* столицѣ не могло это быть, и по отдаленности ея на краю Отечества, и по множеству постороннихъ въ ней тогда видовъ.

Въ царствованіе блистательной Дщери Петра, въ Москвѣ, какъ въ полной груди, забилось сердце Россіи, и 1755 годъ *есть незабвенный годъ основанія нашего Университета, имѣвшаго непосредственное вліяніе на просвѣщеніе Россіи, на просвѣщеніе, въ которомъ заключается сущность народной жизни.*

И кому же, какъ не Русскимъ, было замыслить и исполнить сіе великое дѣло? *Ломоносовъ* и *Шуваловъ* были люди, коимъ

Россія столь много обязана за водвореніе наукъ и художествъ, за свое просвѣщеніе.

Шуваловъ, какъ просвѣщенный Вельможа и Царедворецъ, былъ ходатаемъ у Елисаветы за Университетъ, основателемъ его и *первымъ Куратором*. — Ломоносовъ внушилъ ему эту мысль, составилъ планъ для учрежденія Университета, и былъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ этомъ дѣлѣ. И если Словесность наша и Поэзія обязаны ему и правилами и образцами первоначальными; если онъ былъ однимъ изъ первыхъ Физиковъ своего времени; если въ немъ первомъ изъ Рускихъ видимъ мы такую глубину, разнообразіе и обширность знанія, и дивимся уму его: то съ другой стороны должно почтить въ немъ ту силу воли, съ которою онъ вышелъ изъ рыбачей хижины своей и дѣйствовалъ на поприщѣ просвѣщенія — силу воли, которая вмѣстѣ съ умомъ составляетъ въ немъ истиннаго генія. Петръ сдѣлалъ все для устройства и славы Россіи, что только могъ сдѣлать тогда геніальный человѣкъ съ державною властію; Ломоносовъ сдѣлалъ все для просвѣщенія Россіи, что только можно было сдѣлать генію-гражданину.

Шуваловъ и Ломоносовъ, основавъ Университетъ Московскій, учредили при немъ двѣ Гимназіи: *дворянскую* и *разночинскую*, для приготовительнаго обученія юношества; они завели типографію при Университетѣ, для бо́льшаго распространенія знаній и чтенія изданіемъ книгъ и Вѣдо-

мостей; они умѣли отличить и избрать людей, способныхъ къ исполненію великаго дѣла, какъ то можемъ судить по примѣру Поповскаго и Барсова.

Въ незабвенное царствованіе Екатерины Великой, когда не одно покровительство, но и участіе наукамъ оказываемо было свыше, когда такъ умножено было число училищъ (1767), Университетъ имѣлъ въ *Мелиссино* и *Херасковѣ* двухъ Кураторовъ, достойныхъ сподвижниковъ Шувалова. Сіи мужи доставляли всѣ возможные способы къ распространенію дѣйствій Университета, который съ сею цѣлію основалъ (1779) для Русскаго Дворянства *Благородный Пансіонъ*; учредилъ (1782) *Филантропическую Семинарію*; завелъ (1759) Гимназію въ Казани, которая служила основаніемъ нынѣшнему тамъ Университету. Такимъ образомъ въ теченіе цѣлаго полвѣка Университетъ, непрерывно получая отъ Правительства и Начальства всевозможное содѣйствіе, будучи обогащаемъ приношеніями Демидовыхъ, Твердышевыхъ и другихъ согражданъ, приходилъ въ цвѣтущее состояніе.

Но въ чемъ состояло его главное вліяніе на просвѣщеніе Россіи? . . . . .

Мѣру просвѣщенія какой-либо страны составляетъ не число ученыхъ головъ, въ кабинетахъ и фоліантахъ коихъ науки совершенствуются и живутъ, какъ отшельники въ своихъ кельяхъ. Тогда науки со-

ставляютъ просвѣщеніе, когда онѣ распространяются, движутся,ростутъ въ умѣ всего народа и его совершенствуютъ. Пустить науку въ оборотъ между умами, распространить ее, значитъ разлить просвѣщеніе въ народѣ: и это дѣло Университета. Иное дѣло прибавить свѣдѣній къ наукѣ, возвысить ее въ ней самой, безъ отношенія къ числу понимающихъ умовъ: это дѣло ученаго, Академика.

Если Академія въ семъ отношеніи сдѣлала много для наукъ и особенно Естественныхъ, и можетъ гордиться именами: Байера, Бернулли, Эпинуса, Крафта, Эйлеровъ, Ловица, Миллера, Шлецера, Рихмана, Палласа, Гильденштедта, Фалька, Шуберта... именами Крашенинникова, Головина, Румовскаго, Лепехина, Иноходцева.... наконецъ именемъ *Ломоносова*, и на семъ поприщѣ дѣйствовавшаго; то Московскій Университетъ можетъ присвоить себѣ ту честь, что *онъ наиболѣе и первоначально содѣйствовалъ водворенію наукъ въ нашемъ Отечествѣ.*

Чтобы науки сроднить съ умомъ народа, необходимо передавать ихъ на родномъ его языкѣ, необходимо, стяжавъ сокровища наукъ тамъ, гдѣ онѣ находятся во всей полнотѣ своей, переплавить ихъ въ горнилѣ ума и отлить въ такія формы, кои соотвѣтствовали бы потребностямъ и духу народа, соразмѣрны были бы его способностямъ. Кто же, какъ не Рускій, могъ вполнѣ выразумѣть характеръ и потребность

Русскаго ума и удовлетворить онымъ? Къ чести Московскаго Университета должно отнести то, что *въ немъ впервые Россія услышала на родномъ языкѣ своемъ почти всѣ науки* и приняла ихъ вмѣстѣ съ живымъ словомъ, которому всегда сочувствуемъ болѣе, чѣмъ мертвымъ письменамъ иноземнымъ. Большая часть лучшихъ Профессоровъ въ Университетѣ были природные Рускіе, кои, получивъ здѣсь же первое образованіе, были посыланы къ славнѣйшимъ тогда ученымъ въ Европѣ, и занятыя у нихъ науки переселяли въ наше Отечество.

Ихъ заслуги и долгъ благодарности нашей требуютъ, чтобы мы почтили имена ихъ воспоминаніемъ.

При самомъ началѣ Университета является ученикъ Ломоносова, учитель Фонъ Визина, *Поповскій*, въ цвѣтущихъ лѣтахъ, соединяющій въ себѣ съ яснымъ и отважнымъ умомъ чувство Поезіи и даръ слова, какимъ только онъ и Ломоносовъ отличались между современниками. Онъ былъ первымъ Профессоромъ Краснорѣчія и Философіи въ М. У., первый заговорилъ порусски и здраво о Философіи, которая у насъ дотолѣ состояла въ Латинскихъ схоластическихъ диспутахъ. Читая вступительную рѣчь его о важности сей науки, невольно назовешь Поповскаго яркою звѣздою, зажигающею сѣверное сіяніе умовъ Русскихъ и быстро въ ней сгорающею.

Рядомъ съ нимъ — наслѣдовавшій послѣ него каѳедру Краснорѣчія *Барсовъ*, также

ученикъ Ломоносова. Если онъ и не имѣлъ дарованій товарища своего, то отличался многосторонностію знаній и дѣятельностію своего учителя. Равно свѣдущій въ наукахъ Физикоматематическихъ и Словесныхъ, онъ, по повелѣнію Екатерины, занимался вмѣстѣ съ Чеботаревымъ сводомъ Русскихъ Лѣтописей и составленіемъ различныхъ проэктовъ. Также занимался онъ разысканіями относительно языка нашего и издалъ *Опыты трудовъ вольнаго Россійскаго собранія*, которое составлено было, поученіями Мелиссино, изъ Членовъ Университета, и много способствовало къ образованію языка Русскаго.

Десницкій и Третьяковъ были посыланы въ Университетъ Глазговскій, который славился тогда науками Юридическими. Имя Десницкаго особенно заслуживаетъ памяти потому, что онъ первый началъ преподавать Русское Законоискусство, и такимъ образомъ первый, съ Профессоромъ Дилпеемъ, приготовлялъ для гражданской службы людей съ систематическимъ знаніемъ своего дѣла.

Чеботаревъ способствовалъ къ распространенію Исторіи и Географіи, особенно Русской, и былъ въ послѣдствіи основателемъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Аничковъ былъ Профессоромъ Логики и Метафизики и распространялъ начала Математики. Послѣ него читали Философію *Синьковскій* и *Брянцевъ*, который первый

излагалъ порусски ученіе Канпово; а Математику въ послѣдствіи преподавалъ *Панкевичь.*

Афонинъ, ученикъ великаго Линнея, преподавалъ Естественную Исторію; отъ негожъ впервые порусски услышали лекціи Сельскаго Хозяйства.

Медицина была распространяема славными врачами *Зыбелинымъ и Веніаминовымъ*, а потомъ *Политковскимъ и Рихтеромъ*, врачами, коихъ имена и нынѣ съ благодарностію произносятся не только въ кабинетахъ, но и въ народѣ.

Наконецъ, съ признательностію вспомнимъ любимыхъ всею Москвою Профессоровъ *Страхова и Сохацкаго*: первый началъ читать порусски Физику, а другой науку *объ Изящномъ*, которое отъ него получило и свое имя. Краснорѣчіе мужей сихъ было такъ привлекательно, что даже знатные обоего пола посѣщали ихъ лекціи.

Съ воспоминаніемъ о сихъ достойныхъ соотечественникахъ нашихъ, должно почтить память *Дилтея*, *Фроммана*, *Рейхеля*, *Шадена*, *Баузе*, *Маттея*, *Буле*, *Мельмана*, *Гейма* — знаменитыхъ иностранцевъ, бывшихъ Профессорами въ нашемъ Университетѣ.

Сіи-то мужи наиболѣе отличались въ сословіи Московскаго Университета въ теченіе полувѣка, который мы теперь обозрѣваемъ.

Будучи единственнымъ тогда высшимъ училищемъ въ Россіи и находясь въ такомъ

городѣ, гдѣ сосредоточивались дѣятельность и духъ народный, Университетъ имѣлъ множество слушателей, которые принимали отъ него просвѣщеніе и мало помалу распространяли по всей Россіи, и Россія изъ сего розсадника получала образованныхъ гражданъ.

Но сколько изустнымъ преподаваніемъ наукъ Университетъ содѣйствовалъ просвѣщенію Россіи, столько и изданіемъ многихъ полезныхъ книгъ. *Весьма многія руководства для начальнаго ученія*, какъ-то Азбуки разныхъ языковъ, Граммашики, Лексиконы, курсы разныхъ наукъ, долго бывшіе въ употребленіи, *были изданы впервыя отъ Университета*, который завелъ и первую въ Москвѣ лавку гражданскихъ книгъ.

Для успѣшнѣйшаго образованія вкуса и для того, чтобы сблизишь тѣснѣе Университетъ съ обществомъ, основатели онаго завели театръ, куда приглашаема была публика. Сей театръ былъ первый и единственный въ Москвѣ, пока не пріѣзжалъ еще въ сію столицу славный *Волковъ*.

Дружеское общество, состоявшееся при Университетѣ подъ предсѣдательствомъ Новикова и Лопухина, весьма много принесло пользы. И если незабвенному *Новикову* обязана Россія эшимъ быстрымъ распространеніемъ книгъ, если онъ шакъ скоро заохотилъ почши всю Россію къ чшенію, шо въ эшомъ онъ могъ успѣшь

только при средствахъ Университета, получивъ въ свое распоряженіе обширную его типографію, съ помощію людей, занимавшихся науками при Университетѣ.

Успѣшное содѣйствіе Университета въ поселеніи наукъ и любви къ онымъ между нашими соотечественниками зависѣло отъ того именно, что онъ согласовался съ потребностями и духомъ своего народа и своего времени, и передавалъ ихъ на родномъ языкѣ. Этимъ *онъ приготовилъ и Россію и языкъ Русскій для дальнѣйшаго усовершенія и распространенія наукъ*; симъ самымъ онъ *весьма сильно содѣйствовалъ и образованію Русской Словесности*, чему способствовало конечно и то, что въ Москвѣ языкъ Русскій и чище и правильнѣе.

Университетъ, дѣйствуя такимъ образомъ въ кругѣ своемъ, образовалъ многихъ людей, отличавшихся и внѣ онаго на поприщѣ ума, и приготовилъ людей, коимъ Россія въ послѣдствіи обязана стала своею Словесностію, Исторіею и мышленіемъ. Къ числу воспитавшихся въ Университетѣ писателей принадлежатъ: Фонъ Визинъ, Богдановичъ, Костровъ, Долгорукій, Муравьевъ, Плавильщиковъ, Рубанъ, Бобровъ, Баптышъ Каменскій, Преосвященный Михаилъ, Подшиваловъ, Карамзинъ. . . . умалчиваю о тѣхъ, кои и нынѣ еще дѣйствуютъ. Нужно ли называть имена тѣхъ людей, кои, вышедъ изъ М. У., дѣйствовали на поприщѣ Государственномъ — имена

Потемкина, Булгакова, Маркóва, Лопухина и другихъ.? Нужно ли говорить, что Университетъ въ сіе время приготовилъ отличныхъ людей для преподаванія наукъ, не только въ немъ самомъ на послѣдующее 25-лѣтіе, но и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ другихъ Университетахъ Русскихъ, открытыхъ въ послѣдствіи? О заслугахъ Московскаго Университета Отечеству свидѣтельствуетъ всеобщее къ нему уваженіе народа, которое изъ устъ БЛАГОСЛОВЕННАГО излилось въ такихъ выраженіяхъ: „Обращая особенное вниманіе НАШЕ на „Московскій Университетъ, который чрезъ „цѣлые полвѣка имѣлъ столь великое уча„стіе въ образованіи людей, способныхъ для „Государственной службы, въ распростра„неніи знаній и наипаче въ усовершен„ствованіи отечественнаго языка, разсу„дили МЫ заблаго изъявить чрезъ сіе „торжественную признательность НАШУ „сему первому въ Россіи высшему Училищу, „даровавъ оному новыя права и преимуще„ства, болѣе сообразныя съ просвѣщеніемъ „текущаго времени.“

Сими достопамятными словами начинается утвердительная Грамота, дарованная Университету ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ въ началѣ Его царствованія. 1805 годъ, въ который Университетъ получилъ новый Уставъ, и праздновалъ полувѣковой юбилей свой, составляетъ незаб-

венную эпоху какъ для Университета, такъ и вообще для просвѣщенія въ Россіи. Наиболѣе въ семъ году, по увеличившемуся числу учащихся, въ Россіи открыто вновь множество училищъ, по требованію времени, преобразованы прежнія. Учрежденнымъ вновь (1802) Министерствомъ Просвѣщенія, всѣ училища распредѣлены на 6 округовъ, заведены новые Университеты. Навсегда останутся въ памяти нашей тѣ попеченія, какія оказалъ Университету нашему *первый Попечитель* онаго *Муравьевъ*, здѣсь воспитывавшійся и бывшій наставникомъ Благословеннаго Александра.

Сколько Университетъ въ сіе время былъ обогащенъ отъ Правительства учеными пособіями, столько же тогда разлившійся духъ благотворительности побуждалъ и гражданъ къ пожертвованіямъ въ пользу наукъ. Кто съ благодарностію не произноситъ именъ *Демидовыхъ*, сихъ примѣровъ для нашихъ гражданъ? Кому не извѣстны приношенія *Дашковой*, *Урусова* и другихъ?

Усовершенію наукъ и Словесности соотвѣтствовало заведеніе *Ученыхъ Обществъ*: 1) Исторіи и Древностей Россійскихъ, 2) Испытателей природы, 3) Физико-Медицинскаго, 4) Любителей Россійской Словесности.

Для бо́льшаго распространенія знаній и чтенія, Университетъ сталъ издавать, кромѣ бывшихъ уже *Московскихъ Вѣдомостей*, *Ученыя Вѣдомости* и многіе журналы.

Если справедливо, что Musae tacent inter arma, то краткое молчаніе Университета въ 1812 году было для него какъ бы отдыхомъ, и пожаръ Московскій, казалось, только возжегъ новый пламень усердія, съ какимъ Университетъ возобновилъ дѣйствія свои на прежнемъ пепелищѣ. Это показываетъ уже одно непрерывно возрастающее число слушателей, по которому Университетъ нашъ равняется съ другими Университетами Европейскими.

Не говорю о новыхъ учрежденіяхъ и дѣйствіяхъ въ Университетѣ нашемъ; не говорю объ участіи людей, трудами и знаніями коихъ въ нашемъ Университетѣ зиждилось просвѣщеніе въ теченіе сего 25-лѣтія. Истина словъ моихъ для иныхъ показалась бы пристрастіемъ той благодарности, какую питаю я къ сословію, меня воспитавшему и къ которому принадлежатъ я поставляю себѣ за особенную честь.

Дабы увидѣть обширность вліянія Университетскаго сословія, должно вспомнить, сколько юношества получаетъ отъ него образованіе; ибо не только воспитанники собственно сего заведенія, но и тѣ, кои воспитываются въ другихъ, ему подвѣдомыхъ заведеніяхъ, казенныхъ и частныхъ, въ домахъ своихъ, получаютъ образованіе отъ Университета, или отъ самихъ членовъ, или отъ людей, ими образованныхъ. И сколько людей встрѣчаете въ обществѣ, на службѣ, кои воспользовавшись уроками мудрости отъ сего сословія, и пріобрѣтя

окончательное образованіе, которое только въ обществѣ и пріобрѣтается, оканчивающіся въ немъ своею основательностію?

Вообще можно сказать, что *если въ прежніе полвѣка Университетъ Московскій содѣйствовалъ такъ много къ водворенію просвѣщенія въ Россіи, то въ послѣдніе 25 лѣтъ онъ много способствовалъ къ распространенію и развитію онаго.*

Но *что предстоитъ* сему сословію *въ наступившую послѣднюю четверть вѣка?*

Положимъ, что Университетъ успѣлъ бы изъ всѣхъ умственныхъ богатствъ иностранной учености избрать лучшія сокровища и передать ихъ Россіи: все ли этимъ онъ сдѣлалъ бы для просвѣщенія Русскаго? — Просвѣщеніе наше и тогда еще не будетъ имѣть характера самобытности, характера, какимъ бы отличалось оно отъ просвѣщенія Германскаго, Французскаго, Англійскаго.

Не сего ли требуетъ крайняя степень совершенства нашего просвѣщенія и нынѣшнее его состояніе? Не сей ли смыслъ имѣетъ благое желаніе нашего ЦАРЯ, чтобы отечественное юношество получало воспитаніе Русское, чтобы въ Русскихъ Университетахъ были Профессоры изъ природныхъ Рускихъ?

И уже избранные юноши изъ Университетовъ посланы въ чужіе краи для приготовленія себя въ это званіе. Уже

изданъ новый *уставъ училищъ*, который вмѣстѣ съ улучшеніемъ образованія юношества, такъ много улучшитъ и обезпечитъ состояніе учительское, болѣе привяжетъ людей къ сему званію, и слѣдственно дастъ средства къ еще бо́льшимъ успѣхамъ. Все показываетъ, что и Московскій Университетъ ждутъ новые подвиги на поприщѣ наукъ и просвѣщенія, новые способы для новыхъ усилій.

Желать надобно только, чтобы всѣ сословія нашего гражданства обратились къ воспитанію Русскому съ тою же любовію, какою они всегда пламенѣли къ Отечеству, чтобы еще съ бо́льшимъ участіемъ и уваженіемъ они склонились къ учености Русской; но убѣдить ихъ въ этомъ, снискать у нихъ сіе — есть дѣло Университета.

Вотъ какіе подвиги предстоятъ намъ на грядущее время!

И кто же будетъ равнодушенъ къ тому, чтобы успѣхи прошедшіе, надежды настоящія — не оправдались въ будущемъ? . . . .

II.

ДВѢ МАЛОРОССІЙСКІЯ ПѢСНИ.

1.

Гей зъ устнá Днѣпра да до вершины
Сѣмсотъ рѣчокъ и чотырѣ;
Да усѣ воны да у Днѣпръ впали,
У Днѣпръ правный несказанный.
Да повѣйте вѣтры низовыи
Ой на парусы безодный! —
Ой сидитъ козакъ да на демепѣ (1),
И вóнъ деменóмъ повершае,
И на Чорне море поглядае:
Ой плыве судно, однимъ одно;
Тамъ Турчинъ сидитъ изъ Туркенёю,
А Туркеня сидитъ, вона не гуляе,
И шовкóвенькій рушникъ вышивае.
Ой кому сей рушникъ буде?
Ой чи Турчину, чи Тапарину,
Ой чи козакóвi молодому? . . . . .
Ой се буде да Кошовому
Да Кошовому молодому.

(*) *Демень* — Корма

2.

Збі́ралися комисары
По́дъ царськи палаты,
Пишуть листы на Вкраину
По́дъ аршины браши.

Написали на Вкраинѣ
Вдовиного сына:
Ой тожъ козакъ уродли́вый,
Доходить аршина. —

Ой зачуежъ стара ненька,
Ой зачуе маши:
О дежъ тебе мо́й сыноньку,
Я маю сховаши. —

На щожъ мене, матусенько,
Ты маешъ ховашу́:
Буду тобѣ изъ столицу́
Червонныи слати! —

На щожъ минѣ, мой сыноньку,
Червонныи твои?
Що нѣкому поховаши
Головоньки минѣ! —

Поховаютъ, моя нене,
Тебе добры люде,
Ой якъ мене молодого
До тебе не буде. —

Вдовинъ сынокъ вдовиченко
Коня наповае;
Ёго ненька старесенька
Въ окно поглядае.

Вдовинъ сынокъ вдовиченко
Коника сѣдлае;
Его ненька старесенька
Сильненько рыдае.

Вдовинъ сынокъ вдовиченко
На коня сѣдае;
Его ненька старесенька
Крыжемъ упадае.

Вдовинъ сынокъ вдовиченко
Зъ двора выѣзжае;
Его ненька старесенька
За стремень хапае. —

Ой въ городѣ въ Очаковѣ
Вдарили изъ лука:
Да вже-жъ тобѣ, вдовинъ сыну,
Зъ мацкою розлука!

У городѣ въ Очаковѣ
Вдарили зъ гармашы: (1).
Уже-жъ тобѣ, вдовинъ сыну,
Мацки не видашы!

---

(1) Изъ пушки.

III.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЛЕВАНЫ Ж. П. РИХТЕРА.

Посвящено Е. А. Б.

---

§ 103.

Честь, Приличіе, Твердая Воля, Правдивость, Неустрашимость противъ грозящихъ бѣдъ, Мужественная Терпѣливость въ перенесеніи настоящихъ, Откровенность, Уваженіе къ самому себѣ, Презрѣніе къ мнѣнію, Справедливость, Настойчивость — всѣ сіи, и подобныя имъ слова, выражаютъ одну только сторону духовной натуры человѣка: нравственную *силу* и возвышенность. Другая заключаетъ въ себѣ все, что относится къ жизни другихъ; царство любви, милости, кротости, благодѣтельности; — ее можно назвать нравственной *красотою*.

Первая болѣе сосредоточивается въ самой себѣ, другая обращается ко внѣшнему, *къ чужому я*; одна представляетъ полюсъ отражающій, другая притягивающій; у первой кумиръ идея, у второй жизнь; но въ обѣихъ равная возвышенность надъ собою, надъ собственнымъ *я*, на которое ссылаются всѣ страсти, всѣ прегрѣшенія противъ оныхъ звѣздъ-близнецовъ сердца, ибо честь уничтожаетъ себялюбіе, также какъ и любовь. Любовь, въ чужомъ *я*,

ищетъ не того, что въ себѣ убѣгаетъ: она видитъ въ немъ и объемлетъ одно только изображеніе божества. Бога находимъ мы два раза: одинъ разъ въ себѣ, другой внѣ себя — въ себѣ какъ око, внѣ себя какъ свѣтъ. Вездѣ между тѣмъ одинъ и тотъ же чистый, эѳирный огонь, положительно ли онъ исходитъ, или отрицательно входитъ, все равно; одинъ предполагаетъ непремѣнно другаго, и слѣд. третьяго; связующаго и соединяющаго обоихъ. — Въ царствѣ духовномъ нѣтъ собственно ни внѣшняго, ни внутренняго. Любовь необходимо утверждена на истинной нравственной силѣ, какъ сладкій плодъ на здоровой вѣтви; одна лишь слабость, подобно Везувію, трепещетъ для опустошенія.

§. 104.

Здѣсь мы будемъ разсматривать только разницу явленій, а не тожество ихъ основанія. Они показываютъ намъ мущину, созданнаго болѣе для нравственной силы, или чести, женщину для нравственной красоты, или любви. Изъ предыдущаго положенія можно было оба нравственные полюса съ перемѣняющимся перевѣсомъ раздѣлить на оба пола, слѣдовательно любовь отдать женскому, силу мужескому полу. Но къ чему выводы слѣдствій тамъ, гдѣ говоритъ само дѣло? Сіе духовное раздѣленіе повторяется въ меньшемъ видѣ въ каждомъ отдѣльномъ существѣ: но объ

этомъ послѣ. Теперь разсмотримъ какими средствами воспитаніе можетъ, развитіемъ нравственной силы, образовать юношу для его назначенія.

§. 105.

Иной вѣкъ нуждается въ мужахъ-созидателяхъ, другой въ мужахъ-утвердителяхъ; въ наше время нужны и тѣ и другіе. Однако воспитатели, кажется, ничего столько не боятся, какъ возмужалости нашихъ юношей, которыхъ они стараются сколько возможно обезсилить. Дѣтскія комнаты и школы суть только преддверія храма, Римлянами посвященнаго блѣдному страху (Pavor et Pallor). Воспитатели, наказаніями, поступками, хотятъ привить страхъ, а мужество проповѣдываютъ одними словами, какъ будто его слишкомъ уже много на свѣтѣ. Не предпріимчивость увѣнчивается похвалою, а уступчивость. Въ боевомъ порядкѣ Нестора (*) робкіе поставлены были въ середину; такъ и въ нашемъ гражданственномъ порядкѣ: въ самыхъ вышнихъ и въ самыхъ нижнихъ сословіяхъ болѣе живетъ дѣятельнаго мужества, нежели сколько могутъ внушить всѣ школьные учители. Они вселяютъ ученикамъ своимъ желаніе быть Ирокезцами, почитающими зайца божествомъ, и сами стараются ихъ возвысить до сего трусливаго божества. Древніе, вперяя силу, за-

(*) Гомеръ Ил. IV. 297.

бывали человѣколюбіе, мы же дѣлаемъ противное. Изнѣживающіе наставники могутъ извинишь себя тѣмъ, что не умѣютъ отличать границъ, черезъ которыя переступать не должно. Смѣлость дѣтей, не имѣя надлежащаго перевѣсу одуманности, легко перейти можетъ въ дерзкое своевольство и сразить учителя и счастіе. Не забудемъ однако, что лѣта не силы умножаютъ, а только свѣтъ, и что пилигриму жизни легче нанять и дать путеводителя, нежели обрубя ноги и крылья придѣлать ихъ опять, какъ къ поколѣнной спартанѣ. — Начнемъ, какъ воины, съ простой храбрости, дойдемъ потомъ до мужества, до чести.

§. 106.

Тѣло есть панцырь души. Закалимъ его въ сталь, разожжемъ, остудимъ. Пусть каждый отецъ, по возможности, огородитъ подлѣ своего дома маленькое гимнастическое ристалище (Schnepfenthal). Даже улица, на которой ребенокъ по волѣ бѣгаетъ, бѣсится, падаетъ, карабкается, шумитъ, ему не безполезна. Уличныя раны здоровѣе ранъ школьныхъ, легче заживаютъ и лучше выучиваютъ отшершливаться. Рѣзвый Англинскій юноша становится степенный Членъ Парламента; изъ первыхъ Римлянъ-разбойниковъ рождается добродѣтельный, собою цѣлому жертвующій, Сенатъ. — Римляне пускали кровь от-

важному чрезъ мѣру. Школьная розга пускаетъ также кровь, а охладительная метода запоровъ, замковъ и пр. дѣлаетъ бездѣятной и остальную. Никогда не должно ослаблять какую бы то ни было силу, — это не худо нѣсколько разъ повторить, — а только укрѣпить противоположные ей мускулы. Мальчика 12 лѣтъ, необузданнаго и дерзкаго, не трудно научить осторожной одумчивости: стоитъ пройти съ нимъ анатомическую или хирургическую книгу; но это цѣлительное средство, какъ сулему, можно употреблять въ рѣдкихъ только случаяхъ, и то въ самыхъ малыхъ пріемахъ. Ослабленіе тѣлесныхъ силъ производитъ ослабленіе душевныхъ; а все духовное оставляетъ вѣчные, неизгладимые слѣды, — и раненая, изломанная рука зарастаетъ скорѣе, нежели раненое, истерзанное сердце. Впрочемъ, въ комнатахъ больныхъ дѣтей, у насъ портятъ и больныхъ и здоровыхъ: здоровыхъ сурьезностью, больныхъ нѣженьемъ и слабостью; между тѣмъ какъ занятіе умственное было бы больному лучшее цѣлебное средство: картинки, сказки, игры на подушкахъ, и всякое подобное возбужденіе духовныхъ силъ скорѣе всякаго лелѣянья способствуютъ выздоровленію. — Здоровье есть первая степень къ мужеству, тѣлесное упражненіе въ страданіяхъ — вторая. — Въ наши новѣйшія времена не только это средство отбросили, но часто мучатъ ребенка, не для того, чтобы онъ это мученье умѣлъ

переносить, а именно для того, чтобы не вынесъ и отдѣлался отъ него признаніемъ вины. Ужасно! — Какъ повѣрить, чтобы наука воспитанія, принявъ на себя видъ пыпокъ, зашла такъ далеко, что силу душевнаго укрѣпленія подчинила тѣлесному, и твердость сочла удвоеннымъ преступленіемъ? — Тутъ точно такая же ошибка въ расчетѣ, какъ у Локка, когда онъ совѣтуетъ склонность къ карточной игрѣ истребить приневоленнымъ въ ней упражненіемъ: скука, произведенная послушаніемъ, гораздо опаснѣе самой лѣчимой болѣзни. — Не тяжелый ли грѣхъ противъ воспитанія, украшенный привычкою обычай, тѣлесно наказывать дѣтей въ присутствіи другихъ для такъ называемаго примѣра? — Или ребенокъ раздѣляетъ какъ *холодный* свидѣтель чувства *разгорѣченнаго* воспитателя, не сострадаетъ слушая жалобный вопль товарища, не гнушается отвратительнымъ зрѣлищемъ злоупотребленія силы противъ слабости — и тогда, не знаю, что осталось уже терять его сердцу? — или, сочувствуетъ вполнѣ наказанному, и слѣд. находитъ наказаніе несоразмѣрно превышающимъ вину; — и тогда принесло ли оно ему какую пользу? — или наконецъ, чувствуя вмѣстѣ и жалость, и ужасъ отъ боли, изъ страха удвоиваетъ повиновеніе и умаляетъ душу. — Однимъ словомъ, при дѣтяхъ не употребляйте строгихъ наказаній; довольствуйтесь той выгодой, или вредомъ, ка-

кую доставишь вамъ можетъ невидимая ихъ угроза.

Лучше бы выдумать разныя упражненія для мужественнаго перенесенія тѣлеснаго страданія, школы въ стоическомъ духѣ; — мальчики сами играютъ иногда такимъ образомъ. Въ Мексикѣ дѣти связываютъ иногда руку съ рукой и кладутъ между ими горящіе угли, для испытанія кто долѣе выдержитъ боль. Въ дѣтствѣ Монтаня дворянство считало стыдомъ учиться фехтовать; ибо тогда побѣда зависѣла бы не отъ одной храбрости. Древніе Датчане не позволяли себѣ даже мигать, получая раны въ лицо. — Что прежде могли цѣлые народы совершать, что слѣдовательно было даромъ не одной природы, а образованія, то, кажется, легко повторить въ отдѣльныхъ лицахъ.

Не показывайте никогда сожалѣнія къ боли, лучше шутите ею. Если маленькое дитя прибѣжало къ вамъ, жалуясь на какую нибудь рану, то пусть немного подождетъ вашего вниманія, скажите ему хладнокровно: „погоди, *докончу строчку!* или: довяжу спицу.“ — Прикажите ему принести вамъ что нибудь; дѣятельность искуснѣе другаго вынимаетъ занозу страданія: воинъ въ жару сраженія не чувствуетъ полученныхъ ранъ. — Далѣе: тщательнѣе берегите ухо ребенка, нежели взоръ его. Ухо есть органъ страха: чуткія жи-

вопныя прусливѣе другихъ. Какъ музыка съ своими сладкими тонами, *какъ тихій нѣжный голосъ*, такъ и крикъ и звукъ владѣютъ непосредственно нашимъ сердцемъ. Неопредѣленный тонъ, невнятный для боязни, хуже темноты. Всякое безобразное чудовище опредѣляется, какъ скоро можно остановить его на мѣстѣ; но бездна звука чѣмъ долѣе длится, тѣмъ менѣе проясняется, тѣмъ ужаснѣе становится. Одна маленькая дѣвочка, замѣтивши трубочиста по необыкновенной его запачканности, испугалась тогда только, когда услышала непоняшный ей шумъ его чищенья. — Всякому новому звуку спѣшите дать ласковое, знакомое названіе, на пр. вѣтру. Въ наше время всему человѣчеству нужны правила, укрѣпляющія противъ страха. Въ каждомъ ребенкѣ, рядомъ съ романтической надеждой безконечныхъ небесъ, живетъ романтическій страхъ безконечнаго оркуса. Вы растворяете имъ ужасную бездну сего оркуса, называя какимъ нибудь неопредѣленнымъ именемъ всесильный предметъ ихъ романтическаго страха. Сочинитель этой книги самъ погрѣшилъ въ томъ передъ своими дѣтьми: желая отнять у нихъ отвращеніе къ нѣкоторымъ людямъ, онъ сказалъ имъ: бойтесь только злаго. Этими словами отвлекъ онъ страхъ, разсѣянный по видимымъ, измѣняющимся предметамъ, и сосредоточилъ его въ зажигательную точку одного невидимаго существа, которое и носили они съ собою

всюду и видѣли вездѣ. — Ни въ какомъ волненіи души, (даже и въ любви) фантазія не властвуетъ такъ сильно, не созидаетъ такъ самовольно, какъ въ страхѣ. Дѣти хотя и слѣпо вѣрятъ родителямъ, хотя требуютъ отъ нихъ крѣпкаго слова, вооружающаго противъ всѣхъ привидѣній; но съ этимъ словомъ въ сердцѣ, побѣждены бываютъ фантазіей. — Иногда, осмотрѣвши тщательно предметъ страха, шляпу на пр. съ простыней на палкѣ, сгромоздивши его сами, дѣти бѣгутъ потомъ съ ужасомъ отъ него прочь. — Они не столько боятся того, что разъ испугало ихъ, какъ того, что родители испуганнымъ голосомъ называютъ, или показываютъ, на пр: *мышь*. — И для того старайтесь избѣгать всякой внезапности въ рѣчахъ; никогда вечеромъ не говорите: смотри! или что еще страшнѣе: слушай! — избѣгайте также внезапнаго появленія. Тутъ чувства не укрощаютъ, а разжигаютъ воспламененную фантазію, и существенность исчезаетъ въ быстротѣ воображенія. Боязнь грозы происходитъ по большей части отъ быстроты, съ которою молнія напряженному взору разсѣкаетъ черное небо. Еслибъ молнія долго на небѣ оставалась, мы боялись бы ея меньше.

Также не давайте читать дѣтямъ никакихъ описаній разныхъ тѣлесныхъ страданій, въ разговорахъ не представляйте имъ сихъ страшныхъ картинъ. Въ дѣтяхъ,

изъ ужаса тѣлесной муки, фантазія легко приводитъ къ страху духовъ; таковыя преображенія дѣлаются тамъ, гдѣ мы о нихъ не думаемъ — во снѣ. — Сонъ, сей исполинскій живописецъ душъ, духовъ и хаоса, рисуетъ изъ едва примѣтныхъ испуговъ дни чертежи тѣхъ чудовищныхъ фурій, которыя въ каждомъ человѣкѣ будятъ и питаютъ спящій страхъ духовъ. Вообще сны дѣтей стоютъ вниманія, даже по сравненію съ нашими. — У насъ повторяется всегда отголосокъ нашего дѣтства, — что же у нихъ? — Кому изъ насъ не являлись неизъяснимыя, нежданныя предчувствія будущей радости или горя, какъ вѣяніе внезапнаго вѣтерка изъ ущелья горъ? Кому не случалось при новомъ мѣстоположеніи, обстоятельствѣ, знакомствѣ, увидѣть вдругъ какъ-бы въ тускломъ зеркалѣ прежнее время жизни, неясно оттуда повторяющееся? Кому въ позднихъ снахъ своихъ, въ жару горячки, не представлялись тѣ ужасныя пресмыкающіяся, тѣ уродливыя лица, какимъ нѣтъ образа, нѣтъ воспоминанія во всей прежней его жизни? — Не подземные ли то остатки древнихъ, младенческихъ грезъ, которыя, какъ чудовища морскія, ночью выходятъ изъ бездны? —

Особливо скрывайте ваши собственныя слезы, чужимъ или своимъ бѣдамъ онѣ льются. И робость и мужество равно заразительны. Боязнь отца съ двойной силой повторяется въ сынѣ: гдѣ великанъ трепещетъ, какъ можетъ не упасть карла?

Отецъ не долженъ никогда быть передъ своимъ сыномъ съ несчастнымъ, страдальческимъ лицемъ: будто въ жизни много такихъ потерь, которыя превышаютъ потерю самаго себя! — Можно пересматривать грозящую бѣду, предвидѣть скорбную участь въ будущемъ; но при томъ показывать страха и унынія не должно. Экземпляры Элегій и libris tristium пусть будутъ только напечатаны для жены и *для друга*. — И однако же обыкновенно случается совсѣмъ противное: дома, (какъ будто стѣны долины уже непремѣнно ограждаютъ слабость) въ норѣ своей, морской ракъ сбрасываетъ кожу, которою, какъ лапами, вооружался на воздухѣ, и смѣлый орелъ въ гнѣздѣ пришиваются около птенцовъ своихъ, которые такимъ образомъ не видятъ дерзкихъ полетовъ его по небу.

§ 107.

Мужественное перенесеніе полученныхъ ранъ и бодрое ожиданіе грядущихъ, укрѣпляютъ другъ друга попеременно, потому и я позволяю себѣ переходить отъ одного къ другому. Мужество состоитъ не въ томъ, чтобы слѣпо предаваться опасности; но въ томъ, чтобы видѣть ее, и видя преодолѣть. — *Это „ не больно „* не сдѣлаетъ пользы мальчику, ибо въ такихъ случаяхъ и агнецъ возстанетъ подобно льву; — но: *что жъ? это только больно!*“ — Въ груди каждаго человѣка (вѣрь этому смѣло) есть нѣчто, до чего раны

не достигаютъ, на что опереться можно всегда, какъ на твердую ось небесную, и въ него уйти отъ всего, не только отъ боли!

Есть твердость противъ фантазіи и будущаго, есть также противъ фантазіи и настоящаго: первое есть боязнь, второе испугъ. — Если выбирать одно изъ двухъ, лучше боязнь, нежели испугъ, разумѣется для дѣтей, а не для взрослыхъ. Боязнь, (говоритъ Кардиналъ Рецъ) больше прочихъ душевныхъ волненій ослабляетъ разумъ; но испугъ отнимаетъ его совсѣмъ и замѣняетъ безуміемъ. — Можно такъ разсчетливо преподавать боязнь и такими пріемами, что она сдѣлается только поощрительницей мыслей и дѣйствія, а не вредомъ для обѣихъ. — Испугъ же напротивъ сражаетъ какъ молнія, обезоруживаетъ и убиваетъ въ одно и то же время. Кіаружи утверждаетъ, что дѣти, съ которыми обходятся грубо и которыхъ воспитываютъ страхомъ, подвержены сумасшествію.

Испугъ можетъ надолго поселить страхъ, но боязнь испуга не производитъ: фантазія будущаго, каждый настоящій предметъ находитъ ниже воображаемаго.

Противъ испуга, выключая здоровья, нѣтъ иного средства, кромѣ знакомства съ предметомъ, его вселившимъ; самый неустрашимый испугается можетъ, какъ на пр. Римляне слоновъ, или самый храбрый Европеецъ огромныхъ уродовъ, сошедшихъ, положимъ, съ луны, которыхъ вредъ и сила ему неизвѣстны.

Вооружимъ же юношу противъ всѣхъ бурь случайности электрическими грозами, нарочно для него произведенными. По несчастію, нынѣшняя сидячая жизнь Европейскихъ коллегій, ученыя ихъ *засѣданія*, не очень къ мужеству пріучаютъ. Забавно то, что всѣ хотя немного важныя мѣста, должности, награды, соединены съ понятіемъ о сидѣньи. — Это сидѣнье, если не слѣдствіе, то по крайней мѣрѣ причина страха. Кто сидитъ, когда слышитъ о набѣгѣ непріятеля, придетъ въ отчаяніе отъ его нападенія; пята, единственное мѣсто, гдѣ Гомеровскій Ахиллъ былъ уязвляемъ, скорѣе всего спасетъ насъ отъ язвы. — И въ наши времена бѣгство могло бы почитаться храбростью, еслибъ не слѣдовала за нимъ непріятельская погоня. Наполеонова золота не достало бы врагу, бѣгущему на всѣ золотые мосты по дорогамъ.

Такъ какъ два раза одного не испугаешься, то мнѣ кажется, что, приготовивъ первый шуточный испугъ дѣтямъ, можно предохранить ихъ отъ втораго, истиннаго. Я иду, на пр. съ девятилѣтнимъ моимъ Павломъ въ густой лѣсъ гулять; вдругъ нападаютъ на насъ трое вооруженныхъ, замаскированныхъ людей, съ которыми я за день напередъ въ томъ условился. У насъ одинъ палки, у разбойниковъ же сабля и пистолетъ, холостымъ зарядомъ заряженный. Присутствіе духа, рѣшимость, могутъ одни спасти насъ. Одинъ дерется съ тремя. (Павла считаютъ нѣчего, хотя

и кричу ему, чтобъ онъ помогалъ мнѣ). У перваго я рукой отнимаю пистолетъ, которой и спрѣлаетъ мимо, другому палкою выбиваю саблю изъ рукъ, и поднявши ее, бросаюсь на третьяго. Всѣ трое обращены тѣмъ въ бѣгство; мы преслѣдуемъ ихъ, но не далеко; — и я насмѣшками надъ трусостью бездѣльниковъ, которымъ никогда не достаетъ мужества, показываю товарищу своему, что храбрость и мужество больше значатъ, нежели число и сила. Однако же такія игры не всегда годятся, и самому мнѣ не нравятся, потому что *это неправда*, и потому, что не всегда удаченъ ихъ успѣхъ: тогда ничего отъ нихъ не остается, кромѣ возбужденнаго страха. Разсказывайте какъ можно больше повѣстей, гдѣ мужество дѣйствуетъ и побѣждаетъ: это лучшее крѣпительное средство.

Можно другіе еще выдумать храбрые подвиги для ночи, чтобы сколько можно ослабить вѣру въ привидѣнія, и довести ее до плоской существенности; совсѣмъ же искоренить сей страхъ можетъ только Богъ въ другой жизни. Даже страхъ грозы нельзя совсѣмъ уничтожить; веселость и спокойствіе старшихъ есть въ семъ случаѣ лучшій способъ. Пугаетъ насъ только то, къ чему мы не привыкли, и потому городское воспитаніе имѣетъ преимущество передъ деревенскимъ, пріучая глазъ и ухо ребенка къ большему количеству предметовъ. — Нигдѣ (не исключая даже страха) и ни въ чемъ человѣкъ не растетъ такъ скоро, какъ въ мужествѣ. Ночныя игры,

ночныя путешествія, собранія многихъ мальчиковъ вмѣстѣ, — (общество всегда прибавляетъ смѣлости, также и страха), повѣсти о Герояхъ, почти баснословныхъ, каковъ на пр. Карлъ XII, — наверно и наверно заковываютъ панцырь на груди.

§. 108.

Еще нѣсколько вспомогательныхъ словъ къ крѣпительнымъ лѣкарствамъ мужества, прежде нежели перейдемъ къ средствамъ, дающимъ крѣпость духу.

Пересмотримъ, начиная отъ факировъ, до мучениковъ Христіанства, любви, долга, свободы, что̀ заставило ихъ презрѣть мнѣніе, собственныя желанія, спокойствіе плѣсное, нышку? Одна приросшая къ сердцу мысль! — Дайте такую вашему сыну; пускай живетъ она для него, назовите ее хотя *честью*, и вы сдѣлаете его мужемъ. Съ нею нѣтъ страха непобѣдимаго.

Каждый юноша воображаетъ себѣ какое нибудь ремесло, состояніе и т. д. смирительнымъ, рабочимъ домомъ жизни; другое же (обыкновенно отцовское) бельведеромъ своихъ надеждъ. Разорите эти сбивчивые воздушные и адскіе замки; они какъ тюрьмы дѣлаютъ его безсильнымъ игралищемъ страха и желаній. Познакомте его — не мертвыми разсказами, а живымъ обозрѣніемъ — со всѣми радостями каждаго состоянія; пускай смотритъ онъ на жизнь, какъ на веселый лагерь дѣятельности, гдѣ каждый, даже и слуга, раз-

билъ свою палатку. Гораздо вреднѣе смотрѣть съ отвращеніемъ на какое нибудь бѣдное ремесло, съ боязнію убѣгать его, нежели привязывать къ нему надежду, желаніе, стремленіе къ улучшенію. Надежда больше оставляетъ намъ разсудка, ума и счастія, нежели страхъ. — Старайтесь также, чтобы единство воли царствовало въ поступкахъ юноши. На пр. онъ хотѣлъ что нибудь сдѣлать или взять; заставьте его сдѣлать, взять. Также не предлагайте ничего два раза.

Созидайте въ немъ понятіе объ области внутренней выше чувствъ: онъ проситъ что нибудь запрещенное, не прячьте эту вещь, но придвиньте ближе, чтобы онъ могъ чувство побѣдить представленіемъ. — Пускай ваше приказаніе стоитъ предъ нимъ обнаженное, безъ всякихъ прикрасъ и смягченій. Снисходительное смягченіе правилъ даетъ власть и могущество случаю, ни къ чему не пріучающему: не то нужно, чтобы дѣло совершилось, а то, какъ оно совершилось. — Точно также не утаивайте отказовъ вашихъ: обойтися безъ нихъ не возможно; не затрудняйте себѣ ваше необходимое, простое *нѣтъ*, а сыну вашему упражненіе въ самоотверженіи! — Смиренная покорность необходимости укрѣпляетъ; покорность прихоти другаго ослабляетъ: будьте же дѣтямъ вашимъ необходимостью, рокомъ! — Послушаніе само по себѣ не имѣетъ никакой цѣны; — хорошо ли оно, если дѣти слушаются всѣхъ и всякаго? — Но побуди-

шельная онаго причина, благоговѣйная, исполненная любви довѣренность, преданность необходимости, — вотъ что даетъ ему вѣсъ и благородство. Только тѣ, которые повинуются изъ страха, становятся современемъ лицемѣры; льстецы, своевольные буяны, вырвавшіеся изъ подъ надзора власти.

Вы унижаете юную душу (или лучше сказать убиваете), когда велите (прежде того возраста, въ которой понимаютъ политическія отношенія) учтивымъ быть съ кѣмъ нибудь не за одно достоинство человѣка или старика: пускай не ослѣпленные золотомъ и почестями, они смотрятъ одинакими глазами на всѣхъ людей. Ребенокъ по природѣ есть Діогенъ противъ всякаго Александра, и со всякимъ Діогеномъ крошкій Александръ: пусть тѣмъ и остается, пусть не допронется до него разслабляющая застѣнчивость, произведенная чинами и знатностью.

Одно великое сохраняетъ здоровымъ сердце юноши: что же, исключая науки, что можетъ разширить его лучше Отечества и любви къ нему, даже и теперь, въ алмазной игольи нашего времени? — Школы должны бы по настоящему раздувать священной сей огонь, однако не Тиртеевыми одами, т. е. не воспламененьемъ къ древней, поникшей или падшей землѣ, но огненными пѣснями отечественныхъ поэтовъ.

Никакое ученье не находитъ столько учителей, какъ ученье о счастіи, о наслажденіяхъ жизни, какъ будто оно не развивается и вполнѣ не царствуетъ въ сердцѣ каждой кошки, коршуна и прочихъ животныхъ! Намъ ли учить тому, что скотина знаетъ? Развѣ духъ человѣческій долженъ, какъ центавръ, входить вооруженный въ область духовнаго міра? — Изъ какого побужденія будемъ дѣтямъ спускать излишество себялюбія скорѣе другихъ проступковъ, пристрастіе къ ѣдѣ, скорѣе нежели отрасть къ распрямъ (какъ будто кулаки меньше стоятъ вниманія, нежели зубы)? — Если вы хотите вдохнуть любовь къ достоинству чистому, къ справедливости, къ Религіи, какимъ нибудь другимъ способомъ, нежели простымъ изображеніемъ сихъ небесныхъ дщерей, если даже ставите *подлѣ* ихъ священнаго образа выгоду существенную, деньги и другія земныя блага, которыя все съ радостію должны быть принесены имъ въ жертву, то оскверняете чистоту души, унижаете ее, дѣлаете способною къ лукавству, къ лицемѣрію. Такъ холодный Нордъ южнаго шигра снимаетъ въ кошку, крокодила въ ящерицу.

Если жизнь война, *то воспитатель будь поэтъ*, и вдохновительныя его пѣсни пускай вызываютъ юношу на бой; пускай пріучаютъ его смотрѣть на жизнь не какъ на переходъ отъ одного наслажденія къ другому, отъ весеннихъ цвѣтовъ къ плодамъ осени, но какъ на время, нужное

для созрѣнія великому предпріятію. Однимъ словомъ, пусть цѣль его будетъ дѣятельность, а не наслажденіе. Наслажденіе и себя и насъ скоро истощаетъ, стремленіе никогда. Тотъ человѣкъ счастливъ, которой всю жизнь свою посвящаетъ, на пр. на образованіе, воздѣланіе какой нибудь земли, или на отысканіе потерянnаго острова, или широты морской, и т. д. — Въ Лондонѣ убиваютъ себя тѣ, которые родились въ довольствѣ, а не тѣ, которые сами пріобрѣтаютъ богатство, и на оборотъ не бѣдные, а обѣднявшіе. Скупой умираетъ старый, и не пресыщенный, а удовольствованный жизнію; между тѣмъ какъ наслаждающійся наслѣдникъ его дѣятельнаго копленія чахнетъ отъ томительной скуки. Я гораздо бы лучше хотѣлъ быть садовникомъ, которой 15 лѣтъ ростишъ и лелѣетъ драгоцѣнное алóе, разверзающее ему наконецъ небесный цвѣтокъ свой, — нежели вельможею, котораго на спѣхъ зовутъ взглянуть на его разцвѣтшую красу.

Не бойтесь возбудить соревнованіе: оно есть не иное что, какъ только грубая оболочка уваженія собственнаго, или натянутые, видимые покровы нѣжныхъ крыльевъ, поднимающихъ выше земли и выше цвѣтовъ ея. Дѣлите однако похвалу между вашими учениками, если хотите, чтобъ честолюбіе частное перешло къ честолюбію общему, желанію чести цѣлому и потомъ достигло до возвышеннаго, благороднаго достоинства духовнаго. Почет-

мые знаки ваши пусть будутъ имъ не знакомъ отличія за пройденныя ступени, но знакомъ ободренія и поощренія къ высшимъ, и наконецъ пусть похвала ваша радуетъ ихъ больше вашею радостью, нежели наслажденіемъ собственнаго отличія.

§ 109.

Человѣкъ, крѣпостью своею подобенъ будучи желѣзу, уподобляется ему и по сродству его съ сѣрой: раскаленная полоса желѣза, притронувшись къ сѣрѣ, падаетъ распущенными каплями въ низъ — такъ случается и съ человѣкомъ въ пылу страстей. Развѣ просто страсть даетъ силу, какъ комета свѣтлыя ночи? Съ нею вмѣстѣ она исчезаетъ. — Сильные люди временъ прошедшихъ, правители или судьи своего вѣка, образцы нашего, вышли всѣ изъ стоической школы; страсти служили имъ какъ мараны при осадѣ, а не какъ машица въ кровлѣ дома, или коромысло въ вѣсахъ.

Что съ силой, тоже и съ свѣтомъ, которой, по мнѣнію Гельвеція, страсти бросаютъ на предметы. Онѣ свѣтятъ, какъ въ бурю свѣтитъ морская пѣна, ударяясь объ ущесы, для того, чтобы корабли шли мимо и остерегались. — Зыбкіе, опасные маяки!

Старайтесь, чтобы сынъ вашъ какъ можно больше вникалъ, вслушивался въ стоическую школу — не столько увѣщаніями, сколько примѣрами истинныхъ стоиковъ

всѣхъ временъ. — Спокойно не будешь считать онъ Голландцемъ или дикимъ, если вы покажете ему, что прямой зародышъ сердечнаго огня пылаетъ именно въ тѣхъ людяхъ, которые питали волю постоянную, достаточную на цѣлую жизнь, а не руководствовались порывами и проходящими волями страсти; назовите на пр. Сократа или Катона II, въ теченіе всей жизни вѣчнымъ, но никимъ вдохновеніемъ одушевленныхъ.

§ 110.

Этой долгой, постоянной волѣ, оковывающей всякое внутреннее волненіе, представьте не одну близкую цѣль, — но цѣль безконечную: идею, — центральное солнце каждаго стремленія. — Вся жизнь будетъ такимъ образомъ исполнена силы или величія; отдѣльные же порывы, дѣйствія силы или величія могутъ иногда быть удѣломъ и слабаго. — Мы нигдѣ не видимъ каменныхъ утесовъ, одиноко возвышающихся, но сцѣпленные вмѣстѣ, цѣлые хребты горъ, соединясь, возносятся надъ облаками.

Неизмѣнная воля, хотѣніе непрерывное, могутъ стремиться только ко всеобщему, божественному, къ наукѣ, Религіи, искусству. . .

Какъ человѣкъ въ противуположность скоту, для котораго существуютъ одни отдѣльные предметы, распространяетъ міръ чувствуемый, изъясняетъ міръ постигаемый: такъ и идея сливаетъ желанія въ стремленіе повсемѣстное, всеобъемлющее.

Никакое воспитаніе не можетъ научить этой идеальности, ибо она есть самое внутреннее, самое сосредоточенное я. — Но въ каждомъ надобно предполагать его и слѣд. оживлять. Жизнь зажигается только жизнью: высокое примѣромъ, настоящимъ, или историческимъ, или (что соединяетъ оба) Поэзіей.

Настоящее, т. е. живое, не всегда такъ подъ рукою, какъ Галлевскія оловянныя фигуры для дѣтей; конечно мы могли бы найти его въ цѣломъ, — стоило бы только вспомнить многія сердцекрѣпительныя самоотверженія во время отечественной войны, которыми Плутархъ также, какъ и древними, могъ бы снискать себѣ безсмертіе; — но Плутарха-то у насъ нѣтъ: великое или не признано, или забыто, и потому при самомъ прекрасномъ настоящемъ мы еще имѣемъ нужду въ великомъ прошедшемъ, какъ перелетныя птицы въ свѣтлыхъ, лунныхъ ночахъ для лѣтѣнія въ теплыя страны. По несчастію, юношѣ представляютъ всегда священнымъ идеаломъ родителей его, или учителя, или нѣкоторыхъ знакомыхъ. — Напрасно и безполезно! Человѣкъ, мѣняющій ежедневно въ глазахъ ребенка праздничное и будничное свое платье, никогда не пробудитъ въ душѣ того чистаго восторга, въ которомъ всѣ звѣзды юношескаго идеала движутся и сіяютъ. Если образцы прекраснаго должны вести дѣтей по ихъ дорогѣ, зачѣмъ же выбираешь темные вмѣсто свѣтлыхъ и блестящихъ?

Но Кліо, Муза прошедшаго, предлагаетъ вамъ свое содѣйствіе, и съ нею вмѣстѣ лучезарный отецъ ея, Аполлонъ. Наполните душу юноши свѣтлымъ міромъ героевъ, великими людьми, съ любовью изображенными во всемъ ихъ разнообразіи: и врожденный, недостигаемый идеалъ, хранящійся въ сердцѣ каждаго, пробудится и оживетъ для него.

Пусть также глядитъ онъ смѣло въ глаза всякому поэтическому идеалу: привыкнувъ къ чистому его сіянію, взоры вынесутъ свѣтъ двухъ идеаловъ высшихъ: того, которой совѣсть изображаетъ намъ, и идею о Богѣ.

Кампе совѣтуетъ (и справедливо), чтобы юношамъ представляли непремѣнно полушаріе наше, освѣщенное теперешнимъ человѣчествомъ, не для того, чтобы внушить терпимость къ посредственности — нетерпимость въ такомъ случаѣ полезнѣе — но для того, чтобы сіяніе чуждаго намъ внѣшняго міра — изъ драгоцѣнныхъ ли камней исходящее, или въ капляхъ росы играющее — отразилось на ихъ розовомъ утрѣ. Чрезвычайно вредно дѣтямъ (вреднѣе даже изображеній людей діаволовъ, ибо о главѣ адскихъ духовъ и безъ того слышатъ они ежедневно) — изображеніе смѣшанныхъ характеровъ, для того, чтобы изъ оныхъ извлекали они достойное подражанія. Собственная ихъ смѣшанная натура, слѣдовательно, такое же имѣетъ право на вниманіе, и потому можетъ заставить

ихъ довольствоваться ею. Чему научается юноша въ сложной нравственности такого многобожія? Применять къ себѣ удобное уравненіе побѣды надъ порокомъ, съ подчиненностію ему. — Для Евангельской проповѣди о терпимости человѣческихъ слабостей легче всего взять вамъ шекспи — въ немъ самомъ.

Вѣроятно педагоги возстанутъ противъ такого идеализированія юношества (педагоги, преслѣдующіе все великое, какъ охотники слоновъ, чтобы послѣ ручныхъ, беззубыхъ и навьюченныхъ держать въ конюшняхъ). „Все это, скажутъ они, „прекрасно для Романа. Такое напряженное изящество будетъ и лишнимъ и безполезнымъ въ дѣйствительномъ мірѣ, въ „которомъ мы жить должны, и который „не соображается съ мечтами незрѣлаго „юноши. — Говоря романическимъ языкомъ, „на свѣтѣ нѣтъ ни фениксовъ, ни василисковъ, а обыкновенныя земныя и водяныя „животныя. — Молодой человѣкъ обязанъ, „какъ и старой, примѣняться къ людямъ „своего времени, и выкинуть изъ головы пустыхъ исполиновъ. — Середина вѣрная „дорога вездѣ: — вотъ каковы должны быть „люди, говорятъ юношамъ; но не смотря „на то, что они не таковы, пускай живутъ въ томъ кругу, гдѣ имъ жить назначено. Идеальность тогда только получаетъ вѣсъ и цѣну, когда дѣйствуетъ для „полезной существенности. Въ Цирихѣ на „пр. каждый ученый, Правамъ ли онъ учил-

„ся, Философіи, или Политикѣ, записывает-
„ся въ цехъ шкачей, башмачниковъ, сто-
„ляровъ и пр. — Только шакъ, а не ина-
„че образуются отечеству граждане, при-
„носящіе честь родителямъ и наставни-
„камъ.“

Съ послѣднимъ я согласенъ. — Но ежели свѣтъ и время отнимаютъ и безъ того наши силы, то почему же должны мы пускать дѣтей своихъ на поприще, обезсиливъ ихъ прежде воспитаніемъ? Не уже ли въ позднихъ годахъ нашихъ, спускаясь все ниже и ниже по равнинѣ жизни, будемъ мы ждать возвышеній, вмѣсто обыкновенныхъ ямъ, лощинъ и плоскостей? — Не уже ли намъ нечего предупреждать, опережать? — Съ духовными очами обходитесь по крайней мѣрѣ также, какъ съ очами тѣлесными: имъ сначала даютъ очки, едва выпуклые, которыя немного уменьшаютъ, ибо употребленіе очковъ само собою пріучаетъ къ спектамъ больше выпуклымъ, больше уменьшающимъ предметы. Опаснѣе всего и хуже кажется вамъ то, что юноша можетъ выбрать своимъ идеаломъ что нибудь существенное? но самаго худаго, самаго вреднаго, чтобъ онъ идеалъ свой не облекъ въ темную существенность, вы не опасаетесь? — О, какъ часто бываетъ это и безъ вашего содѣйствія! Спѣлый подсолнечникъ, съ своими полными зернами, перестаетъ обращаться къ солнцу и вертѣться за нимъ. — Пышный Рейнъ находитъ скоро свою равнину, по которой катится безъ

блестящихъ водопадовъ, и тащитъ грузъ свой въ Голландію. — Нѣкоторые проступки, ошибки неопытности, излишества — что́ они въ сравненіи съ тою невыразимою бѣдностью, когда безъ священнаго огня юности, безъ крыльевъ, безъ великихъ намѣреній, вступаютъ на узкое, холодное поприще жизни, съ такою же почти нагою, съ какой обыкновенно изъ него выходятъ? — Какъ можетъ жизнь созрѣть безъ жаркаго юношескаго идеала, и вино безъ Августа? — Все прекрасное, совершенное людьми, если даже оно совершилось въ холодныхъ годахъ старости, есть только поздно созрѣвшее сѣмя, упавшее съ дерева жизни, въ раю дѣтства росшущемъ: все прекрасное есть исполнившаяся мечта юности. Или вы никогда не видали, какъ человѣкъ чрезъ цѣлую жизнь свою слѣдуетъ и руководствуется однимъ первымъ кумиромъ раннихъ лѣтъ своихъ? Чѣмъ же замѣните вы эту путеводительную звѣзду? — Кормиломъ умнаго самолюбія? — И что же? что въ самомъ дѣлѣ одно нужно человѣку? — Право, не сила для принесенія жертвы — человѣкъ охотно при видѣ божественнаго сбрасываетъ съ себя все, что въ себѣ земнаго имѣетъ, все что не нужно Божественному. — Не сила нужна ему, а вѣра, лицезрѣніе Божества, достойнаго лучшихъ человѣческихъ приношеній. — Истребите же въ душѣ его Идеалъ, исчезнетъ и храмъ, и жертвенникъ, и все!

IV.

ПОѢЗДКА НА ИМАТРУ.

Наше путешествіе было въ началѣ Сентября. Пустясь въ путь около полуночи, мы проѣхали, не замѣшивъ и многолюдную Черную рѣчку, и песчаныя окрестности Питера, и очаровательную Паргалу, которой имя, по странному противорѣчію, на Финскомъ языкѣ означаетъ чорта. На разсвѣтѣ подъѣзжали мы уже къ станціи Бѣлоострову, гдѣ поразилъ насъ первый признакъ приближенія границы — не столпъ и не памятникъ, а таможенный служитель. Зѣвая, вышелъ онъ посмотрѣть на дорогу, и не замѣтивъ на ней ни одной повозки со стороны Финляндіи, печальнымъ маршемъ воротился доспать въ свою землянку. Изъ Бѣлоострова мы ѣхали по скату возвышенія; по лѣвую сторону стелется широкая равнина, усѣянная лѣсомъ, которая вдали сливается съ синею полосою Финскаго залива; изъза лѣса мелькаютъ каменныя строенія Сестрорѣцкаго оружейнаго завода, который, говорятъ, примѣчательнѣе Тульскаго, но до сихъ поръ не имѣетъ счастія найти своего Гаммеля. — Но вотъ коляска катится въ глубину оврага, переѣзжаетъ бревенчатый мостъ, подъ которымъ шумитъ рѣчька Сестра, пробираясь по каменьямъ, и — мы въ великомъ Княжествѣ Финляндскомъ.

Невольно скучая однообразіемъ равнинъ, я давно былъ жаденъ къ разсказамъ очевидцевъ о гористой Финляндіи, и съ любо-

пышностью разсматривалъ ея ландкарту, которая оплетена какъ будто кружевомъ излучистыхъ озеръ, рѣкъ и заливовъ. Начало дороги обмануло пышныя наши ожиданія. Мы жали плечами, видя вокругъ себя природу тощую, безсильную. Чухонскія лошади, еловыя и березовыя рощи, хлѣбныя одонья на поляхъ, усѣянныхъ каменьями, деревенскія хаты и хозяева, раздѣляющіе ихъ съ домашнею скотиною — все это поражало насъ микроскопическою мѣлкостію. Правда, природа въ своей цѣлости плѣняла какимъ-то грустнымъ величіемъ: иногда разширялись передъ нами волнистыя поляны, подъ которыми лежалъ блѣдный небосклонъ Сѣвера; взоръ терялся на лѣсахъ, желтыхъ отъ осенняго холода, и тщетно искалъ хоть одной хижины, хоть одного дома, который бы напомнилъ о жильяхъ человѣческихъ; иногда въ сторонѣ отъ нашей дороги тянулось синей полосою пустынное озеро съ грядою острововъ, ни кѣмъ не обитаемыхъ. Но когда мы начали приближаться къ Выборгу, природа намъ представила совсѣмъ другія картины. Почва стала неровною; по бокамъ гладкой шоссе лежали уродливые величиной куски гранита. Въ иномъ мѣстѣ лежали они на верху бугра, и взгроможденные неправильными грудами, издали походили на развалины городской стѣны или на древнее кладбище исполиновъ; въ другомъ покрывали они великое пространство разбросанными цѣлами, словно великаны здѣсь состязались битвою

и мешали другъ въ друга сіи скалы. Вообще видъ этаго края возбуждаетъ мысль о великомъ первобытномъ мірѣ, насильственно разрушенномъ враждебными стихіями; съ симъ согласуется и мнѣніе естествоиспытателей. Мы съ удивленіемъ встрѣчали гранитныя скалы саженей въ 6 или 8 вышиною, гдѣ время успѣло произвести плѣснь, и эта плѣснь поросла мохомъ и папоротникомъ, изъ-за которыхъ выглядывала недоросль березы. Сколько вѣковъ потребно было пролежать мертвому камню, прежде чѣмъ духъ жизни пробудилъ на его поверхности новую растительность!

Въ продолженіе дороги мы встрѣтили одну только большую деревню, населенную Русскими: это Красное село, по Чухонски Киреле, близъ озера того же имени. Въ остальныхъ живутъ Чухонцы: нечистота, бѣдность одежды, безпечность, замѣтная во всякомъ ихъ движеніи, заставляютъ вѣрить тому, что за 120 лѣтъ предъ симъ, когда сія страна досталась Петру I, ея жители даже не умѣли плести себѣ лаптей. Это принудило Государя выслать изъ Казани и Нижняго Новгорода 6 мастеровыхъ мужиковъ, которые наставили Чухонское племя сему важному искусству. — Узкій лобъ, свѣтлосѣрые глаза, волосы свѣтлые, прямые, курносое лице со ртомъ, засѣтнушымъ ушами, и подбородкомъ почти безволосымъ, ростъ немного болѣе двухъ-аршиннаго — вотъ на-

ружность крестьянина, происходящаго отъ древняго племени Финновъ. Жены не пригожѣе своихъ сожителей; онѣ поставляютъ красоту въ томъ, чтобы зачесывать вверхъ свои волосы такъ круто, что виски морщатся и волосы выпадаютъ прежде времени; онѣ носятъ панталоны, вѣроятно для защиты отъ холода, и на многихъ мы замѣтили полосатыя четвероугольныя епанчи въ родѣ Шотландскихъ plaids. Но при сей непривлекательной наружности маймистровъ (такъ они зовутъ сами себя) звуки языка ихъ напоминаютъ музыкальное нарѣчіе Италіи. Въ Чухонскомъ языкѣ мало согласныхъ, а какія есть, тѣ произносятся съ мягкостію, удивительною даже для Рускаго слуха. Когда полупьяный ямщикъ распѣвалъ намъ народную свою пѣсню, съ припѣвомъ:

Хала ли-ли, хала ли-ли,
Хала ли-ли, ла-ла,

мы съ удовольствіемъ прислушивались, и заставляли его переводить, сколько умѣлъ онъ, любовныя и не слишкомъ благопристойныя слова ея. — Кромѣ Краснаго села, мы замѣтили на дорогѣ приходское село Кивиная, любопытное своимъ крѣпкимъ высокимъ мѣстоположеніемъ и упоминаемое подъ именемъ Кивена въ походѣ воеводъ Іоанна Грознаго противъ Густава Вазы 1557 года. Къ Выборгу подъѣзжали мы около 7 часовъ вечера; вправо, на возвышенности, видѣли мы дачу, освѣщенную заходящимъ солнцемъ; влѣво были утесы, бросавшіе тѣнь свою на загородное кладбище Чухон-

ское, смиренно лежащее у подошвы ихъ. Прямо впереди, на берегу залива возвышался Выборгскій замокъ, заложенный Шведами въ концѣ 13 вѣка и осѣненный съ 1710 года трехцвѣтнымъ Русскимъ флагомъ. Скоро, проѣхавъ незастроенный форштатъ, мы вкатились подъ шлагбаумъ, правильной Вобановской крѣпости, оконченной при Екатеринѣ II; ночевали въ виду самаго замка, въ гостинницѣ, которой хозяинъ Италіянецъ. Семейство его говоритъ по Нѣмецки, и при насъ танцовали Шведскую кадриль, преподанную какимъ-то пріѣзжимъ изъ Гельсингфорса Вестрисомъ. — На другое утро пустились далѣе, и снова обогнувъ вчерашній форштатъ, своротили на Кексгольмскую дорогу, къ мосту, который называется Корельскимъ, вѣроятно потому, что Кексгольмъ въ старину извѣстенъ былъ Русскимъ подъ именемъ Корелы. Отсюда древній Выборгъ и башня готическаго замка его представляются въ выгоднѣйшемъ видѣ. Гористою дорогою, освѣжаемые воздухомъ рѣзкимъ и здоровымъ, прокатили мы 60 верстъ до станціи Сѣтола. Около дороги между просѣками не рѣдко мелькаютъ саженей на 20 вдлину голыя гряды цѣльнаго гранита, или одинокіе огромные камни, изъ которыхъ одни удивляютъ уродливостію, другіе правильнымъ подобіемъ гробницъ, домовъ, или капищъ. Поблизости Выборга мы замѣтили на нѣкоторыхъ камняхъ нумера, и изъ того заключили, что они предназначены для Пе-

тербургскихъ зданій или памятниковъ; но это были, разумѣется, не самые крупные: ибо, пока Механика не приведетъ болѣе силъ въ распоряженіе человѣка, всѣ сокровища Америки не смогутъ поднять сіи громады, передъ которыми скала, поддерживающая нашъ монументъ Петра Великаго, кажется маленькимъ обломкомъ.

Станція Сетола стоитъ на правомъ берегу Воксы. Рѣка, имѣя въ ширину саженей 30, вытекаетъ за три версты выше сей деревни изъ большаго озера Саймы, которое неправильными своими рукавами сообщается со всею системою внутреннихъ водъ Финляндіи. Вокса служитъ прошокомъ, чрезъ который воды Саймскія изливаются въ озеро Ладожское, куда она впадаетъ при Кексгольмѣ. Токъ ея, въ длину имѣющій верстъ 130, быстро бѣжитъ по дну каменистому, неровному, и часто теряется въ небольшихъ сквозныхъ озерахъ. Первый порогъ Воксы встрѣчается неболѣе полуверсты выше селенія Сетолы. Порогъ сей, котораго дѣйствіе увеличивается крупными каменьями, затрудняющими теченіе рѣки, даетъ ей такую быстроту, что она, по разсказамъ обывателей, круглый годъ не замерзаетъ до самаго водопада Имантры, начинающагося четыре версты внизъ отъ Сетолы. Здѣсь, два кремнистые берега, изъ которыхъ правый выше лѣваго, стѣснили русло рѣки, такъ, что въ самомъ узкомъ мѣстѣ оно не шире 5 саженей. Первое препятствіе встрѣтилось у лѣваго берега; часть воды сте-

кается прямо; но главная струя, съ какимъ-то отчаяннымъ усиліемъ расширяться, отскакиваетъ къ крутому правому берегу, отражается отъ него еще сильнѣе, встрѣчаетъ посрединѣ массу воды, слѣва отхлынувшей, стекается съ нею въ огромный бугоръ, высоко мечетъ брызги и сѣдую пѣну въ воздухъ, снова распадается, и — нѣсколько разъ повторивъ то же безуспѣшное движеніе, съ возростающею силою и стономъ, наконецъ огромнымъ водянымъ хребтомъ ударяетъ влѣво, и прорвавшись вонъ изъ воротъ гранитныхъ, спѣшитъ разлиться въ озеро, гдѣ далеко можно еще слѣдить клубящуюся пѣну. Но сего недовольно для полнаго понятія объ ужасной быстротѣ Имантры. Въ то самое время, какъ водяныя массы стекаются съ боковъ и одна у другой оспориваютъ выходъ изъ тѣснины, — гранитное дно, изрытое порогами, заставляетъ рѣку падать съ одной подводной ступени на другую; струя, низвергнутая внизъ, силится вырваться на волю, и своимъ давленіемъ усугубляетъ шумъ и ярость водопада. Вышины сихъ ступеней измѣрить не возможно, ибо онѣ совершенно поглощены водною массою, и ихъ существованіе обнаруживается только ея неровнымъ наклоненіемъ. Еще менѣе надежды узнать въ эпомъ мѣстѣ глубину воды, ибо все въ нее опущенное вмигъ увлечено стремленіемъ потока. Но если судить по глазомѣру, уровень озера, въ которое рѣка выливается изъ своего заключенія, сажень по крайней мѣрѣ на 9 ниже по-

верхности того мѣста, гдѣ берега стѣснились; разстояніе же отъ озера заключаетъ въ себѣ около $\frac{1}{4}$ версты: такова крутость теченія!

Въ первый разъ мы взглянули на Иматру, еще не доѣхавъ до станціи, съ высоты праваго берега. Вокса текла такъ глубоко, тѣсно, что первое впечатлѣніе вовсе не отвѣчало ожиданіямъ, и наше сердце, не слѣдуя привычкѣ путешественниковъ, билось ни сколько не сильнѣе обыкновеннаго. За то, когда спустились мы по деревянной лѣстницѣ къ самому водопаду, когда прошлись возлѣ его, подъ брызгами волнъ, отъ которыхъ отдѣляли насъ одни зубчатые слои гранита, когда взобрались на утесъ, вдающійся въ воду при самомъ истокѣ рѣки въ озеро, и вся длина текущей наклонности представилась глазамъ нашимъ: сознаюсь, воображеніе самое пугое не могло бы остаться равнодушнымъ. Это неутомимое терзаніе стихіи, и мысль, что оно вѣчно; этотъ шумъ, который кажется безпрестанно возростающимъ и наконецъ оглушаетъ совершенно; эта странная противоположность береговъ, черныхъ какъ сталь, съ пѣнистою волною, которая вдругъ ударится высоко о пещеры, въ нихъ прорытыя, и потомъ на нѣсколько времени обратитъ свое стремленіе въ сторону, между тѣмъ какъ вода, ею заброшенная, серебрянымъ каскадомъ стекаетъ въ рѣку до прихода новой волны, еще огромнѣйшей; самыя эти тощія березы, висящія съ утесовъ и оро-

шенныя паромъ водопада: всѣ сіи предметы въ своей совокупности очаровываютъ душу и остаются неизгладимыми въ памяти.

Долго любовались мы симъ необыкновеннымъ явленіемъ природы. — Возвращаясь на берегъ, мы занялись чтеніемъ надписей, въ которыхъ прежніе посѣтители разсудили заблаго передать имена свои потомству. Намъ встрѣтилось много именъ Шведскихъ и Нѣмецкихъ, нѣкоторые Англійскія, но ни одного классическаго Русскаго. Имантра, не смотря на свою близость отъ столицы, видно, несчастливѣе водопадовъ Европы и Америки: тамъ плѣненный зритель услаждаетъ свое самолюбіе, перечитывая книжку съ именами мужей славныхъ, которые, подобно ему, нѣкогда любовались тѣмъ же зрѣлищемъ; она несчастливѣе даже уединенной Олонецкой Суны, которая по крайней мѣрѣ внушила Державина.

Пріѣхавъ на станцію, мы, не теряя времени, перевезлись чрезъ рѣку на веселномъ поромѣ, и взявъ одноколки съ провожатымъ Чухонцемъ, который порусски понималъ только слово Имантра, отправились смотрѣть водопадъ съ лѣваго берега. Онъ подрытъ и совершенно нависъ на нихъ. Немного въ сторону, параллельно съ рѣкою, идетъ по немъ гряда камней, на которыхъ видны явные признаки того, что они были нѣкогда подводными. Это внушаетъ догадку, что рѣка нѣкогда имѣла другое русло и приведена въ нынѣшнее ка-

кимъ нибудь великимъ переворотомъ естественнымъ; сія догадка согласуется съ мѣстнымъ повѣрьемъ, будто Вокса дѣйствительно текла когда-то по симъ камнямъ и приняла нынѣшній токъ послѣ землетрясенія, бывшаго въ часъ смерти Христовой. — Дошедши до озера, куда стекаетъ и водопадъ, мы нашли у берега множество бревенъ и шестовъ, которые, будучи брошены выше, снесены сюда водою; оконечности ихъ были обточены такъ кругло, что токарь не могъ бы дать имъ большей правильности. Слишкомъ въ верстѣ ниже есть мѣсто, гдѣ Чухонцы подбираютъ въ рѣкѣ камешки, ею же обдѣланные: затѣйливость и симметрія формъ удивительны! Впрочемъ свойство воды обтачивать правильно твердыя вещества, есть общее всѣмъ водопадамъ и быстрымъ рѣкамъ въ мірѣ; мнѣ самому случалось видѣть такіе камни съ Ніагары, кои ничѣмъ не отличаются отъ собранныхъ нами на Имантрѣ.

Смеркалось, когда мы возвратились къ нашей станціи: а пока успѣли отобѣдать свѣжею форелью и собраться въ путь, взошелъ уже мѣсяцъ. Проѣзжая мимо, мы невольно сошли взглянуть впослѣдніе на Имантру съ высокаго берега: надъ нами густой паръ носился пеленою въ лучахъ блѣдной луны, а подъ ногами нашими водопадъ со стономъ катилъ свои вѣчноперзающіяся волны. Отъѣхавъ 7 верстъ, коляска нечаянно стала, и мы среди торжественнаго молчанія ночи ясно внимали шуму пото-

ка на разстояніи 12 верстъ. Мы снова остановились и здѣсь прислушались въ послѣдній разъ: звуки водопада глухо умирали въ отдаленіи. . .

По возвращеніи въ Выборгъ, первою нашею заботою на другое утро было осмотрѣть три достопримѣчательности: замокъ, Финскую кирку, сохраняющуюся въ томъ видѣ, какъ она построена въ XIII вѣкѣ, и Monrepos, извѣстный садъ, принадлежащій Барону Николаи, нашему Министру въ Копенгагенѣ. — Монрепо расположенъ въ 2 верстахъ отъ города, по берегу залива, который отъ Выборга далеко вдается внутрь земли. Сія дача сначала была принадлежностію Выборгскаго Намѣстничества, и отдѣлана съ великими издержками Герцогомъ Виртембергскимъ, въ бытность его въ сей важной должности. Императоръ Павелъ пожаловалъ ее своему Секретарю, отцу нынѣшняго Барона. Садъ сей тѣмъ болѣе примѣчателенъ, что главными красотами онъ одолженъ самой природѣ. Жителъ равнинъ не можетъ надивиться новости и разнообразію картинъ, встрѣчаемыхъ на каждомъ шагу: то видите вы ширину залива и лѣсистые холмы другаго берега; то проходите мимо скалъ отвѣсныхъ, гладкихъ какъ стѣна, или изрытыхъ потоками, испещренныхъ мохомъ и древесными корнями. Дорога ваша съузилась; вы входите въ пещеру, садитесь; надъ головою вашею выдался огромный гранитъ; онъ нѣсколькими точками касается другой скалы, его поддерживающей; минута — и онъ

рухнется: что спасетъ васъ? его равновѣсіе, и только. Возвращаетесь; васъ останавливаетъ бухта въ видѣ полумѣсяца; въ самой его срединѣ возвышается къ небу гранитный курганъ, увѣнчанный скромнымъ обелискомъ изъ дикаго Олонецкаго мрамора: это памятникъ любви братской, памятникъ двумъ Графамъ Брогліо, братьямъ супруги хозяина, падшимъ на полѣ битвы въ отечественную войну 1812 года. Есть другой памятникъ, посвященный любви сыновней: переправьтесь на плотикѣ къ сему острову, который съ вашей стороны заросъ деревьями, взойдите по неровнымъ ступенямъ изъ обвалившагося камня: вы на Лудвигштейнѣ; передъ вами небольшое готическое зданіе; внутри его стоятъ бюсты родителей Барона; по бокамъ два мраморные памятника; немного ниже, ходъ въ подземелье, гдѣ по обычаю, дозволенному церковью Лютеранскою, стоятъ открытыя гробы двухъ покойниковъ. Сей островъ мѣсто для печали; обойдите нѣсколько шаговъ за бесѣдку съ бюстами, но не оступитесь: вы на краю стремнины, гдѣ глубоко бьются волны при ея подножіи, и васъ не спасетъ дерево, вкоренившееся ниже близъ подошвы. . . . . .

Старинная Римская кирка стоитъ неподалеку отъ нынѣшняго Русскаго Собора; она не высока и составляетъ продолговатый четвероугольникъ шаговъ въ 50 длиною; стѣны ея складены изъ огромныхъ нетесаныхъ каменьевъ, между которыми

отверстія задѣланы щебнемъ и цементомъ; кровля снаружи спущена по обѣимъ сторонамъ на образецъ Голландской и покрыта черепицею, а внутри сдѣлана сводомъ, который поддерживается готическими витыми пилястрами. Полъ составленъ весь изъ надгробныхъ камней; на нѣкоторыхъ время не успѣло еще совершенно изгладить надписи и гербы погребенныхъ подъ ними витязей. Мы разобрали одну надпись 17 вѣка; но прилѣжное изслѣдованіе вѣрно откpыло бы гораздо древнѣйшія. Сія церковь современна основанію города, и не мудрено: ибо Шведы, покоряя себѣ Корелію, не смотрѣли на то, что ея родители большею частію были еще прежде крещены Новогородцами, но спѣшили обращать ихъ къ вѣрѣ Лашинской. Шведскій Король Биргеръ въ грамотѣ, изданной около 1300 года, выражается такимъ образомъ: „Язычниковъ Кореловъ, которые издавна причиняли какъ нашимъ, такъ и инымъ посѣтителямъ Восточнаго моря, покражи, грабежи, истязанія безчисленныя, не щадя ни пола, ни возраста, у живыхъ сдирая кожу или вырѣзывая внутренность, мы, убѣдивъ ихъ Божіимъ милосердіемъ, обратили къ Христіанству, ради распространенія единства вѣры католической, и вмѣстѣ соболѣзнуя страданіямъ страждущихъ; а потомъ съ великимъ воинствомъ и многотруднымъ иждивеніемъ соорудили крѣпость Выборгъ, во славу Бога и Святыя Дѣвы.“

Древняя крѣпость, то есть замокъ, и принадлежащія оному строенія, занимаютъ

небольшой укрѣпленный островъ, соединяемый мостами съ нѣмъ и другимъ берегомъ залива. Не трудно отличить древнѣйшія части его, складенныя изъ такихъ же неровныхъ камней, какіе мы видѣли въ стѣнахъ Финской церкви, отъ позднѣйшихъ кирпичныхъ построекъ; къ числу сихъ послѣднихъ принадлежитъ и башня, которая однако уже существовала при взятіи Выборга Русскими. Вышиною она саженей въ 26, и съ ея верхушки открывается обширный видъ, съ одной стороны на гористыя окрестности, съ другой на заливъ и гавань Штралзундъ, верстахъ въ 5 отъ города, въ которой останавливаются крупныя суда. Отсюда намъ показывали извѣстный Козакъ-камень, лежащій на дорогѣ къ Гельзингфорсу; онъ примѣчателенъ по темному преданію о смерти козака, убитаго на немъ Шведами въ то время, когда Петръ Великій осаждалъ городъ. — Внутри пустошы башни мы видѣли деревянную модель желѣзнаго колеса, которымъ поднимались на высоту артиллерійскія орудія, когда военное искусство гордилось еще шпердынями высокими и не поспѣвало вѣрнѣйшей обороны, въ наше время доставляемой смиренными окопами. Южный уголъ замка кончается небольшою башенкою, въ которой можно видѣть круглую комнату со сводомъ и тѣсными окошками; здѣсь нѣсколько дней жилъ Петръ Великій по завоеваніи Выборга, и до сего времени помнятъ мѣсто его кровати, которая давно отвезена въ Петербургъ на

сохраненіе. Въ трехъ комнатахъ, прилежащихъ къ сему ночлегу Петра, расположенъ Архивъ оффиціяльныхъ документовъ на Русскомъ языкѣ со времени присоединенія города къ Россіи; въ числѣ ихъ находятся нѣкоторыя бумаги за подлинною подписью Апраксина, Меншикова и другихъ вельможъ незабвеннаго времени Петрова. Древнѣйшіе памятники на языкѣ Шведскомъ, относящіеся къ Исторіи города, хранятся, сказывали намъ, въ Архивѣ суда городскаго. — Внутри замка на возвышеніи подлѣ главной башни сохранился осташокъ обвалившейся стѣны; на ней замѣтны слѣды глубокой древности, и весьма вѣроятно, что она есть настоящее, первое ядро замка; все же остальное постепенно пристроено въ послѣдствіи. На другой сторонѣ залива, саженяхъ во 100 отъ крѣпости, намъ показывали мѣсто батарей, съ которыхъ ее громили ядра Русскія: это голый гранитъ, на которомъ вырѣзаны крестъ и вензеловое имя Петра. Почеркъ сего вензеля новъ, однако никакой изъ старожиловъ Выборгскихъ не запомнитъ, когда онъ былъ написанъ.

Сколько перемѣнъ видѣли стѣны сего замка съ темныхъ временъ древности, когда толпы дикихъ Кореловъ со страхомъ и трепетомъ сходились приносить скудную дань звѣриныхъ шкуръ Коменданту Шведскому, — долгого дня, когда отважный Петръ, выставивъ Шведскій флагъ на своихъ шлюпкахъ и стрѣляя пустыми залпами по Рус-

скимъ осаднымъ башнямъ, обманывалъ осторожность гарнизона Выборгскаго, и въ виду непріятеля подвозилъ помощь войску, осаждавшему крѣпость. Сколько воспоминаній пробуждаютъ сіи стѣны съ той поры, когда нестройные рапники Московскіе подступали къ нимъ и бѣжали въ ужасѣ отъ *Выборгскаго трезка*, до той славной минуты, когда Адмиралъ Апраксинъ торжественно въѣзжалъ въ покоренный городъ, и въ его свитѣ смиренно слѣдовалъ Петръ Великій! . . .

Часть Финляндіи, обитаемая Емью, издавна платила дань Новгородцамъ. Около 1160 года, при Ерикѣ Святомъ, Шведы, пользуясь междоусобіемъ и слабостію Россіи, покорили вновь эту страну, изобильную хлѣбомъ и мѣхами; но завоеваніе не могло быть прочно, пока Новгородцы, владѣя Корелою, могли вторгаться въ оное и опустошать, когда хотѣли. Дѣйствительно Корелія, огражденная Финскимъ заливомъ, Невою и озеромъ Ладожскимъ, служитъ для сего края естественною воинскою границею и, такъ сказать, воротами Финляндіи. Сдѣлавъ вѣроятно сіе соображеніе, Шведскій Великій Маршалъ Торкель Кнутсонъ въ 1293 послалъ войско въ Корелію, которое основало Выборгъ при Финляндскомъ заливѣ и Кексгольмъ при Ладогѣ; но Новгородцы, скоро смекнувъ дѣло, взяли послѣдній городъ приступомъ и срыли его до основанія. Неутомимый Торкель устремился въ другую сторону, разбилъ

Новгородцевъ близъ Невы, и на Южномъ берегу ея при устьѣ Охоты заложилъ деревянную крѣпостцу Ландскрону. Удаляясь въ Швецію, онъ повѣрилъ крѣпость воеводѣ Стену, который былъ витязь весьма храбрый, но имѣлъ одну несчастную пословицу: „На что безпокоить великаго Маршала!“ Вѣрный этому правилу, онъ хладнокровно дожидался, и не просилъ подкрѣпленія, пока Новгородцы съ своимъ Великимъ Княземъ Андреемъ Александровичемъ подошли и испребовали злополучнаго Стена съ его пословицей и крѣпостію. Немного спустя, около 1320 года, Россіяне при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера основали городъ Орѣховъ, нынѣ Шлиссельбургъ, и заключили миръ со Швеціею, въ слѣдствіе котораго за нами остался городъ Кексгольмъ и теченіе Сестры рѣки. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ берегами Невы и Ладожскаго озера перевѣсъ воинскій утвержденъ былъ за Россіей; сіе обстоятельство и соединеніе государства подъ одну державу были причиною того, что всѣ послѣдующія войны наши со Швеціею были наступательныя. При великомъ Князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ Новогородцы выжгли предмѣстія Выборга. Въ 1495 году, по Р. Х., въ годину несчастную для Швеціи, Іоаннъ III, дѣйствуя заодно съ Королемъ Датскимъ, послалъ войско подъ Выборгъ; оно разсѣялось отъ страха, причиненнаго пороховымъ взрывомъ, который окрестные жители приписали колдовству,

и помнили долго подъ названіемъ Выборгскаго треска; но разорило околодокъ сего города. На слѣдующій годъ одно ополченіе Московское двинулось къ Абову, близъ коего разбило 7000-ный непріятельскій корпусъ, не смотря на присутствіе въ семъ городѣ самаго правителя Швеціи, Стена Стура; другое, зашедши со стороны Лапландіи, разорило берега Торнео и всю Финляндію изъ конца въ конецъ. Въ 1557 воеводы Іоанна IV разбили полководцевъ Густава Вазы недалеко отъ Выборга, и смиривъ гордость Короля, принудили его подписать въ мирномъ шрактатѣ соглашеніе сноситься впредь не прямо съ Царемъ Московскимъ, но съ его Новогородскими Намѣстниками. Но слава сихъ подвиговъ затмилась въ началѣ 17 вѣка, и Столбовскимъ миромъ Россія отдала Швеціи нетолько всю Корелію, но Ингрію и другія земли, занятыя Делагардіемъ во время смятенія. Только геній Петра и обстоятельства особенныя, имъ же сотворенныя, могли возвратить намъ перевѣсъ рѣшительный. Сколько трудовъ это стоило, о томъ можно судить по осадѣ Выборга: еще въ 1706 году приступали къ сему городу 20 т. Россіянъ, и возвратились безъ успѣха. Въ 1710 *добывало* Выборгъ 18000-ное войско, съ 60 пушками, 30 мортирами, предводимое Царемъ и Адмираломъ Апраксинымъ, и пособляемое флотомъ, который мѣшалъ подвозу всякой помощи къ крѣпости: и тутъ осада кончилась не прежде $2\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ. При самыхъ пе-

реговорахъ о мирѣ Нейшадскомъ, когда Шведское могущество давно было низложено, Россійскій Дворъ, довольный пріобрѣтеніемъ Ингріи и Балтійскихъ областей, ежели откажался бы отъ Кореліи; но дипломатическая ловкость уполномоченнаго Генерала Брюса сберегла для него важное обладаніе Выборгомъ. Оно послужило краеугольною ступенью къ завоеванію всѣхъ земель на востокъ отъ залива Ботническаго. Абовскимъ договоромъ 1783 года предѣлы Выборгской Губерніи распространены до Нейшлота и береговъ Кюменя; а Фридрихсгамскій миръ подчинилъ Русской державѣ новую Финляндію, которая, подъ именемъ Великаго Княжества, соединена со старою и получила отъ щедротъ Императора Александра утвержденіе первобытныхъ своихъ правъ и преимуществъ. Если разсмотрѣть нынѣ сихъ происшествій въ отношеніи къ Географіи, то всякому конечно покажется примѣчательнымъ, что въ началѣ 14 вѣка стояла на Охтѣ крѣпость Шведская Ландскрона, а въ началѣ 19 близко той же Охты построенъ за Петербургскою заставою пороховой заводъ, съ тѣмъ, чтобы легче подвозить огнестрѣльные снаряды къ покоренію всей Финляндіи до Ледовитаго Океана.

ДРЕВНІЕ ГРЕКИ.

Греки были не только вѣчными младенцами, по словамъ Египетскаго жреца, но и вѣчными юношами. Если позднѣйшіе стихотворцы — произведеніе времени, и въ особенности Германскіе — произведеніе временъ; то Греческіе стихотворцы застали утреннее время, росли въ краѣ полудня. Поэтическая дѣйствительность, вмѣсто тѣни, бросала одинъ свѣтъ и отражалась въ поэтическихъ твореніяхъ. Вообразимъ себѣ страну, гдѣ все способствуетъ къ тихому вдохновенію, гдѣ найдешь счастливую средину между бѣдностію и излишнимъ обиліемъ природы, между зноемъ и хладомъ, между вѣчными облаками и однимъ пустымъ небомъ; ту средину, безъ коей Діогенъ не могъ бы существовать; — страну, исполненную горъ, какъ вѣчныхъ преградъ между различными племенами, какъ хранителей и разсадниковъ свободы и силы, но гдѣ также разстилались очаровательныя долины, какъ тихія колыбели пѣвцовъ: легкій вѣтерокъ несетъ оттуда по скользкимъ волнамъ къ благословенной Іоніи, въ творческій рай Адама поэзіи — Омира. Прибавимъ къ тому ту средину, дарованную фантазіи самимъ климатомъ, между Норманомъ и жителемъ Аравіи, подобно тихому солнечному огню между луннымъ сіяніемъ и быстрымъ

земнымъ пламенемъ — народъ свободный, гдѣ рабы были конечно осуждены на трудъ и ремесла, но гдѣ само вольный гражданинъ жилъ единственно для упражненій въ гимнастикѣ и музыкѣ, то есть, для образованія тѣла и души. Побѣды бойцевъ на Олимпійскихъ играхъ были также славны, какъ и торжества Геніевъ, и Пиндаръ не былъ знаменитѣе своего предмета. Философія была наукою цѣлой жизни, и ученикъ состарѣвался въ садахъ своего учителя. Юное чувство Поэзіи не попало подъ убійственный рѣзецъ любомудрыхъ изслѣдователей и сохранилось невредимо, пламенно предъ остроумнымъ сонмищемъ философовъ, которые въ нѣсколько олимпіадъ обошли весь превыспренній міръ. Прекрасное, подобно войнѣ за отчизну, принадлежало всѣмъ сословіямъ и, подобно Дельфійскому храму Аполлона, соединяло всѣ Греческія племена. Человѣчество было болѣе дружно съ Поэзіей; Эсхилъ желалъ, чтобы въ надгробной его были описаны только воинскіе его подвиги, а за подвиги поэтическіе Софоклъ получилъ начальство надъ войсками въ Самосѣ, и для торжества его погребенія Аѳиняне испросили перемиріе отъ осаждавшаго ихъ Лисандра. — Поэзія не была окована, схоронена въ стѣнахъ душной столицы; но свободно парила надъ всею Греціею, и выражаясь на всѣхъ Греческихъ нарѣчіяхъ, соединяла всѣ различныя племена въ одно сердце; внутреннія и внѣшнія войны за свободу испытыва-

ли, питали народную дѣятельность, и самое приморское положеніе городовъ способствовало къ тому. Но воинскій духъ Грековъ не мѣшалъ ихъ умственному развитію: для нихъ война была щитомъ, тогда какъ для Римлянъ она была мечемъ. Наконецъ скажемъ также объ этомъ чувствѣ прекраснаго, которое, по словамъ Ѳеофраста, заставляло юношей спорить о мужской красотѣ, которое живописцамъ воздвигало статуи, даже храмы, и обоготворяло юношу послѣ его смерти, или при жизни возводило въ достоинство жреца, за то единственно, что онъ былъ прекрасенъ собою; — то чувство красоты, для котораго театръ былъ важнѣе войны, которое съ такимъ же трепетомъ ожидало сужденія народа о какой нибудь поэмѣ, какъ приговора къ смерти, и которое всю Грецію заставляло праздновать торжество стихотворца или художника. Страна, гдѣ все было украшено, отъ одежды до фуріи, подобно какъ въ жаркихъ климатахъ всякое явленіе въ воздухѣ или лѣсахъ, даже хищный звѣрь, пролетаетъ и мчится въ блестящихъ огненныхъ краскахъ; тогда какъ хладное, неизмѣримое, однообразное море заключаетъ въ нѣдрѣ своемъ одни сѣдыя чудовища. Страна, гдѣ на всѣхъ улицахъ, во всѣхъ храмахъ звучныя струны искусства раздавались сами собою, подобно Эоловымъ арфамъ. Цѣлый народъ, въ упоеніи прекраснаго, съ религіею, которая увеселяла и зрѣніе и сердце, которая примиряла боговъ празднества-

ми, и какъ бы храмъ уже былъ Олимпомъ, учреждала одни радостныя игрища и искуства, и веселыми хорами, какъ виноградными лозами, обнимала три четверти года. Тотъ же народъ, дружный съ своими богами, близкій къ нимъ, отъ самыхъ отдаленныхъ баснословныхъ временъ, гдѣ, какъ на высокомъ холмѣ, его предки - герои казались исполинами и терялись между богами, до настоящаго, гдѣ вся природа оживлялась ими, гдѣ во всякой рощѣ таилось какое нибудь божество или стоялъ храмъ его, гдѣ для каждаго человѣческаго вопроса и желанія, равно и для каждаго цвѣтка, божество олицетворялось, и гдѣ небесное, подобно тихому голубому эеиру, вездѣ окружало земное — когда самая жизнь въ народѣ уже такъ свѣтла, когда въ самый полдень предъ нимъ блещетъ тотъ очаровательный міръ, который у другихъ народовъ существуетъ въ одной Поэзіи, — то для такихъ юношей, живущихъ между розами и подъ Авророю, какъ разыграются утренніе сны Поэзіи, когда они задремлютъ подъ ними — какъ смѣшаются ночные цвѣты съ дневными — какъ перенесутъ они весеннюю жизнь земли на небо Поэзіи — какъ привяжутъ они самое горе къ веселію поясомъ Венеры?

(Съ Нѣмец. А. В.)

VI.

МНѢНІЕ О МАЛОРОССІЙСКОМЪ ЯЗЫКѢ И ПРАВОПИСАНІИ ОНАГО.

Въ N 20 Вѣстника Европы за 1829 годъ помѣщена была *сообщенная* Издателю Малороссійская пѣсня и замѣчаніе, касающееся предложеннаго мною правописанія Малороссійскаго, и мнѣнія о семъ языкѣ. Мнѣ пріятно было въ сочинителѣ замѣчанія онаго найти еще новаго послѣдователя *главному основанію* правописанія моего, въ слѣдствіе коего всегда удерживаются коренныя гласныя буквы, и только отмѣчаются особымъ значкомъ, если выговариваются иначе. Онъ *принимаетъ* сіе основаніе, и только обнаруживаетъ несогласіе свое относительно предлоговъ *зъ* и *одъ*, кои, по его словамъ, не всегда должны быть употребляемы вмѣсто *съ* и *отъ*. Онъ ссылается на всѣхъ Малороссіянъ въ томъ, что они предлоги сіи, *предшествуемые* согласными буквами: к, п, с, ш, хв (ф), ц, ч, ш, щ — произносятъ просто какъ *съ* и *отъ*, а *послѣ* всѣхъ прочихъ согласныхъ какъ *зъ* и *одъ*.

Если слова *предшествуемые* и *послѣ* — поставлены сочинителемъ замѣчанія умѣстно, то онъ можетъ быть и правъ; только безъ примѣровъ я сего не понимаю. Еслижъ, какъ кажется, они по ошибкѣ поставлены вмѣсто *послѣдуемые* и *предъ*;

но слишкомъ поспѣшное сдѣлано рѣшеніе, будто я *пишу совершенно несправедливо*. Не полагаясь на собственную память звуковъ, сошлюсь на Малороссійскихъ писателей нашихъ и на пьесы, кои помѣщены были въ В. Европы. Ихъ примѣрами можно доказать, что и *предъ* сказанными согласными буквами предлогъ *зъ* употребляется. Такъ просвѣщенный авторъ *Твердовскаго*, хотя и не принимаетъ моего правописанія въ главномъ, но пишетъ: *зъ кухвы*, *ни-зъ кимъ*, *зъ писку*, *зъ прогоныча*, *зъ печи*, *зъ чорпомъ* и проч. Въ Граммашикѣ Г. Павловскаго встрѣшише: *зъ покоемъ*, *зъ корчмы*, *зъ симъ*, *зъ цяшками*; у Кн. Цершелева: *зъ симъ*; въ стихотвореніи *Молодица* (В. Е. 1829 N 9): повій *зъ того* краю. Наконецъ и въ Енеидѣ Котляревскаго найдутся примѣры, подтверждающіе принятое мною правило: предлогъ *зъ* (принимашь ли его всегда за измѣненіе предлога *съ*, какъ въ Польскомъ языкѣ z; или иногда какъ сокращеніе предлога *изъ*, употребляемаго весьма часто вмѣсто *съ*) писашь во всѣхъ случаяхъ, хотя иногда говоряшъ и *съ*. Русскій предлогъ *со* — по Малороссійски *зо* (*зо* мною, *зо* всѣмъ). Что Малороссійскому языку свойственъ звукъ З, видно изъ словъ *знайшовъ* и ш. п., кои въ Русскомъ употребляются безъ сего звука (нашелъ...). Впрочемъ я не могу сказашь ничего положишельнаго о словахъ сложныхъ съ симъ предлогомъ, и не распространяю на оныя сказаннаго правила; но и правило

замѣчателя: будто предлоги сіи должно писать по правописанію древняго Славянскаго (?) или Русскаго (?), не изъято отъ возраженій относительно сложныхъ словъ. Притомъ и въ Русскомъ правописаніи не всѣ одного мнѣнія касательно употребленія буквъ *з* и *с*: напр. Г. Пенинскій сперва напечаталъ второе *и*справленное изданіе Славянской Граммашики, а потомъ изданіе третіе вновь *и*справленное, и сія перемѣна сдѣлана вѣроятно въ слѣдствіе законовъ правописанія Славянскаго, болѣе объяснившагося послѣ втораго изданія: не угодно ли Гну замѣчателю сдѣлать такое заключеніе! — Что касается до предлога *одъ*, то и его ставилъ я вездѣ для единообразія, вмѣсто *отъ*, по примѣру Сербскаго языка, въ коемъ сія частица имѣетъ всѣ тѣ значенія, какъ и въ Малороссійскомъ (см. Малорос. Пѣсни стр. 202). Притомъ Малороссійская частица *отъ* значитъ то, что въ Рускомъ *вотъ*: *от - се* или *от - це* (вотъ это, это); *от - ще* (вотъ что) и проч. — Я такъ распространился о сихъ двухъ частицахъ, ибо надобно было показать, что замѣтившій частныя ошибки моего правописанія едвали не самъ ошибается, тѣмъ болѣе надобно было, что онъ изъ сего выводитъ дальнѣйшія слѣдствія порядкомъ совсѣмъ не законнымъ. Симъ однакожъ я не думаю защищать правописанія моего во всѣхъ частностяхъ; я вижу самъ ошибки онаго и стараюсь исправлять ихъ, хотя это не служитъ ни-

сколько къ его опроверженію. Всякая система допускаетъ частныя усовершенія, и не можетъ быть изъятою отъ оныхъ; но только та можетъ быть названа прочною и удовлетворительною, основаніе коей не измѣняется частными поправками, и которая удовлетворяетъ большему числу случаевъ. Таково, смѣю думать, употребленіе коренныхъ гласныхъ буквъ въ Малороссійскомъ правописаніи, гдѣ буква одна и та же выговаривается иначе, по разнымъ произношеніямъ (*конь* — произносится въ разныхъ мѣстахъ различно: *кинь*, *кюнь*, *куинь*, *кунь*, *кюнь*, *кынь*). Посему главное дѣло здѣсь будетъ состоять въ нахожденіи коренной гласной буквы, — въ томъ, чтобы понять происхожденіе слова; причемъ не всегда можно вдругъ попасть на истину. Такъ на пр. у меня ошибочно было писано: *лѣкъ* — счетъ, *лѣчити* — счищать; ибо, при одинаковомъ выговорѣ, сіе слово должно писать съ буквою *ѣ* тогда только, когда оно означаетъ врачеваніе (особенно внутреннее): *лѣчу*, *лѣкарський*; но въ первомъ значеніи должно писать съ буквою *и*: *лічу* — считаю, *лікъ* — счетъ или число, *лічьба* счетъ или считаніе.

Сочинитель замѣчанія, указавъ на недоказанныя ошибки мои относительно двухъ предлоговъ, приписываетъ подобныя неправильности *принятому* (будто бы мною) *ложному мнѣнію*, что Малороссійскій языкъ происходитъ отъ Русскаго и Польскаго, отъ

мхъ смѣшенія. Потомъ онъ утверждаетъ, что сей языкъ нельзя производить непосредственно ни отъ Великороссійскаго, ни отъ Польскаго; что онъ по множеству формъ древняго Славянскаго языка, *утерянныхъ* въ Русскомъ и Польскомъ, и по другимъ особенностямъ, ему только свойственнымъ, отличенъ отъ всѣхъ прочихъ Славянскихъ нарѣчій, и п. п. Говоря сіе, онъ взводитъ на меня небылицы, и желая обвинить меня, самъ оправдываетъ, ибо защищаетъ то мнѣніе, которое (не знаю, первый ли я, да и не претендую на то; по крайнѣймѣрѣ *самъ по себѣ*) я высказалъ въ моемъ изданіи пѣсень, вопреки существующему мнѣнію, будто Малороссійскій языкъ есть только нарѣчіе Великороссійскаго, испорченное Польскимъ. — Изъ сказаннаго мною (Мал. П. стр. XII.), что форма пѣсень Малороссійскихъ, какъ и самый языкъ, занимаетъ „средину между Польскими и Рускими“ — вовсе не слѣдуетъ, чтобъ онъ былъ ихъ смѣшеніемъ. Я именно говорилъ (стр. XXXV и 183): „что во многихъ свойствахъ сей языкъ ближе Великороссійскаго „и Польскаго къ прочимъ языкамъ Славянскаго корня, такъ, что его можно почитать дѣйствительно среднимъ въ смѣшеніи сихъ нарѣчій, какъ и самое положеніе „странъ, гдѣ говорятъ симъ языкомъ,, что „изслѣдователь Граммашики Малороссійскаго языка увидѣлъ бы въ немъ нерѣдко свойства (т. е. слова и ихъ формы), идущія прямо отъ Славянскаго корня и упра-

„ченныя въ Русскомъ; могъ бы открыть не-
„стоянные законы употребленіемъ и мѣст-
„ностями замѣненные. — Дѣлая указанія на
„другіе языки, я старался показать сродство
„онаго съ словами Польскаго и другихъ Сла-
„вянскихъ нарѣчій, и имѣлъ въ виду показа-
„ніе: въ какихъ еще языкахъ повторились
„слова Малороссійскія, а не изъ какого язы-
„ка перешли они въ Малороссійскій.“ — Для
доказательства его особенности, я указалъ
въ предисловіи на нѣкоторыя формы его,
на *пр.* на *неопредѣленное* наклоненіе, ко-
торое (какъ и въ церковномъ, Сербскомъ
и Богемскомъ) оканчивается собственно на
ти; на *будущее* время нѣкоторыхъ глаго-
ловъ, Порусски неупотребляющееся и со-
ставленное въ подобіе церковнаго языка
(ходит — иму, — имешь, — име; ходимъ
— имемъ; — имете; — имутъ). Въ чис-
лѣ особенностей языка у меня упомянутъ
и лаконизмъ его, о которомъ сочинитель
замѣчанія говоритъ какъ о доводѣ, будто
бы его мнѣнія. Я могъ бы болѣе развить
мимоходомъ сказанную мысль оную объ осо-
бенности языка Малороссійскаго, еслибъ
имѣлъ больше досуга на занятіе симъ пред-
метомъ, который люблю я, какъ Малорос-
сіянинъ любящій Исторію, Поэзію и все
относящееся къ его родинѣ. Но я доволенъ
буду и тѣмъ, если успѣлъ показать начала,
кои неназвавшійся сочинитель повторилъ въ своемъ замѣчаніи и принимаетъ ихъ
въ основаніе особаго Разсужденія. Мнѣ пріят-
но будетъ видѣть, если начатки мои ему,

или кому другому, послужатъ къ дальнѣйшимъ выводамъ и слѣдствіямъ, хотя, признаюсь, я никакъ не ожидалъ, чтобы можно было сказанныя особенности почесть *достаточными причинами* къ заключенію, что *на Малороссійское нарѣчіе должно смотрѣть какъ на остатокъ древняго языка нашихъ предковъ (?)*, какъ почитаетъ сочинитель замѣчанія. Еще менѣе ожидалъ я, чтобы можно было, пользуясь чьимъ либо мнѣніемъ, отнимать оное у него, а ему приписывать то мнѣніе, которое онъ отрицаетъ, и слѣдствія, будто бы изъ сего имъ отрицаемаго мнѣнія происходящія.

М. Максимовичъ.

3 2044 019 514 603